

**Редакционный совет и редакционные коллегии научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель редакционного совета серии

В. И. Молодин, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев, канд. ист. наук, доц. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Члены совета

Х. А. Амирханов, чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в Махачкале, Республика Дагестан, Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола, д-р истории, проф. (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц, д-р филологии, проф. (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головин, чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ж. Жобер, д-р истории, проф. (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель, д-р филол. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Э. Имполи, д-р филологии, проф. (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич, д-р филол. наук, проф. (Варминьско-Мазурский университет, Ольштын, Польша)

С. Коткин, д-р истории, проф. (Принстонский университет, Принстон, США)

В. А. Ламин, чл.-кор. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

Ока Хироки, д-р истории, проф. (Университет Тохoku, Сэндай, Япония)

Г. Парцингер, д-р истории, проф. (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон, д-р истории, проф. (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон, д-р археологии и антропологии, проф. (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд, д-р истории, проф. (Уэслианский университет, Мидделтаун, США)

И. В. Силантьев, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун, д-р истории, проф. (Гонконгский университет, Китайская Народная Республика, Токийский университет, Япония)

Т. Хайм, д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин, д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев, канд. ист. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров (Новосибирский государственный медицинский университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

А. Н. Алексеенко, д-р ист. наук, проф. (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В. П. Булдаков, д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)

В. Фудзимото, д-р истории, проф. (Осакский университет экономики и права, Япония)

Д. Вулф, д-р истории, проф. (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)

В. Дённингхаус, д-р истории, проф. (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)

Л. В. Дериглазова, д-р ист. наук, проф. (Томский государственный университет, Россия)

С. В. Кондратьев, д-р ист. наук, проф. (Тюменский государственный университет, Россия)

А. С. Лавров, д-р ист. наук, проф. (Университет Париж-Сорбонна, Париж, Франция)

Г. Г. Пиков, д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Н. Н. Родигина, д-р ист. наук, проф. (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

С. Ю. Сапрыкин, д-р ист. наук, проф. (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)

Д. Смил, д-р истории, проф. (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)

И. Халфин, д-р истории, проф. (Тель-Авивский университет, Израиль)

Э. Д. Хейвуд, д-р истории, профессор (Королевский колледж Абердинского университета, Абердин, Великобритания)

П. Холквист, д-р истории, проф. (Пенсильванский университет, Филадельфия, США)

В. И. Шишкин, д-р ист. наук, проф. (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

А. Х. Элерт, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия)

М. Юнге, д-р истории (Рурский университет, Бохум, Германия)

**Advisory Board and Editorial Boards of academic journal
“Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology”**

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief editor of the series

A. S. Zuev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive secretary of the series

S. G. Skobelev, Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola, Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytshchik, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz, Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

A. P. Derevyanko, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert, Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel', Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti, Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich, Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin, Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki, Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger, Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson, Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong, Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland, Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung, Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham, Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin, Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the issue “History”

Executive editor

A. V. Dmitriev, Candidate of Historical Sciences (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive secretary

S. O. Egorov (Novosibirsk State Medical University, Russian Federation)

Board Members

A. N. Alekseenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust Kamenogorsk, the Republic of Kazakhstan)

V. P. Buldakov, Doctor of Historical Sciences (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

W. Fujimoto, Doctor in History, Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)

D. Wolff, Doctor in History, Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)

V. Dönninghaus, Doctor in History, Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)

L. V. Deriglazova, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tomsk State University, Russian Federation)

S. V. Kondratyev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Tyumen State University, Russian Federation)

A. S. Lavrov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)

G. G. Pikov, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

N. N. Rodigina, Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

S. Yu. Saprykin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

J. Smele, Doctor in History, Professor (Queen Mary's college of London University, United Kingdom)

I. Halfin, Doctor in History, Professor (Tel Aviv University, Israel)

A. J. Heywood, Doctor in History, Professor (King's College, University of Aberdeen, Aberdeen, Great Britain)

P. Holquist, Doctor in History, Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)

V. I. Shishkin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

A. Kh. Elert, Doctor of Historical Sciences (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

M. Junge, Doctor in History (Ruhr University, Bochum, Germany)

ВЕСТНИК НГУ

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

Серия: История, филология

2018. Том 17, № 8: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

<i>Иванов С. С.</i> К основным этапам этнополитической истории саков-хаумаварга	9
<i>Журавлев А. В.</i> Доктрина пассивного повиновения (passive obedience) в стюартовской Англии, 1603–1688 годы	20
<i>Шелегина О. Н., Жетпысбаев С. К.</i> Государственная политика Республики Казахстан по освоению культурного наследия	30

Российская история

<i>Гурьянова Н. С.</i> Об использовании старообрядцами сочинений оппонентов	38
<i>Shiotani M.</i> The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commerical Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century. Part 1 (Сиотани М. Экспорт российских хлопчатобумажных тканей и коммерческая сеть азиатских торговцев в первой половине XIX века. Статья 1)	49
<i>Буйнова К. Р.</i> «Намеки на нашу собственную язву»: путешественники в Америку о рабстве накануне отмены крепостного права	65
<i>Гребенкин И. Н.</i> Армия военного времени в политическом процессе России 1917 года	78
<i>Шишкин В. И.</i> «Левый дрейф» социалистов Сибири накануне и после разгрома Колчака (конец 1919 – начало 1920 года)	90
<i>Суслов А. Ю.</i> Переписка Заграничной Делегации партии социалистов-революционеров с партийным центром в Советской России (1921–1925 годы) как исторический источник	107
<i>Рябова Ю. В.</i> Производственная деятельность Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР (1947–1948 годы)	116
<i>Рабуш Т. В.</i> К вопросу о росте объемов советской военной помощи Афганистану в 1978–1979 годах	127

Историография

<i>Андреенков С. Н.</i> Колхозно-совхозная система СССР 1946–1964 годов в научной и публицистической литературе советской эпохи	136

Рецензии

<i>Козлов В. А., Комиссаров С. А.</i> Рец. на кн.: Пластун В. Н. Изнанка афганской войны 1979–1989 гг.: Дневниковые записи и комментарии участника. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. 756 с.	147
---	-----

Научная информация

Юбилей профессора В. И. Шишкина	150
Список сокращений	153
Информация для авторов	154

VESTNIK of NSU

Scientific Journal
Since 1999, November
In Russian

Series: History and Philology

2018. Volume 17, № 8: History

CONTENTS

World History

<i>Ivanov S. S.</i> Key Stages of Ethno-Political History of the Saka Haumavarga	9
<i>Zhuravlev A. V.</i> The Doctrine of Passive Obedience in Stuart England, 1603–1688	20
<i>Shelegina O. N., Zhetpysbayev S. K.</i> State Policy of the Republic of Kazakhstan on Exploring its Historical and Cultural Heritage	30

Russian History

<i>Guryanova N. S.</i> Old Believers' Use of Opponents' Written Folklore	38
<i>Shiotani M.</i> The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commerical Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century. Part 1	49
<i>Buynova K. R.</i> "Hinting at Our Own Sore Spot": Travelers to America about Slavery on the Eve of the Abolition of Serfdom in Russia	65
<i>Grebenkin I. N.</i> The Role of the War Time Army During the Political Process of Russia in 1917	78
<i>Shishkin V. I.</i> The "Left Drift" of Socialists in Siberia Before and After the Defeat of Kolchak (End of 1919 – Early 1920)	90
<i>Suslov A. Yu.</i> Correspondence of the Foreign Delegation of the Socialist-Revolutionaries Party with the Party Center in Soviet Russia (1921–1925) as a Historical Source	107
<i>Ryabova Yu. V.</i> Industrial Activity of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry on Internal Affairs (1947–1948)	116
<i>Rabush T. V.</i> The Question of Increased Growth of Soviet Military Assistance in Afghanistan Between 1978–1979	127

Historiography

<i>Andreenkov S. N.</i> The USSR Collective-State Farming System in 1946–1964 in Scientific and Publicistic Literature of the Soviet Era	136

Reviews

- Kozlov V. A., Komissarov S. A.* Review on the book: Plastun V. N. The Underside of the Afghanistan War 1979–1989: Diary Entries and Participant’s Commentaries. Moscow, RAS Oriental Institute, 2016, 756 p. 147

Scientific information

- Professor V. I. Shishkin’s Jubilee 150
- List of Abbreviations 153
- Instructions to Contributors 154

УДК 94 (3)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-9-19

С. С. Иванов

*Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына
ул. Фрунзе, 547, Бишкек, 720033, Кыргызстан*

sak@yandex.ru

К ОСНОВНЫМ ЭТАПАМ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ САКОВ-ХАУМАВАРГА

Статья посвящена изучению особого этнополитического объединения полукочевого и кочевого населения, известного в древнеперсидских источниках, как саки-хаумаварга, которое чаще всего истолковывается как саки, почитающие (или готовящие) священный напиток хаому. На основании анализа письменной традиции было установлено, что данная группа среднеазиатских скотоводов занимала горный регион Памиро-Алая. Во второй половине VI в. до н. э. саки-хаумаварга подчиняются империи Ахеменидов, приблизительно на рубеже V и IV вв. до н. э. они выходят из их подчинения. После завоевания Средней Азии Александром Македонским они устанавливают отношения с эллинистическими государствами. В армии Греко-Бактрии прослеживается наличие наемников из числа саков-хаумаварга. На рубеже III и II вв. до н. э. в результате военной активности греко-бактрийских царей происходит сокращение территории этого объединения кочевников и постепенный его упадок.

Ключевые слова: Средняя Азия, древность, саки-хаумаварга, этнополитическая история, Ахемениды, эллинистические государства.

Саки-хаумаварга – одно из крупнейших этнополитических образований кочевников в древней Средней Азии, игравших заметную роль в политической истории региона на протяжении большей части I тыс. до н. э. Но несмотря на это, процессы формирования и развития этого объединения не совсем ясны и требуют дополнительного изучения.

Сам этноним «сака-хаумаварга» впервые отмечается в ахеменидских письменных памятниках и в переводе с древнеперсидского этноним означает «саки, которые почитают (или готовят) священный напиток хаому» [Schmitt, 2004. Р. 63]. Не совсем ясно, является ли оно самоназванием или хотя бы его приближенным по смыслу древнеперсидским переводом. Вполне возможно, что оно отражает наиболее характерную черту этой группы племен, выражавшуюся в почитании хаомы, что существенно отличало их от соседних группировок кочевников. Поэтому древние персы использовали это отличие в качестве своеобразного этнокультурного маркера подобно тому, как другой группе кочевников Средней Азии они дали название саки-тиграхауда, или «саки, носящие остроконечные шапки». По этой причине можно предполагать, что саки-хаумаварга – это экзоэтноним, который не использовался самими кочевниками этой группы, но широко применялся в Ахеменидской державе, вследствие чего дошел также в его греческой передаче «амиргии» (Herod., VII, 64). Но в то же время есть все основания утверждать, что ими использовался этноним «саки», о чем речь пойдет ниже.

Прежде всего, необходимо остановиться на вопросах локализации саков-хаумаварга, которые стали известны благодаря ахеменидской нарративной традиции только во второй половине

VI в. до н. э., но, вне сомнений, их объединение сформировалось гораздо ранее того времени, когда они попали в поле зрения древних персов.

В настоящее время доминирует представление, что группа саков-хаумаварга занимала крайние юго-восточные районы Средней Азии [Пьянков, 1968. С. 13–16; Piankov, 1994. Р. 37–38] – прежде всего, речь идет о горных районах Памиро-Алая, включая Гарм на северо-западе [Литвинский, 1972. С. 173–174]. Хотя можно полагать, что территория расселения этой группы саков была шире и охватывала также прилегающие с юга территории высокогорных районов Афганистана (Ваханский коридор) и Пакистана (Гилгит), с которыми зафиксированы тесные культурные связи населения древнего Памира¹. Кроме того, погребальные памятники, культурно очень близкие памирским, известны в районе современного Ташкурмана в Синьцзяне (памятники типа сянбаобао), что указывает на то, что эти территории также входили в состав единого этнокультурного образования [Шульга, 2010. С. 20. Рис. 1, v]. Не совсем при этом ясна северная граница объединения саков-хаумаварга, которая, вероятно, доходила до южных пределов Ферганской долины [Piankov, 1994. Р. 38].

Подобная локализация саков-хаумаварга вполне согласуется с данными ахеменидских источников, которые чаще всего помещают их рядом с Гандхарой – областью в северной части исторической Индии [Щеглов, 1999. С. 52–54]. На это соседство также недвусмысленно намекал Курций Руф (Curt., VII, 4. 6). В то же время Геродот указывает на соседство амиргийских саков с Бактрией (Herod., IX, 113), причем в этом случае располагаться они могли только к востоку и северо-востоку от этой исторической области [Литвинский, 1972. С. 164–165]. Данные сведения достаточно четко указывают на горные районы юго-востока Средней Азии, как места расселения саков-хаумаварга.

Таким образом, местами проживания саков-хаумаварга вполне уверенно можно считать горные районы Памира, Алая и прилегающих районов Афганистана, Пакистана и Синьцзяна.

Несмотря на то, что саки-хаумаварга упоминаются только со второй половины VI в. до н. э., формирование этнополитического объединения саков-хаумаварга начинается гораздо раньше – уже в VIII–VII вв. до н. э. Именно с этого времени начинает оформляться комплекс культурных черт, характерных для погребальных памятников Памира на протяжении всего сакского периода. Правда, не совсем ясно, откуда шел интеграционный импульс, который привел к оформлению объединения саков-хаумаварга. Впрочем, и само объединение относительно изолированных горных районов юго-востока Средней Азии и прилегающей части Афганистана и Пакистана шло относительно медленно и продолжалось на протяжении нескольких столетий уже в составе саков-хаумаварга. Это хорошо прослеживается на археологических материалах, где четко заметны два культурных ареала: памирский и алайский, которые существенно различаются, причем не только по облику культуры, но и, судя по всему, по первоначальной этнической основе.

Алайский вариант культуры по своему облику тяготеет к кочевникам Притяньшанья, хотя и имеет все же ощутимое своеобразие [Ташбаева, 2011. С. 143–145, 158–164]. В то время как памирский вариант культуры [Литвинский, 1972. С. 132–134], вероятнее всего, складывался на основе местного населения, родственного, по-видимому, позднейшим буришкам, но все же при сильнейшем культурном влиянии раннескифских культур Синьцзяна и Саяно-Алтая. Можно предполагать, что местный субстрат был ассимилирован более малочисленными пришельцами, но в то же время сыграл заметную роль в формировании общего облика культуры. Это в свою очередь позволяет предполагать, что в формировании культуры Алая и Памира приняла участие общая миграционная волна, имевшая место в самом начале I тыс. до н. э. [Бернштам, 1952. С. 210–211, 324–325].

Однако хорошо заметно взаимное влияние обоих культурных вариантов, разделенных также и существенными естественными преградами – высокими горными хребтами и труднодо-

¹ Вместе с тем М. А. Бубнова сомневалась в том, что высокогорные территории Памира были населены саками (подробнее об этом см.: [Бубнова, 2010]).

ступными перевалами. Впрочем, это не помешало формированию общего, достаточно устойчивого этнополитического образования.

Подобное этнокультурное взаимодействие между Алаем и Памиром прослеживается также и на основе антропологических материалов. С одной стороны, заметно проникновение средиземноморского элемента с Памира на Алай, причем отмеченное преимущественно по женским черепам; с другой, прослеживается и обратная инфильтрация антропологических признаков, свойственных сакскому населению Алая, что особенно заметно в прилегающей к нему северо-восточной части Памира. Это можно объяснить только интенсивными брачными контактами двух групп населения, которые могли быть возможны в рамках единого этнополитического объединения [Тур, 1997. С. 11–12, 21–22; Ташбаева, 2011. С. 171; Ходжайов, Ходжайова, 2015. С. 83–84; Бубнова, 2015. С. 34].

Становление общего культурного пространства способствовало упрочению этнических контактов и усилению политического сближения скотоводческих племен горных районов юго-востока Средней Азии, что постепенно приводит к оформлению не ранее рубежа VII и VI вв. до н. э. нового этнополитического образования саков-хаумаварга.

По-видимому, они к этому времени играли уже заметную политическую роль в регионе, поскольку в период покорения персидским царем Киром II Средней Азии они оказали персам ощутимое сопротивление, что нашло отражение в труде Геродота, упомянувшего, что в числе его важнейших противников были «Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне» (Herod., I, 153. 4). То, что под «саками» здесь имеются в виду именно саки-хаумаварга, не вызывает особых сомнений, поскольку в нескольких ранних ахеменидских надписях, в том числе в Бехистунской, они упомянуты в том же качестве [Литвинский, 1972. С. 163–164; Дандамаев, 1985. С. 102–103]. И только после включения в состав империи Ахеменидов других групп кочевников они получают уточняющий эпитет «хаумаварга», чтобы отличать их от иных этнополитических объединений номадов. А учитывая сведения Плиния о том, что персы всех кочевников «назвали обобщающе саками от ближайшего племени» (Plin., N. H., VI, 50), можно с полным основанием утверждать, что именно данная группа кочевников использовала этноним «саки» в качестве самоназвания [Пьянков, 1968. С. 12–18].

Ожесточенное сопротивление, оказанное персам саками-хаумаварга, объясняется, по-видимому, не только тесными этническими и политическими взаимосвязями кочевого и полукочевого населения Памиро-Алая с соседними земледельческими областями (особенно с Бактрией), но и также теснейшими экономическими взаимоотношениями между ними. Последние были особенно важны для скотоводческого населения высокогорных районов региона, нуждавшегося в получении продуктов земледелия из соседних областей региона. Поэтому покорение древними персами земледельческих областей Средней Азии, нарушившее издавна сложившиеся взаимосвязи с окружающими их номадами, вполне закономерно вызвало военное столкновение с населением соседних кочевых и полукочевых районов. Как считает М. А. Дандамаев, саки-хаумаварга были покорены Ахеменидами уже при Кире II, в период с 545 по 539 г. до н. э., и с этого времени они достаточно прочно вошли в состав древнеперсидского царства [1985. С. 28–29].

В период 522–521 гг. саки-хаумаварга принимают участие в грандиозном восстании среднеазиатских народов против Дария I и, нужно полагать, оказывают повстанцам действенную помощь. Но после подавления очагов антиперсидского движения в регионе они возвращаются под контроль Ахеменидов [Там же. С. 103–104]. Вероятно, что они были вновь покорены в результате очень локальной военной акции, проведенной остававшимся верным Дарию I на протяжении всего восстания в Средней Азии сатрапом Бактрии Дадаршишем, либо добровольно подчинились власти персидского царя после разгрома основных очагов восставших в регионе [История таджикского народа, 1998. С. 256].

При Дарии I (522–486 гг. до н. э.) саки-хаумаварга, наряду с саками-тиграхауда² и восточными каспиями (каспирами)³, которые занимали северные районы Индии – входят в XV сатрапию, представлявшую собой огромное искусственное объединение горных районов на самом востоке империи Ахеменидов. Помимо выплаты дани, которая, судя по древнеперсидским рельефам из Персеполя (делегация № 11 Ападаны)⁴, взималась не только серебром, золотом, но и драгоценными и полудрагоценными камнями, конями, оружием и другими ценными предметами [Schmidt, 1953. Р. 43; История таджикского народа, 1998. С. 259, 262], саки-хаумаварга вынуждены были также поставлять в персидскую армию воинские контингенты для участия в военных кампаниях. Так, они принимают участие в Греко-персидских войнах (500–449 гг. до н. э.) (Herod., VI, 133; VIII, 113; IX, 31, 71), а также, видимо, в других локальных конфликтах, которые велись Ахеменидами.

При этом, в ходе в военной кампании Ксеркса в Греции саки-хаумаварга, по-видимому, сражались в едином сводном контингенте вместе с саками-тиграхауда. В пользу этого указывает один из пассажей Геродота, где сообщается, что «амиргийские саки», в которых мы без сомнения можем видеть саков-хаумаварга, были одеты в высокие, островерхие шапки (Herod., VII, 64). Но они не носили подобного рода головные уборы, что хорошо известно по их изображениям на ахеменидских рельефах. В то же время подобные высокие башлыки были отличительной чертой другой группы среднеазиатских кочевников – саков-тиграхауда. Это позволяет сделать вывод, что Ахемениды свели воинов этих двух групп кочевников в единый отряд. Это выглядит еще более закономерным, если учесть, что они входили в тот момент в состав одной сатрапии.

Персы особо ценили боеспособность воинских отрядов кочевников Средней Азии и по этой причине способствовали созданию военных колоний саков на территории Месопотамии, где они получали специальные воинские земельные наделы, за которые должны были нести потомственную военную службу в ахеменидских войсках [Дандамаев, 2009. С. 322–326]. Но, по-видимому, в этих колониях селились не только саки-хаумаварга, но и выходцы из других кочевых областей Средней Азии.

Однако глубокий политический кризис в государстве Ахеменидов на рубеже V и IV вв. до н. э., приведший к значительному ослаблению центральной власти [Там же. С. 240–246], вызвал также заметное ослабление власти персов в Средней Азии. Как представляется, именно на волне этих событий становятся независимыми Хорезм [Балахванцев, 2006. С. 371–373] и, видимо, саки-тиграхауда. Вероятно, звеном в цепи этих же событий стал выход из повиновения и высокогорных районов, занимаемых саками-хаумаварга, где и прежде власть Ахеменидов была не особенно сильна.

Впрочем, выход этой группы саков из подчинения персам не сопровождался военным конфликтом с последними, поскольку уже в IV до н. э. они считались союзниками империи Ахеменидов (Arr., III, 8. 3). Поэтому можно предполагать, что персы вынуждены были проявить гибкость для сохранения стабильности в подвластных им сельскохозяйственных областях Средней Азии и пойти на выстраивание долговременных союзнических отношений с кочевыми объединениями региона, в том числе и с саками-хаумаварга. Причем последние продолжали поставлять воинов в ахеменидскую армию, но теперь уже в качестве наемных отрядов.

Подобный крупный отряд под предводительством Мавака принял участие на стороне персов против войск Александра Македонского в знаменитом сражении при Гавгамелах (Арбелах) в 331 г. до н. э., решившем судьбу государства Ахеменидов [Шофман, 1976. С. 90; Абдуллаев, 2002. С. 14]. При этом античная традиция особо подчеркивает, что данные саки не являются

² Более развернуто о возможности локализации саков-тиграхауда ахеменидских надписей на северо-востоке Средней Азии см.: [Иванов, 2015].

³ Восточные каспии, или каспиры, были, по-видимому, коренным неиндоевропейским населением западной части Гималаев, потомками которых, возможно, являются современные буришки [Piankov, 1994. Р. 42–45].

⁴ Часто эта делегация идентифицируется как согдийцы, но обзор предметов, которые они несут в качестве даров – кинжалы скифского типа, клевцы / чеканы, а также одежда характерны более для кочевого и полукочевого населения Средней Азии, что позволяет их рассматривать именно как саков-хаумаварга.

подданными персидского царя, а лишь его союзниками (Арт., III, 8. 3), чтобы отличить их от потомков сакских военных колонистов Месопотамии.

Сомневаться, что в битве при Гавгамелах принимали участие именно саки-хаумаварга, не приходится. Поскольку именно термин «саки» античные источники, повествующие о походах Александра Македонского на Восток, применяют только по отношению к кочевникам, жившим северо-восточнее Бактрии [Щеглов, 2006. С. 288–291], т. е. только по отношению к группе саков-хаумаварга.

После разгрома персидской армии при Гавгамелах ее остатки отошли в Мидию вместе с бежавшим туда Дарием III, после чего ее отряды, сформированные по этническому признаку, разошлись по родным областям [Kuhrt, 2007. Р. 447]. Нужно полагать, что и остатки контингента саков-хаумаварга вернулись на родину, не приняв какого-либо существенного участия в событиях окончательного крушения государства.

Видимо, впечатлением, произведенным крушением империи Ахеменидов и столкновением с греко-македонским войском при Гавгамелах, можно объяснить ту выжидательную позицию, которую заняли саки-хаумаварга во время военной кампании Александра Македонского в Средней Азии.

Известно, что вскоре после поражения засырдарьинских «скифов» в 329 г. до н. э. в битве на реке Яксарт / Танаис саки-хаумаварга посылают к Александру Македонскому посольство, которое, по словам Курция Руфа, было милостиво принято македонским царем. В этом отношении интересно замечание, что саки были впечатлены снисходительностью к пленным «скифам», которых Александр отпустил без выкупа, что и стало причиной отправки посольства (Curt., VII, 9. 17–19). Складывается впечатление, что саки-хаумаварга не без оснований опасались нападения греко-македонских войск. Причина подобных опасений может быть сокрыта в том, что данная группировка кочевников традиционно была верным союзником Ахеменидов в регионе, и их крупный отряд даже принимал участие на стороне персов в сражении при Гавгамелах. Поэтому они решили отправить посольство, чтобы заверить македонского царя в своем миролюбивом расположении.

Однако Александр Македонский в этом случае пошел на хитрость. Милостиво приняв сакских послов, он отправляет с ними одного из своих гетайров – Эксципина, которому фактически выпала роль быть лазутчиком. Это показывает, что македонский царь не оставлял возможности нападения на саков-хаумаварга.

В начале 327 г. до н. э., после окончательного покорения Согдианы, Александр внезапно нападает на саков-хаумаварга. Греко-македонские войска шесть дней продвигались по пустынным, гористым территориям, пока не достигли владений саков, опустошив которые, захватили огромное количество скота – 30 тыс. голов (Curt., VIII, 4. 20). Как не без оснований считает Д. А. Щеглов, такое огромное количество скота воины Александра могли захватить только в Алайской долине, которая издревле была богата прекрасными пастбищами [2006. С. 284–285].

Саки же, как видно из развития событий, не были готовы к такому вторжению, отчего практически не оказали сопротивления внезапному нападению войск Александра. Сам же македонский царь подобной военной акцией достиг несколько целей: продемонстрировал силу и ослабил бывшего союзника Ахеменидов в регионе, что могло удержать саков-хаумаварга от враждебных действий после ухода основных сил Александра в Индию.

Последующее укрепление власти эллинистических государств в Средней Азии открывает новую страницу в истории этнополитического объединения саков-хаумаварга. И если их взаимоотношения с государством Селевкидов не совсем ясны, то формирование в середине III в. до н. э. независимого Греко-Бактрийского царства налагает существенный отпечаток на политическое положение этой группы кочевников.

Взаимоотношения Греко-Бактрии со своей кочевой периферией на восточной границе носили комплексный характер. С одной стороны, находки значительного количества типичных сакских бронзовых наконечников стрел на различных городищах, в том числе в арсенале крупного городища Ай-Ханум, позволяют говорить о наличии значительного количества сакских наем-

ников в греко-бактрийских войсках [Ягодин, 1984. С. 48. Рис. 1, 15; Рис. 5, 9–10; Литвинский, 2001. С. 75–77. Табл. 18, 29–31; Табл. 19, 47–48]. Поскольку маловероятно, чтобы греческие или коренные бактрийские отряды использовали столь специфические формы стрел, поэтому их сакская принадлежность неоспорима. Наличие наемных сакских отрядов в армии Греко-Бактрии подтверждается также греческой надписью на коже из Северного Афганистана, в которой указывается о принятии на службу подобного отряда царем Антимахом I, время правления которого определяется различными исследователями в промежутке между 185 и 165 гг. до н. э. [Clarysse, Thompson, 2007. S. 275–277]. Не приходится сомневаться, что подобная практика имела место и ранее первой половины II в. до н. э., что полностью согласуется с упомянутыми находками специфических наконечников стрел на памятниках эллинистической Бактрии⁵.

С другой стороны, вдоль большей части среднего и нижнего течения Пянджа по обоим берегам реки была построена цепь крепостей, чтобы, вероятно, охранять от кочевников торговые пути, шедшие на восток через Ваханский коридор – в государства Восточного Туркестана [Мандельштам, 1957. С. 77]. По-видимому, большая часть крепостей была построена на рубеже III и II вв. до н. э. в период военной активности царей Эвтидема (ок. 225–190 гг. до н. э.) и его сына Деметрия I (ок. 190–171 гг. до н. э.), которые, как известно, совершили несколько кампаний против кочевников на северо-восточных границах и, возможно, установили даже временный контроль над самыми юго-западными областями современного Синьцзяна (Strab., XI, 11. 1). Это позволяет предполагать, что в это время происходит сокращение территории объединения саков-хаумаварга, вследствие чего оно постепенно начинает приходить в упадок [Иванов, 2012. С. 35–37].

Сокращение же пастбищ могло негативно сказаться на социально-экономической обстановке в среде саков-хаумаварга, только ускорив их ослабление. На фоне возможной потери контроля над соседними земледельческими районами, дальнейшего ослабления экономических связей со среднеазиатскими оседлыми областями, а также Северной Индией, такой кризис еще более вероятен.

Поэтому нужно полагать, что военная активность греко-бактрийских правителей на рубеже III и II вв. до н. э. в значительной мере ослабляет объединение саков-хаумаварга. Но к окончательному упадку данное объединение, вероятно, приводят существенные передвижения кочевников в середине II в. до н. э. Как считается, через территорию Памира в Северную Индию прошли отдельные группы саков Притяньшанья (известных ранее под этнополитонимом саков-тиграхауда), выдвинутые оттуда миграцией с востока юэчжей [Pulleyblank, 1970. P. 157–159].

На рубеже эр к югу от Ферганской долины уже известен целый ряд самостоятельных кочевых и полукочевых племен [Бернштам, 1952. С. 190–193, 204; Литвинский, 1972. С. 188], что указывает на окончательный кризис и распад к I в. до н. э. некогда могущественного этнополитического объединения саков-хаумаварга. При этом, видимо, какая-то его часть была увлечена движением на юг – в Индию, где они приняли участие в создании новых политических объединений. Оставшаяся же на Памире часть племенного объединения саков-хаумаварга, по-видимому, внесла вклад в формирование последующих памирских народностей.

Список литературы

Абдуллаев К. Александр и номады Средней Азии // *Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность*. Самарканд, 2002. С. 14–15.

Балахванцев А. С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: историко-этнографический аспект // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. Новая серия. Т. 2 (27). СПб., 2006. С. 365–375.

⁵ К числу специфически сакских наконечников стрел в данном случае можно отнести бронзовые экземпляры с зажимами в нижней части, при помощи которых они крепились к древку. Пик их применения среднеазиатскими кочевниками приходится на V–III вв. до н. э. [Литвинский, 1972. С. 96–97. Табл. 30, 19; Табл. 34, 10–13; Иванов, 2007. С. 64–69].

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Материалы и исследования по археологии СССР. № 26. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 345 с.

Бубнова М. А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир. Душанбе: УЦА, 2015. 280 с.

Бубнова М. А. Кто освоил пастбища Восточного Памира в I тыс. до н. э.? // Древние культуры Евразии. СПб., 2010. С. 135–141.

Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э. Социальные институты и идеология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 512 с.

Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. 319 с.

Иванов С. С. Военно-политические взаимоотношения саков Семиречья и Тянь-Шаня с Греко-Бактрией // Билим жана тарбия. 2012. № 1 (13). С. 35–38.

Иванов С. С. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2007. Вып. 2. С. 64–70.

Иванов С. С. К вопросу об этнической идентификации древних кочевников Притяньшанья в сакский период // Комплексный подход в изучении природы, общества и человека. Бишкек, 2015. С. 116–121.

История таджикского народа. Душанбе: Ин-т истории, археологии и этнографии им. А. Дониша, 1998. Т. 1: Древнейшая и древняя история. 751 с.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «крыши мира». М.: Наука, 1972. 272 с.

Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии. М.: Вост. лит., 2001. Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. 528 с.

Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957. 181 с.

Пьянков И. В. Саки (содержание понятия) // Изв. АН ТаджССР. Отделение общественных наук. 1968. № 3 (53). С. 12–19.

Таибаева К. И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек: Илим, 2011. 274 с.

Тур С. С. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам палеоантропологического исследования): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 25 с.

Ходжайов Т. К., Ходжайова Г. К. К проблеме формирования антропологического состава киргизов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 3 (30). С. 82–91.

Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1976. 522 с.

Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 240 с.

Щеглов Д. А. Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Македонского // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. Т. 2 (27). СПб., 2006. С. 276–316.

Щеглов Д. А. Структура «списков стран» древнеперсидских надписей // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб., 1999. С. 52–55.

Ягодин В. Н. Бронзовые наконечники стрел из Южной Бактрии // Древняя Бактрия. М., 1984. Вып. 3: Материалы Советско-Афганской экспедиции. С. 33–57.

Clarysse W., Thompson D. J. Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2007. Bd. 159. S. 273–279.

Kuhrt A. The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period. Abingdon; New York: Routledge, 2007. Vol. 1. 465 p.

Piankov I. V. The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute: the Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the former Soviet Union. New Series. 1994. Vol. 8. P. 37–46.

Pulleyblank E. G. The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chih Migration // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1970. Vol. 33. Pt. 1. P. 154–160.

Schmidt E. F. Persepolis. Chicago: The University of Chicago, Oriental Institute Publications, 1953. Vol. 1: Structures, reliefs, inscriptions. 612 p.

Schmitt R. Haumavargā // *Encyclopedia Iranica*. 2004. Vol. 12. Fasc. 1. P. 63–64.

Список источников

Arr. – Флавий Арриан. Поход Александра. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 384 с.

Curt. – Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М.: Изд-во МГУ, 1963. 478 с.

Herod. – Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 604 с.

Plin. – Pliny. *Natural History*. Cambridge: Harvard University Press; London: William Heinemann LTD, 1942. Vol. 2. 690 p.

Strab. – Страбон. География. М.: Наука, 1964. 944 с.

Материал поступил в редколлегию 15.01.2018

S. S. Ivanov

*J. Balasagyn Kyrgyz National University
547 Frunze Str., Bishkek, 720033, Republic of Kyrgyzstan*

sak@yandex.ru

ON THE GENERAL STAGES OF ETHNO-POLITICAL HISTORY OF SAKA HAUMAVARGA

In the beginning of the I Millennium BC on the territory of ancient Central Asia a special ethno-political union of nomadic people was formed, known in ancient Persian sources as the Saka haumavarga. They are most often referred to as Sakas, who worshiped or prepared the sacred drink of haoma. This article systematically investigates the process of formation and historical development of the ethno-political union of the Saka haumavarga as one of the most powerful associations of ancient nomads in Central Asia. Special attention is also paid to the issue of various features which formed this group of nomads. In addition, the aim of the study was to examine the influence of external factors on the integration of pastoral populations in isolated mountainous areas of Pamir-Alay as this phenomenon is poorly understood. The process of formation of ethno-political education of the Saka haumavarga was rather lengthy - supposedly having been completed at the turn of the 7th – 6th centuries BC. In the second half of the 6th century BC the Saka haumavarga are occupied by the Achaemenid Empire and forced to pay taxes and supply military contingents of the Persian kings. Around the turn of the 5th and 4th centuries BC they are freed of their subordination. After the conquest of Central Asia by Alexander the Great, they establish a variety of relations with the Hellenistic states. Despite cool relations with the Greco-Bactria, there is evidence of the presence of mercenaries from the Saka haumavarga within the troops of this Hellenistic kingdom. At the turn of the 3rd and 2nd centuries BC as a result of military activity of the Greco-Bactrian kings, a reduction of territory of this Saka haumavarga union commences its gradual decline. The final collapse of this ethno-political group occurs towards the end of the 2nd century BC, as small independent tribes of local nomads are known to be the only inhabitants of the Pamir-Alay territory at this point in time.

Keywords: Central Asia, Antiquity, Saka Haumavarga, Ethno-political history, Achaemenids, Hellenistic states.

References

- Abdullaev K. Aleksandr i nomady Srednei Azii [Alexander and the Nomads of Middle Asia]. *Tsivilizatsii Tsentral'noi Azii: zemledel'tsy i skotovody, traditsii i sovremennost'* [The Civilizations of Central Asia: Farmers and Herders, Traditions and Present]. Samarkand, 2002, p. 14–15. (in Russ.)
- Balakhvantsev A. S. K voprosu o vremeni otpadeniya Khorezma ot derzhavy Akhemenidov: istochnikovedcheskii aspekt [On the Time of Separation of Khoresm from Achaemenid Empire: Source Criticism Aspect]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiiskogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya* [Memoirs of Oriental Department of Russian Archaeological Society. New Series]. St. Petersburg, 2006, vol. 2 (27), p. 365–375. (in Russ.)
- Bernshtam A. N. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tyan'-Shanya i Pamiro-Alaya. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. № 26* [Historical and Archaeological Essays on the Central Tian Shan and Pamir-Alay. Proceedings and Investigations of USSR Archaeology. No. 26]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952, 345 p. (in Russ.)
- Bubnova M. A. *Arkheologicheskaya karta Gorno-Badakhshanskoi avtonomnoi oblasti. Vostochnyi Pamir* [The Archaeological Map of Mountainous Badakhshan Autonomous Area. Eastern Pamir]. Dushanbe, UTSA, 2015, 280 p. (in Russ.)
- Bubnova M. A. Kto osvoil pastbischa Vostochnogo Pamira v I tys. do n. e.? [Who Occupied the Pastures of Eastern Pamir in 1st mill. BC?]. *Drevnie kul'tury Evrazii* [The Ancient Cultures of Eurasia]. St. Petersburg, 2010, p. 135–141. (in Russ.)
- Clarysse W., Thompson D. J. Two Greek Texts on Skin from Hellenistic Bactria. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 2007, Bd. 159, S. 273–279.
- Dandamaev M. A. *Mesopotamiya i Iran v VII–IV vv. do n. e. Sotsial'nye instituty i ideologiya* [Mesopotamia and Iran in 7th – 4th centuries BC. Social Institutes and Ideology]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2009, 512 p. (in Russ.)
- Dandamaev M. A. *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoi derzhavy* [The Political History of Achaemenid Empire]. Moscow, Nauka, 1985, 319 p. (in Russ.)
- Istoriya tadjikskogo naroda* [The History of Tajik People]. Dushanbe, Institut istorii, arkheologii i etnografii im. A. Donisha, 1998, vol. 1. Drevneishaya i drevnyaya istoriya [Prehistory and Ancient History], 751 p. (in Russ.)
- Ivanov S. S. K voprosu o zazhimnykh bronzovykh nakonechnikakh strel [To the Question of Clipped Bronze Arrowheads]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and Investigations on Archaeology of Kyrgyzstan]. Bishkek, 2007, iss. 2, p. 64–70. (in Russ.)
- Ivanov S. S. K voprosu ob etnicheskoi identifikatsii drevnikh kochevnikov Prityan'shan'ya v saksii period [On the Question of Ethnic Identification of Ancient Nomads of Tian Shan Region]. *Kompleksnyi podkhod v izuchenii prirody, obshchestva i cheloveka* [Integrated Approach in the Studying of Nature, Society and Man]. Bishkek, 2015, p. 116–121. (in Russ.)
- Ivanov S. S. Voenno-politicheskie vzaimootnosheniya sakov Semirech'ya i Tyan'-Shanya s Greko-Baktriei [The Military and Political Relationship of Saka Tribes of Semirechie and Tian Shan with Graeco-Bactria]. *Bilim zhana tarbiia* [The Knowledge and Education], 2012. no. 1 (13), p. 35–38. (in Russ.)
- Khodzhaiov T. K., Khodzhaiova G. K. K probleme formirovaniya antropologicheskogo sostava kirgizov [On the Problem of Formation of Anthropological Composition of Kyrgyz People]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2015, no. 3 (30), p. 82–91. (in Russ.)
- Kuhrt A. *The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period*. Abingdon; New York, Routledge, 2007, vol. 1, 465 p.
- Litvinsky B. A. *Drevnie kochevniki «kryshi mira»* [The Ancient Nomads of “The World's Roof”]. Moscow, Nauka, 1972, 272 p. (in Russ.)

Litvinsky B. A. *Khram Oksa v Baktrii* [*The Temple of Oxus in Bactria*]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2001, vol. 2. Baktriiskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste [Bactrian Arm and Armour in the Ancient Eastern and Greek Context], 528 p. (in Russ.)

Mandel'shtam A. M. *Materialy k istoriko-geograficheskomu obzoru Pamira i pripamirskikh oblastei* [*The Data on Historic and Geographic Study of Pamir and Trans-Pamir Areas*]. Stalinabad, Izdatel'stvo Akademii nauk Tadzhikskoi SSR, 1957, 181 p. (in Russ.)

Piankov I. V. The Ethnic History of the Sakas. *Bulletin of the Asia Institute: the Archaeology and Art of Central Asia, Studies from the Former Soviet Union, New Series*, 1994, vol. 8, p. 37–46.

Pulleyblank E. G. The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chih Migration. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1970, vol. 33, pt. 1, p. 154–160.

Pyankov I. V. Saki (soderzhanie ponyatiya) [The Sakas (On the Meaning of Definition)]. *Izvestiya AN TadzhSSR. Otdelenie obschestvennykh nauk* [Proceedings of Academy of Science of Tajik SSR. Department of Social Science], 1968, no. 3 (53), p. 12–19. (in Russ.)

Scheglov D. A. Kochevye narody Srednei Azii po svedeniyam istorikov Aleksandra Makedonskogo [The Nomadic People of Middle Asia by Information from Alexander of Macedon's Historians]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiiskogo arheologicheskogo obschestva. Novaya seriya* [Memoirs of Oriental Department of Russian Archaeological Society. New Series]. St. Petersburg, 2006, vol. 2 (27), p. 276–316. (in Russ.)

Scheglov D. A. Struktura «spiskov stran» drevnepersidskikh nadpisei [The Structure of the “List of Lands” of Ancient Persian Inscriptions]. *Izuchenie kul'turnogo naslediya Vostoka. Kul'turnye traditsii i preemstvennost' v razvitii drevnikh kul'tur i tsivilizatsii* [The Study of Cultural Heritage of the Orient. The Cultural Traditions and Continuity in Development of Ancient Cultures and Civilizations]. St. Petersburg, 1999, p. 52–55. (in Russ.)

Schmidt E. F. *Persepolis*. Chicago, The University of Chicago, Oriental Institute Publications, 1953, vol. 1. Structures, reliefs, inscriptions, 612 p.

Schmitt R. Haumavargā. *Encyclopedia Iranica*, 2004, vol. 12, fasc. 1, p. 63–64.

Shofman A. S. *Vostochnaya politika Aleksandra Makedonskogo* [The Oriental Politics of Alexander of Macedon]. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1976, 522 p. (in Russ.)

Shulga P. I. *Sin'ts'ian v VIII–III vv. do n. e. Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya* [Xinjiang in 8th – 3rd Centuries BC. Burial Complexes. Chronology and Periodization]. Barnaul, AGU, 2010, 240 p. (in Russ.)

Tashbaeva K. I. *Kul'tura rannikh kochevnikov Tyan'-Shanya i Alaya* [The Culture of the Early Nomads of Tian Shan and Alay]. Bishkek, Ilim Publ., 2011, 274 p. (in Russ.)

Tur S. S. *Kochevniki Kyrgyzstana sako-usun'skogo vremeni (po materialam paleoantropologicheskogo issledovaniia)* [The Nomads of Kyrgyzstan of Saka-Wusun Period (On the Base of Paleoanthropological Research)]. Abstract of Ph. D. Thesis. Barnaul, 1997, 25 p. (in Russ.)

Yagodin V. N. Bronzovye nakonechniki strel iz Yuzhnoi Baktrii [The Bronze Arrowheads from South Bactria]. *Drevnyaya Baktriya* [The Ancient Bactria]. Moscow, 1984, iss. 3. p. 33–57. (in Russ.)

Sources

Arr. – Flavius Arrianus. *Pokhod Aleksandra* [Anabasis Alexandri]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962, 384 p. (in Russ.)

Curt. – Quintus Curtius Rufus. *Istoriya Aleksandra Makedonskogo* [Historiae Alexandri Magni Macedonis]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 1963, 478 p. (in Russ.)

Herod. – Herodotus. *Istoriya v devyati knigakh* [Historiae in 9 books]. Moscow, Nauka, 1972, 604 p. (in Russ.)

Plin. – Pliny. *Natural History*. Cambridge, Harvard Univ. Press; London, William Heinemann LTD, 1942, vol. II, 690 p.

Strab. – Strabo. *Geografia* [Geographica]. Moscow, Nauka, 1964, 944 p. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Иванов Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Республика Кыргызстан)

Ivanov Sergey Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of International Relations and Oriental Studies, J. Balasagyn Kyrgyz National University (Bishkek, Republic of Kyrgyzstan)

Для цитирования / For citation

Иванов С. С. К основным этапам этнополитической истории саков-хаумаварга // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 9–19.

Ivanov S. S. Key Stages of Ethno-Political History of the Saka Haumavarga. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 9–19. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-9-19

А. В. Журавлев*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия**alexandr.jouravlev@gmail.com*

ДОКТРИНА ПАССИВНОГО ПОВИНОВЕНИЯ (PASSIVE OBEDIENCE) В СТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ, 1603–1688 ГОДЫ

Рассматривается развитие доктрины пассивного повиновения (passive obedience) в Англии в период правления королей из династии Стюартов. Традиционно слабая материальная и законодательная база английского абсолютизма заставила королевскую власть сделать ставку на идеологические рычаги. Одним из основных элементов проабсолютистской идеологии в XVII в. становится концепция пассивного повиновения, насаждаемая с помощью лояльного монархии англиканского духовенства. Эта доктрина была противопоставлена революционным теориям сопротивления и тираноборчества, взятым на вооружение как протестантскими диссидентами, так и католическими «рекюзантами». В своей развитой форме концепция пассивного повиновения предполагала абсолютное подчинение приказам, исходящим от короля как представителя Бога на земле, даже несмотря на возможное внутреннее несогласие с тем или иным королевским повелением. Данная доктрина должна была обеспечить покорность подданных и, как следствие, более эффективное управление английским королевством.

Ключевые слова: пассивное повиновение, Стюарты, англиканская церковь, абсолютизм, Англия, XVII век.

Исследователи традиционно отмечают слабую социальную, административную и фискальную базу английского абсолютизма. Даже сам факт его существования является предметом дискуссий¹. В отличие от континентальных монархий, чье усиление в раннее Новое время опиралось на регулярную армию и оплачиваемую из королевской казны бюрократию, английские короли из династий Тюдоров и Стюартов могли опираться лишь на прерогативные суды и подчиненную власти монарха церковь [Андерсен, 2010. С. 131]. Меньше споров, однако, вызывает наличие в Англии XVI–XVII вв. «абсолютистской» идеологии². Данная идеология, в свою очередь, могла получить широкое распространение лишь посредством проповедования с церковных кафедр. Именно контроль над церковью и становится в Англии главным инстру-

¹ Как утверждает, например, Барри Ковард, английский абсолютизм существовал скорее в воображении современников, а не в политической реальности: «Под большим вопросом находится факт стремления английских монархов к усилению власти короны за счет парламента» [Coward, 2014. Р. 289]. Николас Хеншелл вообще ставит под сомнение, что «абсолютизм» в традиционном понимании существовал в какой-либо из западноевропейских стран [2003].

² Дж. П. Соммервиль, например, уверен в том, что большинство англичан первой половины XVII в. были убеждены в «абсолютном» и «божественном» характере власти английских королей [Sommerville, 1999. Р. 9–10]. Гленн Бёрджес, напротив, полагает, что убежденность в божественном происхождении королевской власти несколько не подрывала веры в традиционную английскую конституцию и ограниченность прав короля рамками существующих английских законов [Burgess, 1992. Р. 839]. Оба исследователя согласны, тем не менее, с наличием в стюартовской Англии «абсолютизма» на идеологическом уровне.

ментом насаждения абсолютистской идеологии и именно в идеологической сфере английский абсолютизм добьется максимальных успехов.

Краеугольным камнем идеологической доктрины покорной стюартовским монархам англиканской церкви стала доктрина пассивного повиновения. Происходя из средневековой христианской теологии, данная доктрина вновь актуализируется в эпоху Реформации и становится одной из основ политической теории протестантских церквей. Стремясь отмежеваться от обвинений в призывах к бунту, Лютер и Кальвин подчеркивали необходимость подчинения правящим в той или иной стране государям, даже если они и не поддерживали проведение церковной реформы. При этом отцы Реформации опирались на послание апостола Павла к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога... противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13: 1–2) [Кальвин, 1999. С. 488; Лютер, 1994. С. 133]. «Слово Божие, – утверждает Кальвин в «Наставлениях к христианской вере», – требует от нас повиновения не только тем государям, которые правильно исполняют свое служение и свой долг, но и вообще всем вышестоящим, хотя бы эти люди менее всего исполняли то, что подобает их званию» [1999. С. 489]. Лютер идет еще дальше: признавая, что среди государей много «тиранов», престающих границы светской власти и посягающих на контроль над духовной сферой, он все же призывает не сопротивляться их действиям силой, а пострадать подобно ранним христианским мученикам. По его мнению, «злу следует не противиться, а претерпевать его» [1994. С. 151]. Тем самым теоретики Реформации актуализировали апелляцию к доктрине божественного происхождения власти в раннее Новое время и поначалу, как полагает К. Скиннер, придерживались доктрины пассивного повиновения [Skinner, 1978. P. 214].

Проведение в Англии королевской реформации определило развитие официальной англиканской теологии именно в направлении, намеченном в ранних сочинениях Лютера и Кальвина. Такова, например, позиция епископа Стивена Гардинера, выступившего в 1535 г. с трактатом «Об истинном повиновении» в защиту установления королевского контроля над церковью. Утверждая превосходство королевской власти над церковью в Англии по отношению к власти «епископа Рима», Гардинер вместе с тем утверждает и ее абсолютный, неограниченный характер, основанный непосредственно на божественной воле. «Истинное повиновение» – высочайшая из христианских добродетелей, а все христиане обязаны повиноваться тому, кого Господь наделил властью и повелел почитать. В том, что королю следует повиноваться безусловно, никто в Англии никогда и не сомневался, – уверен Гардинер, – а «неповиновение должно караться смертью, в соответствии как со старинным, так и новым законодательством» [Gardiner, 1535. P. 4, 12–13].

В своей зрелой формулировке теория пассивного повиновения предполагает сочетание двух компонентов: непротивление верховной власти и необходимость понести наказание за невыполнение сомнительных с религиозной или политической точки зрения приказаний монарха [Bohun, 1689. P. 2]. Одним из первых термин «пассивное повиновение» применительно к обязанностям подданных по отношению к королю использовал священник Роберт Сибторп в проповеди 22 февраля 1626 г. С точки зрения Сибторпа, пассивное повиновение необходимо, если государь приказывает исполнить что-то, что противоречит либо божественному закону, либо естественному, либо же просто неисполнимо в силу физических причин – т. е. в ситуации, когда правитель повелевает исполнить нечто, что «подданный исполнить не может». В таком случае подданные должны покорно принять наказание «без сопротивления, проклятий и поношений» [Sybthorpe, 1627. P. 13; Кондратьев, 2012. С. 213]. О «пассивном» и «активном» повиновении применительно к политическим вопросам упоминал и Роберт Филмер в своем трактате «Патриарх» [Filmer, 1680. P. 6], написанном предположительно в конце 1620-х – начале 1630-х гг.

В историографии термин «пассивное повиновение» используется для обозначения одного из элементов абсолютистской идеологии на протяжении всего периода правления династии Стюартов уже с XIX в. Известный английский историк-виг XIX столетия Томас Маколей называл доктрину пассивного повиновения «отличительным знаком» англиканской церкви

[Masscauley, 1901. P. 4], а один из пионеров исследования доктрины «божественного права» Джон Фиггис полагал, что тезис о непротивлении и пассивном повиновении является одним из четырех необходимых компонентов теории «божественного права» в том виде, в каком она была распространена в Англии XVI–XVII вв. [Figgis, 1914. P. 6]³.

Фундаментальное кальвинистское образование первого английского монарха из династии Стюартов Якова I, полученное им в пресвитерианской Шотландии, означало, что король был хорошо знаком и с политической теорией реформационных церквей. В бытность свою шотландским королем, он, однако, использовал эти знания скорее для борьбы с чрезмерным радикализмом кальвинистских пасторов и для нейтрализации поддерживаемой ими теории сопротивления. Теория божественного права, изложенная в сочинениях Якова I, сложилась много ранее занятия им английского престола, в ответ на сочинения его наставника Джорджа Бьюкенена и других пресвитериан, стремившихся поставить королевскую власть под контроль теории народного суверенитета, а также под контроль собственной политической группировки [Smuts, 2003. P. 275]. Поскольку вероятность восстания против королевской власти по религиозным соображениям была всегда высока, то своей главной задачей Яков I видел внушение повиновения подданных королю, даже несмотря на возможные разногласия на почве религии. Именно теория пассивного повиновения могла стать подходящим компромиссом в подобной ситуации.

Положение Якова лишь усугубилось, когда он унаследовал английский престол, а с ним и ирландскую корону. Теперь он стал монархом в трех королевствах с различными религиями. Именно поэтому доктрина пассивного повиновения могла стать универсальным инструментом внушения лояльности королю трех столь разнящихся в религиозном отношении стран. Ситуацию осложняло еще и то, что в самой Англии имелись как пресвитериане, так и католики, стремившиеся к расширению влияния собственной религиозной идеологии. В 1603 г., сразу по занятии английского престола, новый король переиздал свое сочинение, написанное несколькими годами ранее, – «Истинный закон свободных монархий» – основной темой которого как раз и являлось обоснование должного повиновения суверену. Хотя Яков и не употреблял здесь словосочетание «пассивное повиновение», он фактически обосновывал именно эту доктрину. Народ должен оказывать повиновение королю как «представителю» (lieutenant) Бога на земле, «повинуясь всем его приказам, за исключением направленных напрямую против Бога, как приказам служителя (minister) Бога, признавая в нем судью, поставленного Богом... но ответственного только перед Богом». В случае если король добр, то подданные должны молить Господа о том, чтобы он оставался таковым и далее, а когда он зол – молиться о его исправлении, «следуя за ним и повинуясь его законным приказам, воздерживаясь от исполнения незаконных». В последнем случае подданные могут попытаться избежать его гнева, но не должны сопротивляться, если он все же их настигнет. Если же это произойдет, необходимо вспомнить о духе мученичества, столь характерного для раннехристианских церквей [James I, 1603. P. C1].

Сформулированная подобным образом доктрина пассивного повиновения должна была служить важным моментом в самоопределении англичан относительно католической церкви и власти Рима. В период правления Стюартов эта тема впервые активно прозвучала в 1606 г. после неудачи Порохового заговора, когда католики пытались уничтожить короля в парламенте. Яков I совершенно справедливо усмотрел корни этого происшествия в распространении католиками идей договорного происхождения власти и, как следствие, ее условного характера. После заговора специально с тем, чтобы обеспечить лояльность католических подданных английского короля, была разработана клятва верности, напрямую отрицавшая доктрину, согласно которой монарха, отлученного от церкви папой римским, мог убить любой из его подданных [Varieties of British..., 1993. P. 87]. Кроме того, Яков I посчитал необходимым заручиться более надежной поддержкой англиканского духовенства. В том же году было проведено

³ Другими компонентами этой теории, по мысли Фиггиса, являлись утверждения о том, что монархия предписана Богом, наследственное право королей неоспоримо, а также указание на ответственность монархов только перед Богом [Figgis, 1914. P. 5].

собрание высших чинов англиканской церкви, на котором в качестве канонов, т. е. фактически законов, обязательных к исполнению английскими священнослужителями, были закреплены положения, отрицающие возможность какого-либо насильственного противодействия власти правящего монарха. Собрание духовенства напрямую осудило любые теории, утверждающие, что власть и юрисдикция находились первоначально в народе, а государственные институты были учреждены в результате выраженного общественного согласия, а не по божьему произволению. Согласно принятым канонам, народ никогда не имел полномочий по выбору монарха, а власть всегда проистекает только от Бога [Bishop Overall's..., 1690. P. 2, 8, 21]. Ложными были объявлены доктрины, обосновывавшие возможность словесного выражения недовольства действиями государей или любых членов администрации, дозволенности поднимать против них оружие или лишать королей трона и тем более предпринимать попытки цареубийства [Ibid. P. 25–26]. Особо отмечалось и подчиненное по отношению к монарху положение священнослужителей, а также примат гражданской власти над церковной [Ibid. P. 34]. Доктрина непротивления была, таким образом, утверждена в качестве официального учения англиканской церкви и как таковая должна была проповедоваться в каждом приходе.

Тема католической угрозы звучала также в проповедях английского клирика и поэта начала XVII в. Джона Донна. Отличительной чертой англиканского духовенства ему представлялась большая готовность подчиняться определенным правилам и канонам. Подобная приверженность установленному порядку, по мысли Дж. Донна, и есть истинное послушание. Католические же священники отходили от этого правильного образа мысли и действия и позволяли себе нарушать как божественный, так и государственный закон и даже оправдывать цареубийство [Кондратьев, 2013. С. 71].

Взойдя на престол в 1625 г., Карл I не только поддержал подобные настроения духовенства, но и способствовал дальнейшему развитию этой идеологии. Во второй половине 1620-х гг. на фоне общественного недовольства, вызванного политикой принудительных займов, король дал прямое указание священникам активнее проповедовать покорность и необходимость подчиняться фискальным притязаниям короны [Аверьянова и др., 2013. С. 148]. В результате была развернута масштабная идеологическая кампания, в ходе которой с проповедями на тему должного повиновения королю выступили многие видные представители англиканской церкви, включая Роберта Сибторпа, Исаака Бэргрейва, Уильяма Лода, Роджера Мэнверинга и др. [Кондратьев, 2012. С. 213].

Наиболее полно и обоснованно, с многочисленными отсылками как к раннехристианским, так и античным авторам, идеи божественности королевской власти и необходимости подчинения ей во всех случаях были озвучены Р. Мэнверингом в двух проповедях, прочитанных 4 и 29 июля 1627 г. в присутствии самого короля [Кондратьев, 2011. С. 38–39]. Насколько известно, Карл I с большой симпатией отнесся к тезисам, высказанным в ходе проповедей. Королевская власть, согласно Мэнверингу, является первейшей среди властей, наимогущественнейшей и не подчиненной никакой другой: «Короли стоят надо всеми, над ними не стоит никто: ни один человек, ни какая-либо группа людей, ни какой-либо ангел, ни их собрание... Королевская власть высочайшей природы, и нет никакой власти в природе или церковной иерархии, которая могла бы ее ограничивать... власть эта не только человеческая, но и сверхчеловеческая (superhumane) и даже не меньше божественной власти» [Maynwaring, 1627a. P. 8–10].

По мнению Мэнверинга, вся полнота власти изначально присутствует только в Боге и передается им не людям, а непосредственно и исключительно королю. Соответственно, король не может ограничивать ни общественное согласие с государственной властью, ни местные обычаи, ни корпоративные или национальные законы, ни даже законы международные (law of the nations) [Ibid. P. 13]. Никто не имеет права ставить под сомнение королевские повеления, поскольку они – это повеления самого Бога. Короли должны, конечно, повиноваться закону божественному, и в этом заключается единственное ограничение их власти. Если даже король приказывает совершить что-либо противоречащее законам страны, то подданные все равно не имеют права высказывать неудовольствие или тем более оказывать ему открытое сопротивление, поскольку законодательная воля короля более высокой природы [Ibid. P. 19]. Все живое

обязано повиновением своему создателю. Поскольку он является создателем и королевской власти, то долг повиновения обязателен и по отношению к королям. Господь является свидетелем и соучастником клятвы верности, даваемой королю, и, следовательно, соблюдать верность монарху столь же необходимо, как и верность самому Богу [Maynwaring, 1627б. Р. 12–13]. И наконец, Мэнверинг напрямую приравнивал неповиновение королю к неповиновению Богу [Ibid. Р. 23]. В своих проповедях Мэнверинг, таким образом, изложил оба компонента доктрины пассивного повиновения и проиллюстрировал их ссылками на текущую политическую ситуацию. Парламент резко негативно отреагировал на проповедь подобных идей и начал процесс об импичменте священника. Король же приказал напечатать проповеди в виде брошюры, озаглавленной «Религия и верность», и назначил Мэнверинга епископом, дав тем самым королевскую санкцию всему им сказанному [Snapp, 1967. Р. 221–230].

В 1640 г., после начала епископских войн с шотландцами и одновременно с созывом Короткого парламента было созвано также собрание духовенства для ратификации мероприятий по реформированию англиканской церкви, предусмотренных архиепископом Лодом. Это собрание, кроме того, должно было утвердить и ряд новых канонов, обязательных к исполнению всеми священниками в подвластных Карлу I королевствах. На фоне открытого неповиновения парламента требованиям короля по вотированию субсидий, конвокация приняла ряд положений, призванных подтвердить актуальность доктрины божественного права и непротивления в качестве фундаментальной основы учения англиканской церкви: «Высочайшее и священное звание короля основывается на божественном праве, являясь прямым повелением самого Господа, основывается на первоначальных законах природы и явно установлено текстами как Старого, так и Нового Заветов». Согласно канонам, верховная власть вручена королям непосредственно Богом с тем, чтобы они осуществляли управление в подвластных им владениях людьми всех рангов, как светских, так и духовных, и наказывали «мирским мечом всех упрямцев и злодеев» [Constitutions and Canons..., 1640. Р. 7]. Королю принадлежит полная власть над церковью. По божественному же соизволению короли наделены властью взимать налоги, а подданные обязаны их уплачивать. Отмечалось также, что подобная обязанность ни в коем случае не есть покушение на собственность подданных. Напротив, налоги и поддержание собственности идут рука об руку и немыслимы друг без друга. Если подданные короля поднимают оружие против его власти, вне зависимости «для защиты или для нападения», то они противятся властям, от Бога установленным, и подвергают свои души риску вечного проклятия и осуждения после смерти. При этом отрицалась возможность не только активного, но и пассивного неповиновения [Ibid. Р. 8]. Неудивительно, что Долгий парламент отменил постановления собрания духовенства вскоре после начала своей работы.

Годы революции в значительной степени подорвали позиции доктрины пассивного повиновения, поскольку на практике восторжествовали прямо противоположные принципы ⁴. С восстановлением монархии в 1660 г. произошло и возвращение принципов непротивления в качестве основы государственной идеологии. В начальный период Реставрации даже многие будущие критики абсолютизма, такие как, например, Джон Локк, поддерживали насаждение церковного единообразия и внушение необходимости абсолютной лояльности царствующему монарху [Kraynak, 1980. Р. 53]. В 1675 г. главный министр Карла II граф Дэнби даже попытался закрепить доктрину непротивления в качестве принципа конституционного устройства. На обсуждение палат парламента правительством был внесен новый вариант Акта о присяге, предусматривавший дачу клятвы в отказе от любого сопротивления королю, а также от попыток вносить изменения в устройство церкви и государства [Coward, 2014. Р. 329]. Однако оппозиции, при активном участии будущего лидера вигов графа Шефтсбери, удалось провалить принятие этого билля.

Особенно активно доктрина пассивного повиновения эксплуатировалась в годы торийской реакции, последовавшие за тяжелым политическим кризисом, вызванным борьбой вигов

⁴ Пророялистски настроенный священник и писатель Томас Фуллер в одной из проповедей сокрушался по поводу того, что «столь прекрасная доктрина» находится в таком «пренебрежении». Господь, однако, позаботится о том, чтобы в «должный срок» она возродилась «во всей своей славе» [Fuller, 1643. Р. 30].

за Билль об исключении в 1679–1681 гг. В эти годы, отмечал Маколей, непротавление власти проповедуется в каждой английской церкви: «Доктрина непротавления власти была страшно дорога английским священникам... Это была их любимая тема... Они проповедовали на тему доктрины пассивного повиновения, по меньшей мере, так же часто и столь же ревностно, как и на тему Троицы или искупления» [Masscauley, 1901. P. 4]. Концепция пассивного повиновения была ключевой для торийской партии в отстаивании прав Якова на престол, а позднее и для якобитов, утверждавших незаконность дачи клятвы верности новым монархам после Славной революции [Sensabaugh, 1949. P. 20]. В последнее четырехлетие правления Карла II она превратилась в главный идеологический инструмент стюартовской монархии.

Среди прочих на поприще пропаганды покорности своей проповеднической деятельностью отличился Джордж Хикс, назначенный в 1681 г. королевским капелланом. Согласно Хиксу, короли ни много ни мало являются «мелкими богами, правящими на земле, подобно тому, как Михаил и Гавриил правят ангелами на небесах по прямому поручению Бога. Их суверенная власть – это образ Его суверенной власти, их величие – подобие Его величия, их царство – копия Его царства. Они занимают высшее положение на земле, подобное тому, какое Он занимает на небесах. Они не получают свою власть от народа... как и Он не получает ее от своих творений, но лишь от Него одного получают они власть, они Его наместники и доверенные лица. Почести или бесчестие, творимые по отношению к ним, творятся по отношению к самому Богу» [Hickes, 1682. P. 7]. Для подданных любого правительства является грехом оказывать насильственное сопротивление законным властям, каким бы ни был повод, пусть это даже вопросы религии.

По мнению Хикса, «пассивное повиновение или непротавление является двойной обязанностью христианских подданных, поскольку они не могут поднять меч против своего суверена без того, чтобы противиться Богу... поскольку Бог, которому принадлежат право отщечения и наказания, сделал суверена отмстителем злодеяний своих подданных, а не подданных отмстителем злодеяний правителя». В подобном случае в каждом государстве было бы два суверена. Тиранов же Господь приберег для того, чтобы наказать их собственноручно, подданные же могут прибегать лишь к помощи «артиллерии молитв и слез». Кому-то, продолжал Хикс, данная доктрина может показаться жестковатой, но поскольку сопротивление подданных властям приносит людям значительно большие страдания, чем деяния самых злобных тиранов, с необходимостью следует вывод, что «доктрина пассивного повиновения основана на высочайшем расчете и что необходимо славить мудрость и благость Господа, запретившего людям прибегать к лекарству, гораздо худшему, чем сама болезнь» [Ibid. P. 26–28].

Данная доктрина оставалась основной идеологемой и после вступления на престол Якова II. В 1685 г. Эдмунд Бохун переиздал «Патриарха» Филмера, предпослав ему введение собственного авторства, в котором, в частности, выступил с опровержением критики Филмера сторонниками вигов и в очередной раз сформулировал доктрину пассивного повиновения: «Вне всякого сомнения, государи не должны злоупотреблять своей властью, но если они все же злоупотребляют ей, то их подданные не смеют братья за оружие для того, чтобы отомстить за свои неурядицы. Какой весомой ни была бы причина, проблемы это не решит, а сами они превратятся в мятежников, поскольку никогда Бог не наделял население или отдельного подданного полномочиями судить о действиях высшей власти, под которой они живут» [Bohun, 1685. Ch. II. 52].

После Славной революции 1688 г. доктрина пассивного повиновения потеряла свои позиции монопольной официальной идеологии. Многие англиканские священники, проповедовавшие непротавление в годы торийской реакции, отказались принести присягу на верность новому королю. Более того, новый режим в значительной степени опирался на вигов, для которых доктрина пассивного повиновения давно стала мишенью ожесточенной критики. Сам же факт революции открыл возможности для обоснования легитимности нового режима с прямо противоположных позиций, т. е. с опорой на идею сопротивления тираническому правлению, теорию естественных и неотчуждаемых прав, общественного договора, а также ограниченного «старинной конституцией» характера английской монархии.

Список литературы

Аверьянова Е. В., Баязитова Г. И., Васильева Ж. Ю., Исаева Е. В., Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н., Новокрещенных Е. В., Соколовская И. В. Проблема «послушания» (obedience) в английской конфессиональной мысли 1620-х гг. // Вестн. ТюмГУ. Гуманитарные исследования. Философия. 2013. № 10. С. 146–153.

Андерсен П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010. 511 с.

Кондратьев С. В. «Все могут короли, все могут короли...?» (Теория и практика в предреволюционной Англии). IV: Голоса Роджера Мэнверинга // Европа: международный альманах. Тюмень, 2011. Вып. 10. С. 38–74.

Кондратьев С. В. Джон Донн о порядке, послушании и проповеди // Вестн. ТюмГУ. Гуманитарные исследования. История. 2013. № 2. С. 67–72.

Кондратьев С. В. Парламентарии против Роджера Мэнверинга, или «свобода» и «право» versus «послушание» и «прерогатива» // Изв. высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1. С. 207–220.

Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

Burgess G. The Divine Right of Kings Reconsidered // The English Historical Review. 1992. Vol. 107. No. 425. P. 837–861.

Coward B. The Stuart Age: England, 1603–1714. London: Routledge, 2014. 587 p.

Figgis J. N. The Divine Right of Kings. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1914. 406 p.

Kraynak R. P. John Locke: From Absolutism to Toleration // The American Political Science Review. Vol. 74. No. 1. Mar., 1980. P. 53–69.

Maccauley T. B. The History of England from the Accession of James II. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Co, 1901. 589 p.

Sensabaugh G. F. Milton and the Doctrine of Passive Obedience // Huntington Library Quarterly. Vol. 13. No. 1. Nov., 1949. P. 19–54.

Skinner Q. The Foundations of the Modern Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Vol. 2: The Age of Reformation. 414 p.

Smuts M. Political Thought in Early Stuart Britain // A Companion to Stuart Britain / Ed. by B. Coward. Oxford, 2003. P. 271–289.

Snapp H. F. The Impeachment of Roger Maynwaring // Huntington Library Quarterly. Vol. 30. No. 3. May, 1967. P. 217–232.

Sommerville J. P. Royalists and Patriots: Politics and Ideology in England, 1603–1640. Harlow: Longman, 1999. 304 p.

The Varieties of British Political Thought 1500–1800 / Eds. J. G. A. Pocock, G. J. Schochet, L. G. Schwoerer. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. 372 p.

Список источников

Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. М.: CRC World Literature Ministries, 1999. Кн. 4. 639 с.

Лютер М. Избр. произведения. М.: Изд-во «Андреев и Согласие», 1994. 431 с.

Bishop Overall's Convocation Book, MDCVI. Concerning the Government of God's Catholic Church and kingdoms of the Whole World. London, 1690. 338 p.

Bohun Edm. Epistle Dedicatory // Patriarcha: or the Natural Power of Kings. By the Learned Sir Robert Filmer, Baronet. London, 1685. N. p.

Bohun Edm. The Doctrine of non-resistance or passive obedience no way concerned in the controversies now depending between the Williamites and the Jacobites by a lay gentleman of the communion of the Church of England, by law establish'd. London, 1689. 38 p.

Constitutions and canons ecclesiasticall; treated upon by the Archbishops of Canterbury and York... agreed upon with the Kings Majesties licence in their severall synods begun at London and York. 1640. London, 1640. 42 p.

Filmer R. Patriarcha: or the Natural Power of Kings. London, 1680. 141 p.

Fuller T. Truth maintained, or Positions delivered in a sermon at the Savoy. Oxford, 1643. 78 p.

Gardiner S. Stephani Winton. Episcopi de vera obedientia oratio. Londini, 1535. 36 p.

Hickes G. A discourse of the sovereign power in a sermon preached at St. Mary Le Bow, Nov. 28, 1682, before the Artillery Company of London. London, 1682. 36 p.

James I. The True Lawe of Free Monarchies. Or receiproock and mutual duty betwixt a free king, and his natural subiects. London, 1603. 62 p.

Maynwaring R. The First Sermon Preached before the Kings Majestie at Oatlands, on the 4th Day of July 1627 // Religion and allegiance by Roger Maynwaring. London, 1627a. P. 1–33.

Maynwaring R. The Second Sermon Preached before the Kings Majestie at Oatlands, on the 29th Day of July 1627 // Religion and allegiance by Roger Maynwaring. London, 1627b. P. 1–56.

Sybothorpe R. Apostolike obedience. Shewing the duty of subjects to pay tribute and taxes to their princes... A sermon preached at Northampton, at the assizes, to the countie, Feb. 22. 1626. London, 1627. 36 p.

Материал поступил в редколлегию 28.02.2018

A. V. Zhuravlev

Novosibirsk State University

1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

alexandr.jouravlev@gmail.com

THE DOCTRINE OF PASSIVE OBEDIENCE IN STUART ENGLAND, 1603–1688

The article examines the history of the doctrine of passive obedience in England during the Stuart period. Traditionally weak financial and legal basis for royal absolutism in England forced monarchs to rely thoroughly on ideology. The concept of passive obedience promoted by the loyal Anglican clergy was one of the key elements of the absolutist ideology of the 17th century. This doctrine was employed as a counterbalance to revolutionary resistance and monarchomach theories embraced by protestant dissenters and papist recusants alike. During the course of the century the doctrine was embraced by numerous representatives of the Church of England's establishment, including, but not limited to, John Donn, Roger Maynwaring, George Hickes, Edmund Bohun and many others and disseminated via an array of sermons and pamphlets. One component of the doctrine: non-resistance, was particularly stressed. Several political, social and economic factors conditioned the employment of this doctrine. The first instance of its pronouncement followed the failure of the Gunpowder plot and the necessity to refute catholic contractual theories. Charles I saw the doctrine of passive obedience as both the means to maintain social peace and promote fiscal interests. The new impetus the doctrine gained in the later years of the Restoration: an attempt to integrate it into the 'ancient constitution' failed, yet the doctrine of passive obedience was taken up as the chief ideological tool by the Anglican church and employed as a mighty instrument of suppressing resistance and dissent. The Glorious Revolution weakened the grasp of the doctrine in the minds of the English, though by no means killed it. Yet, the regime erected by the Convention of 1689 and strengthened by William of Orange claimed as much of its legitimacy in revolutionary resistance. Thus, henceforth the ideas of passive obedience and non-resistance could not be used as the sole basis of legitimate power in England.

Keywords: passive obedience, Stuarts, Anglican Church, absolutism, England, 17th century.

References

- Anderson P. *Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva [The Lineages of the Absolutist State]*. Moscow, Territoriya Budushego Publ., 2010, 511 p. (in Russ.)
- Averyanova E. V., Bayazitova G. I., Vasilyeva Zh. Yu., Isaeva E. V., Kondratiev S. V., Kondratieva T. N., Novokreschennykh E. V., Sokolovskaya I. V. Problema «poslushaniya» (obedience) v angliiskoi konfessional'noi mysli 1620-kh gg. [The Issue of Obedience in the Anglican Theological Thought in the mid-1620s]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Filosofiya [Tyumen State University Research Journal. Humanities Research. Philosophy]*, 2013, no. 10, p. 146–153. (in Russ.)
- Burgess G. The Divine Right of Kings Reconsidered. *The English Historical Review*, 1992, vol. 107, no. 425, p. 837–861.
- Coward B. *The Stuart Age: England, 1603–1714*. London, Routledge, 2014, 587 p.
- Figgis J. N. *The Divine Right of Kings*. Cambridge, Cambridge University Press, 1914, 406 p.
- Henshall N. *Mifabsolyutizma. Peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropeiskoi monarkhii rannego novogo vremeni [The Myth of Absolutism. Change and Continuity in Early Modern European Monarchy]*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2003, 272 p. (in Russ.)
- Kondratiev S. V. Dzhon Donn o poryadke, poslushanii i propovedi [John Donn on the Order, Obedience and Preaching]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya [Tyumen State University Research Journal. Humanities Research. History]*, 2013, no. 2, p. 67–72. (in Russ.)
- Kondratiev S. V. Parlamentarii protiv Rodzhera Menveringa, ili «svoboda» i «pravo» versus «poslushanie» i «prerogativa» [Members of Parliament versus Roger Maynwaring, or «Freedom» and «Law» versus «Obedience» and «Prerogative Power»]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie [Proceedings of Higher Education Institutions. The Legal Studies]*, 2012, no. 1, p. 207–220. (in Russ.)
- Kondratiev S. V. «Vse mogut koroli, vse mogut koroli...?» (Teoriya i praktika v predrevolyutsionnoi Anglii) IV: Golosa Rodzhera Menveringa [«Could Kings Do Everything?» (Theory and Practice in Pre-Revolutionary England) IV: The Voices of Roger Maynwaring]. *Evropa: mezhdunarodnyi al'manakh [Europe: International Almanac]*. Tyumen, 2011, iss. 10, p. 38–74. (in Russ.)
- Kraynak R. P. John Locke: From Absolutism to Toleration. *The American Political Science Review*, vol. 74, no. 1, Mar., 1980, p. 53–69.
- Maccauley T. B. *The History of England from the Accession of James II*. Boston, New York, Houghton, Mifflin and Co., 1901, 589 p.
- Sensabaugh G. F. Milton and the Doctrine of Passive Obedience. *Huntington Library Quarterly*, vol. 13, no. 1, Nov., 1949, p. 19–54.
- Skinner Q. *The Foundations of the Modern Political Thought*. Cambridge, Cambridge University Press, 1978, vol. 2. The Age of Reformation, 414 p.
- Smuts M. Political Thought in Early Stuart Britain. *A Companion to Stuart Britain*. B. Coward (ed.). Oxford, 2003, p. 271–289.
- Snapp H. F. The Impeachment of Roger Maynwaring. *Huntington Library Quarterly*, vol. 30, no. 3, May, 1967, p. 217–232.
- Sommerville J. P. *Royalists and Patriots: Politics and Ideology in England, 1603–1640*. Harlow, Longman, 1999, 304 p.
- The Varieties of British Political Thought 1500–1800*. J. G. A. Pocock, G. J. Schochet, L. G. Schwoerer (eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 1993, 372 p.

Sources

- Bishop Overall's Convocation Book, MDCVI. Concerning the Government of God's Catholic Church and kingdoms of the Whole World*. London, 1690, 338 p.

Bohun Edm. Epistle Dedicatory. *Patriarcha: or the Natural Power of Kings. By the Learned Sir Robert Filmer; Baronet.* London, 1685, n. p.

Bohun Edm. *The Doctrine of non-resistance or passive obedience no way concerned in the controversies now depending between the Williamites and the Jacobites by a lay gentleman of the communion of the Church of England, by law establish'd.* London, 1689, 38 p.

Calvin J. *Nastavleniya v khristianskoi vere. Kn. 4 [Institutions of the Christian Religion. Book 4].* Moscow, CRC World Literature Ministries, 1999, 639 p. (in Russ.)

Constitutions and canons ecclesiasticall; treated upon by the Archbishops of Canterbury and York... agreed upon with the Kings Majesties licence in their severall synods begun at London and York. London, 1640, 42 p.

Filmer R. *Patriarcha: or the Natural Power of Kings.* London, 1680, 141 p.

Fuller T. *Truth maintained, or Positions delivered in a sermon at the Savoy.* Oxford, 1643, 78 p.

Gardiner S. *Stephani Winton. Episcopi de vera obedientia oratio.* Londini, 1535, 36 p.

Hickes G. *A discourse of the sovereign power in a sermon preached at St. Mary Le Bow, Nov. 28, 1682, before the Artillery Company of London.* London, 1682, 36 p.

James I. *The True Lawe of Free Monarchies. Or receiproock and mutual duty betwixt a free king, and his natural subiects.* London, 1603, 62 p.

Luther M. *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works].* Moscow, «Andreev i Soglasie» Publ., 1994, 431 p. (in Russ.)

Maynwaring R. The First Sermon Preached before the Kings Majestie at Oatlands, on the 4th Day of July 1627. *Religion and allegiance by Roger Maynwaring.* London, 1627a, p. 1–33.

Maynwaring R. The Second Sermon Preached before the Kings Majestie at Oatlands, on the 29th Day of July 1627. *Religion and allegiance by Roger Maynwaring.* London, 1627b, p. 1–56.

Sybthorpe R. *Apostolike obedience. Shewing the duty of subjects to pay tribute and taxes to their princes... A sermon preached at Northampton, at the assizes, to the countie, Feb. 22. 1626.* London, 1627, 36 p.

Сведения об авторе / Information about the Author

Журавлев Александр Викторович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Zhuravlev Aleksandr Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of World History, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University

Для цитирования / For citation

Журавлев А. В. Доктрина пассивного повиновения (passive obedience) в стюартовской Англии, 1603–1688 годы // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 20–29.

Zhuravlev A. V. The Doctrine of Passive Obedience in Stuart England, 1603–1688. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 20–29. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-20-29

УДК 323.11 (574)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-30-37

О. Н. Шелегина¹, С. К. Жетпысбаев²

¹ *Институт истории СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630000, Россия*

² *Ассамблея народа Казахстана Павлодарской области
ул. 1 Мая, 35/1, Павлодар, 146000, Республика Казахстан*

oshelegina@yandex.ru, sank-pavlodar2012@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ОСВОЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Рассматриваются основные направления государственной политики Республики Казахстан в новом исследовательском тренде по отношению к историко-культурному наследию формирования в мировом масштабе общественно-значимого перехода от использования к освоению наследия. На основе анализа законодательных актов, материалов центральной и местной периодической печати, интернет-ресурсов и релевантных исследований дается количественная и качественная характеристика результатов реализации политики независимого Казахстана в сфере освоения наследия на национальном и международном уровне. Установлены эффективность стратегического национального проекта «Культурное наследие», социокультурная роль государственной программы «Сакральная география Казахстана». Определены значение представительства Республики Казахстан в Комитете Всемирного наследия ЮНЕСКО, вклад в развитие международного проекта «Великий шелковый путь».

Ключевые слова: Республика Казахстан, историко-культурное наследие, освоение наследия, государственная программа «Культурное наследие».

Динамичное развитие современного общества требует постоянного внимания к проблеме освоения всех видов наследия. Особую актуальность приобретает, учитывая опыт стран Азии, выработка соответствующих стратегий и тактик, позволяющих сохранить культурное наследие и транслировать его для будущих поколений во всем многообразии.

Культурное наследие, как феноменологическая категория, подвергается активной научной рефлексии. В коллективной монографии «Cultural Heritage in Asian Countries: From Theory to Practice», изданной в Казахстане, учеными из 11 стран мира представлены результаты исследований по проблемам теории и практики изучения и трансляции научного, историко-культурного наследия, включения его в сферу туризма [Cultural Heritage..., 2015].

В качестве магистральной тенденции современного социокультурного развития выделяется переход к освоению наследия, что предлагается понимать как «универсальный способ сохранения наследия, остающегося живым и действенным, даже когда та или иная форма бытия культуры перестает бытовать физически» [Каулен, 2012. С. 9]. Начато изучение форм освоения наследия в тренде интеграции учреждений науки, образования, культуры [Наука, образование, музеи, 2016]. В настоящих научных и социокультурных обстоятельствах необходимы расширение эмпирической базы, апробация новых подходов к изучению и оценке наследия, публичной памяти, предлагаемых всемирно известным специалистом в этой области Т. Шола [2017], разработка концепта «освоение наследия».

ISSN 1818-7919.

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Том 17, № 8: История

© О. Н. Шелегина, С. К. Жетпысбаев, 2018

В данной статье впервые систематизирован опыт реализации государственных программ Республики Казахстан (далее – РК), связанных с культурным наследием, в международном контексте, что является весьма актуальным в свете обозначенных выше исследовательских проблем.

Анализ государственной политики РК в области освоения наследия проводится на основе нормативных актов, релевантной научной литературы, электронных публикаций, материалов периодической печати, отражающих позиции и деятельность разных институций и партий, общественное мнение. Республиканские журналы «Мәдени мұра – Культурное наследие» (издание Национального музея РК), «Дипломатия Жаршысы – Вестник дипломатии» (издание Министерства иностранных дел РК), имеющие шесть выпусков в год, оперативно освещают процесс выполнения программ с акцентом на деятельность их ведомств. Центральные газеты («Казахстанская правда», «Наука и высшая школа Казахстана», «Комсомольская правда. Казахстан») размещают материалы, отражающие концептуальные положения программ, ход и результаты их выполнения. Местные газеты («Кызылординские вести», «Звезда Прииртышья» и др.) преимущественно публикуют статьи и репортажи о конкретных локальных событиях в русле государственной политики в сфере наследия. Партии, как правило, отношение к культурному наследию высказывают в общеполитическом контексте на соответствующих сайтах. В совокупности это позволяет дать характеристику и оценку проектов в рамках государственной политики в области культурного наследия в РК.

В условиях глобализации практически все страны мира решают задачи, направленные на возрождение наследия, включения его в международное социокультурное пространство. Как показывает опыт Египта, Турции, Индии, Филиппин, Ирана, Китая и стран СНГ, наиболее продуктивным является подход, при котором культурное наследие нации понимается всеобъемлюще, во всем своем историческом многообразии.

На этапе строительства суверенного Казахстана актуализировалась необходимость консолидации общества вокруг идеи национального развития с учетом исторического и культурного наследия как символа единства народа и целостности страны, укрепления ее международных позиций. В Законе РК «О культуре» под культурным наследием понимается совокупность культурных ценностей, имеющих государственное значение, исключительно принадлежащих РК без права их передачи иным государствам [Закон Республики Казахстан..., 2006. С. 220]. Культурное наследие Казахстана включает свыше 25 тыс. недвижимых памятников истории, археологии, монументального искусства и архитектуры, что делает его своеобразным музеем под открытым небом.

С 2004 г. в РК, по инициативе Президента страны Н. А. Назарбаева, выполняется Государственная программа «Мәдени мұра» – «Культурное наследие». Организационная структура программы предусматривала ее поэтапную реализацию (2004–2006, 2007–2008, 2009–2011 гг., с разработкой последующей 20-летней программы) и финансирование на систематизацию, сохранение и развитие культурного наследия [Указ Президента..., 2004]. Цель программы – развитие и укрепление национального самосознания казахстанцев на основе значимого культурного наследия, представление на международном уровне богатств национальной культуры, а также создание системы изучения национального культурного наследия¹. Одной из главных задач программы стала подготовка Свода памятников истории и культуры, как фундамента всей работы по изучению и охране памятников [Байпаков, 2004].

В июне 2008 г. на расширенном заседании Общественного совета по реализации программы «Мәдени мұра» с участием зарубежных экспертов (в том числе известного российского археолога, профессора Кемеровского государственного университета А. И. Мартынова), ведущих ученых и общественных деятелей Казахстана были подведены итоги выполнения первого этапа программы. Результаты демонстрировались на репрезентативной выставке, презентации Казахстанской национальной электронной библиотеки. Президент Н. А. Назарбаев, отметив

¹ Караманова М. С. Государственная программа «Культурное наследие» Казахстана: этапы ее реализации и значение // Портал National Digital History of Kazakhstan. 01.10.2013. URL: <http://e-istory.kz/ru/contents/view/1568> (дата обращения 13.03.2018).

народное признание, роль программы в общественной жизни страны, реальной поддержке науки, значимые результаты реализации программы, заострил внимание на целесообразности корректировки концепции программы. В числе приоритетных направлений были названы: формирование национальных символов; развитие культурного туризма; международная пропаганда национального исторического наследия; комплексное изучение документального историко-культурного наследия; внедрение систематизированных результатов программы в образовательную сферу – учебники и учебные программы средних и высших учебных заведений (для предотвращения влияния на молодое поколение различных догматических течений); подготовка кадров: переводчиков, историков, этнографов, реставраторов для деятельности в сфере наследия ².

Программу «Культурное наследие» Н. А. Назарбаев назвал «стратегическим национальным проектом, определившим государственный подход к культуре». Программа продемонстрировала потенциал и гуманистический курс народа, обогатила его исторический опыт и стала надежной опорой в преемственности поколений [Назарбаев, 2011. С. 287].

Благодаря государственной финансовой поддержке (более 11, 6 млрд тенге за 2004–2011 гг.), к 2013 г. по программе «Культурное наследие» были выполнены реставрационные работы на 73 археологических и архитектурных памятниках, проведено более 40 археологических, 26 научно-прикладных исследований; выявлено более 10 тыс. новых архивных материалов, артефактов; возвращены 5 тыс. уникальных исторических документов. Издано более 440 наименований книг по истории, этнографии, археологии, 66 томов 100-томного издания «Бабалар сөзі» («Слово предков»), 10 томов Энциклопедии Казахстана (пять томов на русском языке, справочник на английском), продолжается выпуск «Ста казахских романов» в 200-х томах ³.

Существенное значение для интеграции Казахстана в мировое культурное пространство имеет его конструктивная международная политика. Исследования в Казахстане стали привлекательными для ученых из Японии, Монголии, Турции, Азербайджана, России, Украины, Финляндии, Болгарии, Венгрии и Великобритании [Досымбаева, 2010. С. 15]. Геополитическое и социокультурное значение имеет демонстрация памятников культуры казахской степи в качестве эталонов культур кочевников. Названия памятников: «Алтын Адам» – «Золотой человек», Мавзолеи Ходжи Ахмеда Ясави, города Отрар и Туркестан стали историческими и культурными брендами Казахстана.

Страна представлена в Комитете Всемирного наследия ЮНЕСКО. В Список Всемирного наследия трансграничной серийной номинации ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь» включена сеть маршрутов «Чаньянь – Тянь-Шанского коридора» (5 000 км), где Казахстан представлен 8 объектами, относящимися к всемирному наследию [Даненов, 2014. С. 18]. К 20-летию образования Ассамблеи народа Казахстана (2015 г.), принимающей активное участие в реализации государственных программ и проектов, был организован караван «Китай-Казахстан», способствующий укреплению дружеских взаимоотношений народов, перспективам международного сотрудничества.

В рамках пролонгированной программы «Культурное наследие» осуществляется модернизация музеев Казахстана. В ближайшей перспективе они станут опорными центрами взаимодействия и сотрудничества с научными учреждениями, университетами, библиотеками, архивами, в целях широкой популяризации, интерпретации историко-культурного наследия в современном формате с учетом опыта зарубежных музеев: Лувра, Ватикана, Эрмитажа. С 2015 г. сделан акцент на создание региональных проектов культурно-туристских кластеров: «Астана – сердце Евразии», «Алматы – свободная культурная зона Казахстана», «Единство природы и кочевой культуры», «Жемчужина Алтая», «Возрождение Великого Шелкового пути» и «Каспийские ворота», обеспечивающих мощный мультипликативный эффект [Нитченко, 2015].

² Программа «Культурное наследие». Н. Назарбаев поставил задачу ускорить сбор исторических данных о древних казахх // Казахстанская правда. 14.06.2008. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1213427220> (дата обращения 13.04.2018).

³ Караманова М. С. Государственная программа «Культурное наследие» Казахстана...

Беспрецедентная в истории Казахстана по масштабам и значимости программа «Мәдени мұра» – «Культурное наследие» открыла всему миру богатства историко-культурного наследия казахского народа, дала мощный импульс развитию науки, литературы, изобразительного искусства, кинематографа, выявила мощный потенциал отечественных ученых, творческой интеллигенции [Гапонова, 2017].

Вместе с тем следует учитывать, что наследие является конструктом, который как любой конструкт «либо низвергается, либо укрепляется с помощью моральных обоснований для чего нам нужно наследие?» Оно может являться и частью политического проекта [Шола, 2017. С. 57]. В связи с этим необходимы выработка и согласование с основными политическими партиями целей государственной политики в области освоения национального наследия.

По мнению членов партии «Ақ жол» (Демократическая партия Казахстана), позиционирующей себя как «конструктивная оппозиция», проблема сохранения культурного наследия казахского народа может быть решена лишь путем создания базового механизма поддержки и развития нематериальной культуры страны ⁴. Лидер партии «Бірлік» С. Султангали, высказывая обеспокоенность, что «современная молодежь все больше утрачивает связь с нашим классическим культурным наследием», предлагал, прежде всего, заняться возрождением поселковых клубов и народных театров ⁵. В Уставе оппозиционно настроенной Общенациональной социал-демократической партии Казахстана целевыми установками являются: «Стимулирование роста национального самосознания как основы для осознанной гражданской позиции личности; наполнение идеи казахстанского патриотизма реальным содержанием и мотивацией» ⁶. Свидетельством интереса населения к нематериальному наследию, поддержке реальной деятельности местной администрации на областном и международном уровнях являются публикации в газетах «Звезда Прииртышья» (Павлодарская обл.) [Жомартова, 2016], «Кызылординские вести» ⁷. Представляя спектр позиций по отношению к культурному наследию, следует учитывать особенности сознания казахстанцев, связанные с региональным разделением единой нации, необходимость в примирении различных полюсов национального сознания.

«Государство и нация – не статичная конструкция, а живой развивающийся организм. Чтобы жить, нужно обладать способностью к осмысленной адаптации», – отметил Н. А. Назарбаев в статье «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания». По его оценке, два важнейших процесса обновления – политическая реформа и модернизация экономики должны сопровождаться опережающей модернизацией общественного сознания, выработкой конкретных проектов, позволяющих «ответить на вызовы времени без утраты великой силы традиции». К актуальным проектам, направленным на освоение наследия и развитие патриотизма, можно отнести названную Президентом РК программу «Туған жер» («Земля рождения»), ориентированную на местные, локальные объекты и поселения с потенциалом ее развития в «Туған ел» («Страна рождения»). Проект «Духовные святыни Казахстана» может стать «одним из элементов каркаса национальной идентичности» ⁸.

По поручению Президента Правительством РК в диалоге с общественностью во взаимосвязи трех позиций: образовательной подготовки каждого казахстанца по программе «Культурно-географический пояс»; серьезной и системной работы СМИ; опоры внутреннего и внешнего культурного туризма на символическое наследие народа была разработана государственная

⁴ Перуашев А. Т. «Ақ жол»: Необходимо развивать, распространять и защищать культурное наследие казахского народа. 19.03.2014. URL: <http://www.parlam.kz> (дата обращения 13.04.2018).

⁵ Омаров Р. «Бірлік» – значит единство. 14.11.2013. URL: http://www.old.express-k.kz/show_article.php?art_id=89344 (дата обращения 13.04.2018).

⁶ URL: <http://www.osdp.info/u-s-t-a-v-respublikanskogo-obshhestvennogo-obedineniya-obshhenatsionalnaya-sotsial-demokraticheskaya-partiya/> (дата обращения 13.04.2018).

⁷ Международный фестиваль «Коркыт» и мелодии Великой степи // Кызылординские вести. 28.09.2017. URL: <http://www.kzvesti.kz/news/22352-mezhdunarodnyy-festival-korkyt-i-melodii-velikoy-stepi.html> (дата обращения 20.03.2018).

⁸ Назарбаев Н. А. «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 12.04.2017. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya (дата обращения 20.03.2018).

программа «Сакральная география Казахстана», рассчитанная на пять лет для создания единой сети мест памяти на всей территории страны.

В настоящее время идет процесс реализации этой программы. Научно-исследовательским центром «Қасиетті Қазақстан» («Сакральный Казахстан») разработаны специальный методический инструментарий и рекомендации для региональных рабочих групп, включающих известных ученых-краеведов. В Национальном музее РК была представлена версия списка из 100 объектов с выделением следующих групп: особо почитаемые памятники природного наследия; археологические и архитектурные памятники; крупные средневековые городские центры и столицы Казахского ханства; религиозные и культовые объекты, являющиеся местами поклонения; сакральные места, связанные с историческими личностями; сакральные места, связанные с историческими и политическими событиями⁹.

Актуализация сакрального наследия в Казахстане осуществляется и путем его музеефикации. Единственный в мире культурно-исторический мегаполис – г. Алматы, в черте которого сохранился огромный царский некрополь (47 курганов сакской элиты и вождей усуньских племен), являвшийся сакральным центром для всего скифо-сибирского мира, превращен в знаменитый археологический парк под открытым небом «Боралдайские сакские курганы», самый крупный в странах СНГ. В целом программа «Сакральная география Казахстана» на организационном, исследовательском и ментальном уровнях аккумулирует и транслирует наследие не только казахского народа, но и каждого казахстанца, наследие всех этнических групп, населяющих республику и осознающих Казахстан своей единственной родиной.

На основе анализа эмпирической базы можно предложить дискуссионный вариант определения концепта «освоение наследия» как совокупности процессов выявления, сохранения, изучения, реставрации и реконструкции, дигитализации объектов материального и нематериального наследия, трансляции в национальное и мировое социокультурное пространство системы знаний, современное и перспективное государственное и общественное значение объектов наследия.

В целом можно заключить, что государственная политика Республики Казахстан по освоению культурного наследия является важной составной частью процессов модернизации страны, носит стратегический характер. Ее реализация осуществляется на основе программ и проектов международного, национального и регионально-локального уровней при участии представителей разных слоев общества, интеграции учреждений науки, культуры, образования, туристической отрасли. Она направлена на укрепление идентичности, обеспечение устойчивого гармоничного развития и достижения перспективных целей государства в XXI столетии. Целесообразно дальнейшее комплексное изучение опыта Республики Казахстан в сфере освоения наследия как новационного социогуманитарного тренда.

Список литературы

Каулен М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.

Наука, образование, музеи: формы освоения наследия. Барнаул; Новосибирск: Изд-во «Триада»; Институт истории СО РАН, 2016. 204 с.

Шола Т. С. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий: ИКОМ России; «Ростовский кремль», 2017. 320 с.

Cultural Heritage in Asian Countries: From Theory to Practice. Pavlodar: Edition of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2015. 227 p.

⁹ Ученые презентовали список 100 сакральных мест Казахстана. 16.08.2017. URL: <http://www.inform.kz/ru/article/3055505> (дата обращения 13.03.2018).

Список источников

- Байпаков К. Реализуется программа «Культурное наследие» // Наука и высшая школа Казахстана. 2004. 1 нояб.
- Гапонова Н. Следуя традициям, стремиться в будущее // Казахстанская правда. 2017. 18 мая.
- Даненов Н. Нематериальное культурное наследие народа // Вестник дипломатии. № 29 (45). Астана, 2014. С. 6–21.
- Досымбаева А. Тюркский мир казахских степей // Мәдени мұра. Культурное наследие. № 5 (32). Астана, 2010. С. 13–23.
- Жомартова А. Сохраним наследие предков // Звезда Прииртышья. 2016. 12 янв.
- Закон Республики Казахстан «О культуре» // Вестник Парламента Республики Казахстан. 2006. № 24. С. 220–245.
- Назарбаев Н. А. Выступление на расширенном заседании Общественного совета по реализации программы «Мәдени мұра – Культурное наследие» // Назарбаев Н. А. Избранные речи. Астана: Изд-во Сарыарка, 2011. Т. 5, кн. 1: 2006–2007 гг. 528 с.
- Нитченко Ю. Общенациональный проект «Мәңгілік мұра» запустят в Казахстане // Комсомольская правда. Казахстан. 2015. 23 июля.
- Указ Президента Республики Казахстан «О государственной программе «Культурное наследие» на 2004–2006 годы». № 1277. 2004. 13 янв. 159 с.

Материал поступил в редколлегию 18.03.2018

O. N. Shelegina¹, S. K. Zhetpysbaev²

¹ *Institute of History SB RAS*

8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² *Assembly of the People of Kazakhstan in Pavlodar region*

35/1 1 Maya Str., Pavlodar, 146000, Republic of Kazakhstan

oshelegina@yandex.ru, sank-pavlodar2012@mail.ru

**STATE POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
ON EXPLORING THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE**

The article addresses the main aspects of Kazakhstan's state policy relating to historical and cultural heritage, namely, with respect to a gradual socially significant transition from heritage actualization to exploration, which represents a new trend in research. At present, the country's historical and cultural heritage includes over 25,000 immovable historical, archeological, and architectural monuments, as well as monumental art sites. Based on the analysis of the representative historiographical resources and the state periodical press materials, a quantity and quality assessment was carried out regarding the outcomes of independent Kazakhstan's policy on exploring its heritage at both domestic and international level. The "Cultural Heritage" project launched in 2004 is a unique national strategic project that portrays the state approach to culture and the exploration of cultural heritage. State program "The Sacral Geography of Kazakhstan" also plays an important sociocultural role. In the south Kazakhstan region alone historical and cultural objects have all been registered, including a unique cultural and historical megalopolis – the city of Almaty with a huge tsar necropolis. The President of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbaev describes this policy as one of the cornerstones of national identity preservation. The mission of the Republic of Kazakhstan alongside the UNESCO World Heritage Committee, collaboration with foreign countries, and a contribution to the development of an ambitious international project "The Great Silk Road" also play an important

role in preserving and actualizing its cultural heritage. The state policy of the Republic of Kazakhstan of exploring its historical and cultural heritage should be recognized as rewarding and effective in terms of the preservation and actualization of cultural heritage, national consolidation, and Kazakhstan's integration into the global cultural space.

Keywords: The Republic of Kazakhstan, historical and cultural heritage, exploration of cultural heritage, state program «Cultural Heritage».

References

Cultural Heritage in Asian Countries: From Theory to Practice. Pavlodar, Edition of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2015, 227 p.

Kaulen M. E. *Muzeifikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museumification of Historical and Cultural Heritage of Russia]. Moscow, Eterna Publ., 2012, 432 p. (in Russ.)

Nauka, obrazovanie, muzei: formy osvoeniya naslediya [Science, Education, Museums: Forms of Heritage Development]. Barnaul, Novosibirsk, «Triada» Publ., Institut istorii SO RAN, 2016, 204 p. (in Russ.)

Shola T. S. *Mnemosofiya. Esse o nauke publichnoi pamyati* [Mnemosophy. An Essay on the Science of Public Memory]. Rostov Velikii, IKOM Rossii, «Rostovskii kreml'», 2017, 320 p. (in Russ.)

Sources

Baipakov K. Realizuesiya programma «Kul'turnoe nasledie» [The Program «Cultural Heritage» is Being Realized]. *Nauka i vysshaya shkola Kazakhstana* [Science and Higher School of Kazakhstan], 2004, Nov. 1. (in Russ.)

Danenov N. Nematerial'noe kul'turnoe nasledie naroda [Intangible Cultural Heritage of the People]. *Vestnik diplomatii* [Journal of Diplomacy], 2014, no. 29 (45), p. 16–21. (in Russ.)

Dosymbaeva A. Tyurkskii mir kazakhskikh stepei [The Turkic World of the Kazakh Steppes]. *Madeni myra. Kul'turnoe nasledie* [Cultural Heritage], 2010, no. 5 (32), p. 13–23. (in Russ.)

Gaponova N. Sleduya traditsiyam, stremit'sya v budushee [Following Traditions, Strive for the Future]. *Kazakhstanskaya pravda* [Kazakhstan's Truth], 2017, May 18. (in Russ.)

Nazarbaev N. A. Vystuplenie na rasshirennom zasedanii Obschestvennogo soveta po realizatsii programmy «Madeni myra – Kul'turnoe nasledie» [Speech at the Enlarged Meeting of the Public Council for the Implementation of the «Madeni Mura – Cultural Heritage» Program]. Nazarbaev N. A. *Izbrannye rechi* [Selected Speeches]. Astana, Saryarka Publ., 2011, vol. 5, book 1. 2006–2007, 528 p. (in Russ.)

Nitchenko Yu. Obschenatsional'nyi proekt «Mәngilik myra» zapustyat v Kazakhstane [The National Project «Mogilik mura» Will Be Launched in Kazakhstan]. *Komsomol'skaya pravda. Kazakhstan* [Komsomol Truth. Kazakhstan], 2015, July 23. (in Russ.)

Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan «O gosudarstvennoi programme «Kul'turnoe nasledie» na 2004–2006 gody» [Decree of the President of the Republic of Kazakhstan «On the State Program «Cultural Heritage» for years 2004–2006»], no. 1277, 2004, Jan. 13. 159 p. (in Russ.)

Zakon Respubliki Kazakhstan «O kul'ture» [Law of the Republic of Kazakhstan «On Culture»]. *Vestnik Parlamenta Respubliki Kazakhstan* [Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan], 2006, no. 24, p. 220–245. (in Russ.)

Zhomartova A. Sokhranim nasledie predkov [Let's Preserve the Heritage of Our Ancestors]. *Zvezda Priirtysh'ya* [Star of Irtysh Region], 2016, Jan. 12. (in Russ.)

Сведения об авторах / Information about the Authors

Шелегина Ольга Николаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора Музей Сибирского отделения РАН Института истории СО РАН (Новосибирск)

Жетпысбаев Сейсембай Калижанович – кандидат экономических наук, заместитель председателя, заведующий секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Павлодарской области Республики Казахстан (Павлодар, Республика Казахстан)

Shelegina Olga Nikolaevna – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Museum of the Siberian Branch of RAS, Institute of History of the SB RAS (Novosibirsk)

Zhetpysbaev Seysembay Kalizhanovich – Candidate of Economical Sciences, Deputy Chairman, Head of Secretariat, Assembly of the People of Kazakhstan in Pavlodar region (Pavlodar, Republic of Kazakhstan)

Для цитирования / For citation

Шелегина О. Н., Жетпысбаев С. К. Государственная политика Республики Казахстан по освоению культурного наследия // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 30–37.

Shelegina O. N., Zhetpysbayev S. K. State Policy of the Republic of Kazakhstan on Exploring its Historical and Cultural Heritage. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 30–37. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-30-37

УДК 94 (47).04 + 930.85

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-38-48

Н. С. Гурьянова

*Институт истории СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

gurian@academ.org

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СТАРООБРЯДЦАМИ СОЧИНЕНИЙ ОППОНЕНТОВ

Статья посвящена анализу рукописных сборников и авторских сочинений, написанных старообрядцами в XVII–XVIII вв., с целью выяснить, каким образом они использовали фрагменты из сочинений своих идейных противников. Отмечено, что они унаследовали традиционное для книжника Древней Руси воспроизведение цитаты, чтобы опровергнуть аргумент, высказанный в защиту изменений, внесенных в обряд и богослужебную практику Русской церкви в результате церковной реформы. Показано, что постепенно старообрядцы стали использовать выписки из сочинений представителей официальной Церкви в качестве свидетельств, поддерживающих их точку зрения на спорный вопрос. Это позволило старообрядцам использовать фрагменты из антистарообрядческих произведений в авторских сочинениях и сборниках в качестве авторитетных аргументов, свидетельствующих о справедливости отстаиваемой ими точки зрения на результаты церковной реформы, начатой патриархом Никоном.

Ключевые слова: Русская православная церковь, церковная реформа, раскол, старообрядчество, рукописные сборники, сочинения, эсхатология.

Раскол в Русской церкви в середине XVII в. начался с внесения патриархом Никоном изменений в обряд и богослужебную практику, что нашло отражение в печатных книгах. Для Московского печатного двора не было ничего необычного во внесении исправлений в текст издаваемых книг. Во время проведения реформы книжная справа приобрела новые формы¹, преследуя определенные цели. Сборник «Скрижаль»² был опубликован с целью оправдать нововведения в церковную жизнь. Противники церковной реформы стали возражать, отыскивая аргументы в рукописях и старопечатных книгах.

Характерной подборкой подобных выписок следует считать «Полемическую тетрадь», обнаруженную О. С. Сапожниковой в составе третьего Азбуковника Сергея Шелонина и опубликованную ею [Сапожникова, 2010. С. 414–432]. Свое отрицательное отношение к вносимым изменениям в обряд и богослужебную практику соловецкий инок высказал и в текстах сборника РНБ, Q.XVII.187, который О. С. Сапожникова справедливо обозначила в качестве антиреформенного [Там же. С. 360–378]. Сергей Шелонин явно полемизировал с составите-

¹ Процесс создания простой Псалтири нового типа показан А. В. Вознесенским на примере изданий книги Московским печатным двором [2010. С. 152–159, 256–258].

² Описание сборника см.: [Зернова, 1958. С. 82–83].

лями сборника «Скрижаль», опровергая их аргументы по догматическим и обрядовым вопросам.

Другой соловецкий инок Герасим Фирсов в сочинении «О сложении перстов, еже коими персты десныя руки подобает всякому православному христианину вообразати на себе знамение честнаго креста» [Никольский, 1916. С. 145–196] возражал уже против конкретного утверждения оппонентов, цитируя фрагменты из сборника «Скрижаль». Например, приводя текст из сочинения Максима Грека «Сказание, како знаменатися крестным знамением»³, Герасим Фирсов продолжает так: «Смотри же и сего, како и той согласно всем древним святым. О сем же Максиме в новой книге печатной, глаголемей Чиновник, пишет сие». Констатируя факт соответствия мнения, высказанного Максимом Греком, сформулированному всеми «древними святыми», далее автор поясняет, что речь идет о сборнике, в котором обоснована новая форма крестного знамения: «Книга Чиновник святейшаго патриарха Никона Московскаго и всеа Русии, о еже коими персты десныя руки изображати крест». После этого указан лист, на котором расположен скопированный фрагмент [Там же. С. 163]⁴.

Свой комментарий Герасим Фирсов начинает так: «Ты же смотри, како книга сия несогласна в себе: Максима убо вемы, рече, яко муж благ и разума и премудрости исполнен бе, елико же что писа, о сем не вемы, откуда писа... О сем бо дивно есть, яко вы не весте, о премудрии, откуда блаженный он писа, мы же вемы сие, яко аще благ муж Максим, якоже свидетелствуете, благий же никогда же учит не благому чему...» [Там же. С. 164].

Цитирование оппонентов для того, чтобы доказать их неправоту – традиционный прием, используемый древнерусскими книжниками. Противники церковной реформы с успехом применяли его, опровергая доводы реформаторов. Со временем расширялся круг произведений, написанных в защиту нововведений. Фрагменты из них часто определяли тему и даже структуру авторского произведения или сборника. Авторы официальной Церкви, отстаивая законность новаций, поступали тоже подобным образом: цитата – опровержение.

Первые противники церковной реформы отыскивали аргументы в авторитетных рукописях и старопечатных книгах, с помощью которых они стали обвинять реформаторов в отступлении от традиции Русской церкви, опираясь на расхождения текстов новых печатных книг с прежними изданиями Московского печатного двора, а также с авторитетными русскими и греческими рукописями. Доказывая незаконность нововведений, защитники старого обряда стали использовать не только произведения православных авторов. Ярким примером может служить обращение к историческому сочинению деятеля католической Церкви Цезаря Барония⁵.

Вводя в научный оборот сборник с подписями пустозерских узников, И. М. Кудрявцев в комментариях к «архивным материалам» протопопа Аввакума обратил внимание на факт использования им рукописного варианта перевода «Деяний церковных и гражданских...» [Кудрявцев, 1972. С. 207–208]. Н. Ю. Бубнов продолжил разыскания в этом направлении, изложив результаты в статье «“Деяния церковные и гражданские” Цезаря Барония в русской публицистике 3-й четверти XVII в.» [2007]. Исследователь справедливо заметил, что московское общество знакомилось с сочинением Цезаря Барония сначала через посредство сочинений Захарии Копыстенского, а затем в переводе Скарги [Там же. С. 56].

В начале XVIII в. защитники старого обряда, готовясь к предстоящим дискуссиям с миссионерами официальной Церкви, проделали огромную работу по систематизации отобранных предшественниками фрагментов текстов из авторитетных рукописей и старопечатных книг. С целью проверить точность цитирования они обратились к исходным текстам, дополнив новыми выписками и вполне научным описанием книг. В результате были составлены сборники подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам», основу которых составила 2-я книга Тимофея Лысина⁶.

³ Об этом сочинении и его научную публикацию см.: [Журова, 2007. С. 3–33].

⁴ При копировании сочинения Герасима Фирсова в более поздние времена, обычно на поле помещали пояснение «Скрижаль». Например, см.: РНБ. О.І.349. Л. 332.

⁵ О нем см.: [Никифорова, 2002].

⁶ Подробнее об этом см.: [Гурьянова, 2017. С. 144–167].

В этих сборниках был подведен своеобразный итог работы по отысканию свидетельств в пользу точки зрения противников церковной реформы на изменения, внесенные в обряд и богослужебную практику РПЦ. В них более определенно проступают принципы, по которым защитники старого обряда выстраивали доказательную базу утверждения о незаконности новшеств. Это заметно уже в оглавлении. Копируя текст из «Трактата о двуперстии» Герасима Фирсова, на который ранее было обращено внимание, составители сборника РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 383 ⁷ (далее – Е. 383) в оглавлении представили его в качестве нескольких самостоятельных частей. Фрагмент озаглавили кратко – «Максима Грека». Цитату из сборника «Скрижаль» они обозначили так: «О Максиме Греке от новопечатных книг», а возражение Герасима Фирсова на этот текст назвали «Обличение на неприемлющих писания Максима Грека» ⁸.

В данном случае составители попытались сориентировать читателя в том, как следует воспринимать воспроизведенные фрагменты из сочинения Герасима Фирсова. Подобным образом они поступили, характеризуя опровержение фрагмента из сочинения «Увет духовный» Афанасия Холмогорского, написанного позже с целью оправдать результаты реформы. Единственным отличием было обозначение частей в одном параграфе: «Увет скажет, в Цареграде и во всей России прежде пояху Аллилуия 3-ж, а четвертое Слава тебе Боже. И преподобного Ефросина хождение отводит и о том известие и обличение на лживыя речи их» ⁹.

Фрагменты текстов из сочинений, написанных представителями официальной Церкви, начинают каждый тематический раздел сборника. Затем помещены рассуждения, подкрепленные соответствующими цитатами из авторитетных рукописей и старопечатных книг. Как уже было отмечено, это сделано в духе традиции книжника Древней Руси. В этих сборниках проявилась и новая тенденция, свидетельствующая о начале использования произведений оппонентов в качестве аргументов для подкрепления собственной точки зрения по поводу решения спорного вопроса.

Разумеется, как было отмечено ранее, уже первые защитники старого обряда обращались к текстам, написанным авторами, принадлежащими к другим конфессиям. Речь шла об исторических или публицистических сочинениях, которые были созданы в полемике и, например, содержали критику пап, как в сочинении Цезаря Барония. В сборниках подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам» уже в оглавлении появилась новая формулировка: «Яко от врагов правое свидетельство достопривно» ¹⁰. В этом обозначении темы раздела указано, что следует использовать тексты оппонентов с целью обосновать собственную точку зрения на обсуждаемый вопрос.

Действительно, на указанном в оглавлении листе расположен текст, начинающийся так: «Ведомо же буди, яко обычай есть Божественному Писанию многажды и от врагов приимати свидетельства». В этом названии-аннотации блока материалов уточнено, что принимать «от врагов правое свидетельство» составители считают возможным, опираясь на традицию, которая зафиксирована в «Божественном Писании». Далее составители, обосновывая для читателей данное заявление, привели несколько примеров, которые, по их мнению, свидетельствуют об этом.

Следом помещен пересказ ситуации, в которой «некто в прежняя лета греком враг и зело понося им много», по поводу конкретного вопроса высказал справедливое суждение. На поле дана отсылка с указанием, что подробно с этим текстом можно познакомиться на других листах данного сборника: «Зде лист 220 и 222» ¹¹. На указанных листах помещен самостоятельный текст, который начинается так: «Ведомо буде и сие». В сборнике подобные вставки, прерывающие логику рассуждения по поводу обсуждаемого вопроса, но дополняющие аргументацию, обычно начинаются после чистого листа. В данном случае без уточнения темы, но возможен ва-

⁷ Описание сборника см.: [Шашков, 1979. С. 85].

⁸ Е. 383. Л. 1 – 1 об.

⁹ Там же. Л. 2 об.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 273.

риант, как это в вышеприведенном случае, не только с указанием темы, но и с аннотацией содержания.

Следуя указаниям составителей сборника, прежде всего обратим внимание на текст, расположенный на 220–221-м листах. Он начинается с вводной фразы: «В новопечатной книге “Увете духовном” на листу 156-м указывает о аллилуии на Чети Миней Великие сице...». Затем помещена дословная цитата из сочинения Афанасия Холмогорского: «В Четиих Минях во июнии и во августе месяцах... такожде повелено глаголати трижды аллилуия, а в четвертое Слава Тебе Боже»¹². Свое рассуждение по поводу воспроизведенного фрагмента старообрядец начинает с точного определения, к какой рукописи Великих Четиих Миней он обратился, чтобы опровергнуть аргумент, на который сослался иерарх официальной Церкви. После этого он привел два значительных фрагмента из предисловия к декабрьской книге ВМЧ. В том числе и цитату, в которой митрополит Макарий вполне традиционно обращается к читателям с просьбой, если они обнаружат, что «посреде тех святых книг написано ложное и отреченное слово святыми отцы, а мы того не возмогохом исправити... недоконченная таковая исправити»¹³.

Обозначив конец цитаты, старообрядец обратился к читателям: «Смотрим же и разсуждаем праведно и безстрастно, кое слово ложное в тех Великих Минях написано и о чем молит святой Макарий митрополит – недокончанная исправити»¹⁴. Затем он указывает на факт изъятия по «повелению» патриарха Филарета «ложного слова Афродитияна Персянина о рождении Христове». При этом старообрядец уточняет: «Понеже видех аз в тех Великих Минях в декабре месяце в 21 день было написано ложное слово Афродитияна о рождении Христове... и то слово повелением... вынято, а остатки киноварью похерены»¹⁵. Еще большую убедительность справедливости поступка патриарха Филарета, по мнению автора, придает тот факт, что это сочинение обличал и «святый» Максим Грек, о чем он и упомянул.

Далее помещен текст, в котором представлены результаты обследования авторитетного варианта рукописей Великих Миней Четиих. Автору удалось представить текст, на который сослался Афанасий Холмогорский, в качестве случайно включенного митрополитом Макарием, который следовало, как он и просил, изъять.

Апелляция к варианту, когда «враг» формулирует мнение, которое можно использовать в качестве аргумента в споре с оппонентом, еще более убедительно представлена на примере обращения составителей сборника к антистарообрядческому сочинению Юрия Крижанича. А. Т. Шашков впервые обратил внимание на сборник Е. 383 и на использование старообрядцами сочинения Юрия Крижанича. Исследователь осуществил анализ воспроизведенных ими фрагментов и оценил их, ориентируясь на споры вокруг наследия Максима Грека¹⁶. Для нас эти цитаты важны в плане подведения старообрядцами теоретической базы использования сочинений оппонентов в качестве аргумента, подтверждающего их точку зрения, поэтому обратимся к ним еще раз.

Отметив, что «подобне же тому ин некто бе поп сербянин родом, верою же латынник», т. е. автор, написавший сочинение против защитников старого обряда, высказал мысль, с которой следует согласиться, поскольку она «истинная». На поле отсылка к 125-му листу сборника. Составители напомнили читателю о том, что он уже получил представление о Юрии Крижаниче и его сочинении. На листах 125 об. – 126 старой пагинации расположен текст, обозначенный как «Обличение на Соловецкую челобитную».

Цитата из этого сочинения введена следующим образом: «Сочинение убо трудами Юрия некоего сербиянина убо родом, латынника же бывша верою. Иже пред неколики леты прибыв в царствующем граде Москве и в Сибирь за вину послан, тамо книгу сию сербски написа». Далее помещено пояснение: «Преведено же на словенский диалект Московския типографии».

¹² Е. 383. Л. 214 (Старая пагинация: Л. 220). Ср.: [Увет духовный, 1682. Л. 156].

¹³ Там же. Л. 214–215 (Старая пагинация: Л. 220–221).

¹⁴ Там же. Л. 215 – 215 об. (Старая пагинация: Л. 221 – 221 об.).

¹⁵ Там же. Л. 215 об. (Старая пагинация: Л. 221 об.).

¹⁶ Характеристику содержания сочинения «Обличение Соловецкой челобитной» и анализ использованных старообрядцами фрагментов текстов из него в сборнике Е. 383 см.: [Шашков, 2013. С. 62–66].

справщиком Феодором Паликарповым в лето от Воплощения 1704, месяца августа 2 день. А на нижних полях у тоя книги написано: сице: Писал поп Ура Крижанищ презванием сербьянин во 183 году в Сибири»¹⁷.

Старообрядец дал точную, очень информативную справку об авторе сочинения, его судьбе, указав, на каком языке было написано произведение, кто его перевел на «словенский диалект». Цитата из его сочинения введена так: «Пишет же той латыник сице...». После воспроизведения фрагмента – авторский комментарий, который должен был подсказать читателям, каким образом следует интерпретировать высказанную «латынником» мысль: «Тако той сербьянин латинския веры и неволею свидетельствует о Божественной аллилуии и о сложении перстов крестнаго знамения, еже рече, вы тому всему научитесь от греков»¹⁸.

Акцентируя внимание читателей на важном, как считал автор, утверждении «латынника», подчеркнув, что тот свидетельствует «неволею», старообрядец формулирует четко мысль об объективности свидетельства, которое высказано «врагом»: «Писано же есть, яко от врагов свидетельство достоверно приемлется». Следом подтверждает: «Воистину бо и неложно о сложении перстов и о Божественной тайне аллилуии от православных и святых греков научихомся»¹⁹. В сборнике еще раз будет процитирован этот фрагмент из сочинения Юрия Крижанича наряду с другим. Как отмечено выше, при этом сделана отсылка к листу, на котором он представлен в первый раз.

Во вводной части, теперь уже к двум фрагментам из «Обличения на Соловецкую челобитную», частично повторена уже известная читателю информация о сочинении и его авторе, но представлена иначе: «...некто бе поп сербьянин родом, верою же латынник, иже сослан бысть с Москвы за вину в Сибирь. И тамо написа книгу “Обличение на Соловецкую челобитну”. Пишет же тамо и сие, укоря глаголющих аллилуия и слогающих персты по писанию святого Максима Грека и прочих имат же сицев укор того латынщика. Предел 6...»²⁰. На поле помещено пояснение: «Того две книги есть на Печатном дворе, едина преведеная, а другая ни. Сие же не с преведеной»²¹.

Совершенно очевидно, что составители сборника уже в названии раздела, провозгласив новое отношение к сочинениям своих оппонентов – «от врагов правое свидетельство достопрятно», продолжили работать с сочинением Юрия Крижанича. Указав на поле ссылку на ранее помещенное, повторив важную, по их мнению, информацию об авторе, они процитировали второй раз фрагмент, представленный на л. 125 об. – 126. Но «укор того латынщика» начали с воспроизведения «Предела 6», посвященного оправданию изменения в Символе веры, подчеркнув, что копируют «не с преведенного» варианта.

Дополнительная цитата позволила более широко представить мнение «латынщика» в качестве поддерживающего точку зрения защитников старого обряда. После обвинительной инвективы в адрес Юрия Крижанича по поводу возможности внесения изменений в Символ веры на том основании, что отцы Второго собора модифицировали Никейский Символ веры, они дословно повторили вывод, сделанный предшественником: «А еже свидетельствует он, вы тому всему научитесь от греков, и то достоверно свидетельство его, воистину бо и неложно»²².

Далее составители привели несколько примеров из Священного Писания, всякий раз обязательно включая для читателя пояснения учительного характера. Например: «И которые враги праведно что глаголют или пророчествуют, таковых святии отцы и во свидетельство тоя правды приемлют, якоже Писание глаголет»²³. В конце заключение: «Того ради и zde в книзе от многих святых книг собрахом о Божественной тайне аллилуии и о сложении перстов и о иных. Еще же

¹⁷ Е. 383. Л. 124 об. (Старая пагинация: Л. 125 об.).

¹⁸ Там же. Л. 125 (Старая пагинация: Л. 126).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 273–273 об. (Старая пагинация: Л. 289 – 289 об.).

²¹ Там же. Л. 273 об. (Старая пагинация: Л. 289 об.).

²² Там же. Л. 274 об. (Старая пагинация: Л. 291).

²³ Там же. Л. 275 (Старая пагинация: Л. 291).

засвидетельствовахом и сопротивными Церкви сицевыми, иже греком бысть укоритель и латинския веры сербеном, их же выше изъявихом»²⁴.

Тимофей Лысенин, по-видимому, первым сумел сформулировать четко мысль о возможности использовать высказывания оппонентов в качестве аргументов, способных поддержать точку зрения защитников старого обряда. Составители сборника Е. 383 с целью убедить читателей увеличили количество примеров, демонстрирующих справедливость этого утверждения, чтобы апеллировать к нему при необходимости. Вот яркий пример призыва к читателям с напоминанием о важности сформулированной и проиллюстрированной ранее мысли: «Мы же паки возвратимся отнюду же изыдохом, еже от врагов свидетельства приятно»²⁵.

Совершенно очевидно, что в сборниках подготовительных материалов к Дьяконовым ответам общими усилиями старообрядцами было подведено теоретическое обоснование для использования сочинений оппонентов в качестве аргументов, подтверждающих точку зрения защитников старого обряда на дискуссионные вопросы. Выговцы, принявшие участие в работе над сборниками, с успехом стали применять этот принцип при написании авторских произведений. Это хорошо заметно, если обратить внимание на эсхатологические сочинения.

В сборник БАН, собр. Дружинина, № 114 (145), составленный и частично написанный Мануилом Петровым, включено сочинение «Зерцало древности...», в котором автор, решая вопрос об имени антихриста, естественно, ссылается на тексты Священного Писания и сочинения отцов Церкви. Дополнительно он включил фрагмент из сочинения Стефана Яворского, введя его следующим образом: «Премудрый же Стефан, митрополит Рязанский и Муромский, бывший в царство Петра Великаго, написа книжицу О антихристе, показуя, яко предтечи антихристовы уже приидоша и в мире суть, сам же не у прииде. Сказует же и о имени антихристове во главе осмой глаголя...» [Стефан, 1703. Л. 79 об.]²⁶. Затем приведена значительная по объему цитата из сочинения иерарха официальной Церкви: «Ведати подобает о сем совершенно, яко имя некое греческое, греческим диалектом изследовано, антихристу будет свойственно... Зри читателю благочестивый, каково различие имен, вся же суть греческа и во всех исчисляется число зверино 666, якоже мощно комуждо искусити истинну. Дозде премудрый Стефан»²⁷ [Там же. Л. 79 об. – 85].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Стефан Яворский процитирован дословно, но не полностью. Следует подчеркнуть, что пропуск автор обозначил словами: «Та же, далее поступая, глаголет». Старообрядцем было изъято не просто обращение к читателю, а обвинительная инвектива, направленная против защитников старого обряда: «Сего ради удивляюся юродству неких неук и невегласов, котории в славянском нашем наречии хотят изобрести таково имя, еже бы могло согласовати числу зверину 666. Разумейте же безумнии в людех и буии некогда умудрятся» [Там же. Л. 79 об.].

Выговцы сочли возможным не обращать внимания на подобные выпады, чтобы использовать авторитет иерарха для укрепления собственной позиции. Недаром они предваряли и заключили цитату словами, в которых Стефан Яворский назван «премудрым». Всякий раз старообрядцы, ссылаясь на подобные тексты, имели в виду, разумеется, не концепцию в целом, а конкретный фрагмент, в котором они видели поддержку собственной точки зрения, вернее, возможность в нужном ключе интерпретировать сформулированную оппонентом мысль. В другом эсхатологическом сочинении «О антихристе. 18 разделов»²⁸ еще более ярко проявилась тенденция апелляции к сочинениям «врагов».

Представители официальной Церкви считали, что в сочинении «О антихристе. 18 разделов» наиболее полно нашло отражение эсхатологическое учение беспоповского направления старообрядчества. В предисловии неизвестный автор подчеркнул: «От Святаго Писания и учи-

²⁴ Там же. Л. 275 об. (Старая пагинация: Л. 291 об.).

²⁵ Там же. Л. 287 об. (Старая пагинация: Л. 304).

²⁶ БАН. Собр. Дружинина. Д. 114. Л. 40 об. – 41.

²⁷ Там же. Л. 40 об. – 41 об.

²⁸ РГБ. Собр. Егорова (ф. 98). № 1748. 4°. 182 л.; 1884. 4°. 179 л.; Собр. Музейное (ф. 178). № 9952. 4°. Л. 6–153.

телей церковных вкратце собравше, любви вашей предлагаем...»²⁹. Затем представил названия 18 разделов³⁰, а после этого поместил важное уточнение: «К сим же некая и от нынешних учителей, хотя и чюждих нам по несогласии в неких догматах веры и Церкви преданиях, но за еже согласныя святым пишуции внесени суть»³¹.

В этом замечании провозглашен принцип, по которому старообрядцы считали возможным привести фрагмент из сочинений оппонентов в качестве поддерживающего их точку зрения. Важным для них представлялся факт, что приведенная цитата написана «согласно святым». Разумеется, при этом они сами выступали в качестве экспертов и воспроизводили только те высказывания, которые могли быть интерпретированы в пользу собственной концепции. В сочинении «О антихристе. 18 разделов» это проявляется особенно ярко.

Автор собрал в каждом разделе, посвященном одному из вопросов эсхатологического учения, большое количество цитат из Священного Писания, обратив особое внимание на фрагменты из святоотеческого предания, в которых интерпретировались библейские тексты, дополнив их значительным количеством фрагментов из произведений православных авторов Киевской митрополии и сочинений представителей официальной Церкви. Он часто апеллирует к книгам Стефана Яворского «Знамения пришествия антихристов» и «Камень веры». Дословно воспроизводя цитаты из них, разумеется, с некоторыми изъятиями, старообрядец не комментирует их, считая, что во введении он объяснил читателям, с какой целью и почему включает наравне со святоотеческим преданием фрагменты из произведений, написанных авторами официальной Церкви.

Использование произведений идейных противников и оппонентов в эсхатологических построениях станет традиционным в поморском согласии. Например, в сочинении «Щит веры», написанном в конце XVIII в., автор, процитировав фрагмент из произведения Стефана Яворского, представил его так: «Сия же словеса апокалипсическая согласне древним и от новых Стефан Рязанский, взем от древних, протолкуя, о положении печати Христовой на челе и на всех удех сице глаголет...»³². Здесь автор «Щита веры» повторил аргумент из введения к сочинению «О антихристе. 18 разделов», заменив «согласне святым» на «согласне древним», и уточнил, что не только «согласне», но и «взем от древних, протолкуя...». В другом месте он воспроизвел фрагмент из сочинения «Камень веры» [Стефан, 1728] и объяснил это следующим образом: «Сиче рече Стефан, и не хотя, наше возпроповеда»³³.

Возможно, важной причиной, по которой старообрядцам пришлось обосновывать свое право использовать высказывания «врагов» в дискуссии, было обращение первого поколения противников церковной реформы к творческому наследию Литовской митрополии, которое в конце XVII в. было осуждено Русской церковью из-за многих уклонений от «истинного» православного учения. В начале XVIII в. при оформлении идеологии согласий со ссылкой на Священное Писание была высказана мысль о том, что аргументы, сформулированные «врагами», являются наиболее объективными и надежными. Постепенно получил объяснение и принцип отбора подобных «свидетельств», например, «согласно святым, древним пишуще» или – «враги праведно что глаголют или пророчествуют». При этом подчеркивалось, что они делали это «невольню» и «нехотя».

Всякий раз речь шла, чаще всего, о вырванном из контекста сочинения фрагменте, который интерпретировался в нужном для старообрядцев ключе. Цитата из сочинения оппонента превращалась в аргумент, поддерживающий точку зрения старообрядцев по дискуссионному вопросу. Разумеется, подобное свидетельство трактовалось в качестве объективного мнения, высказанного невольно. Обязательно подчеркивалась его достоверность на том основании, что сформулировано идейным противником. В XVIII в. было подведено теоретическое обо-

²⁹ РГБ. Музейное собр. № 9952. Л. 11.

³⁰ Там же. Л. 11–12.

³¹ Там же. Л. 12.

³² Там же. Л. 557.

³³ БАН. Собр. Каликина. № 32. Л. 557 об.

снование для такого отношения к фрагментам из сочинений оппонентов, что позволило старообрядцам не только включать в сборники для опровержения, но и использовать их в авторских сочинениях в качестве авторитетных аргументов.

Список литературы

Бубнов Н. Ю. «Деяния церковные и гражданские» Цезаря Барония в русской публицистике 3-й четверти XVII в. // Бубнов Н. Ю. Книжная культура старообрядцев: Статьи разных лет. СПб., 2007. С. 53–63.

Вознесенский А. В. К истории славянской печатной Псалтири. Московская традиция XVI–XVII веков. Простая Псалтырь. М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. 680 с.

Гурьянова Н. С. Рукописные сборники и оформление идеологии старообрядческого движения. Новосибирск: Изд-во «Апостроф», 2017. 230 с.

Журова Л. И. «Сказание о крестном знамении» Максима Грека (литературная и рукописная история, особенности адаптации памятника в новых культурных условиях // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 3–33.

Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII вв. М.: Изд. Гос. Ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1958. 152 с.

Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 149–212.

Никифорова М. Е. Бароний // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. IV. С. 347–348.

Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам. (К истории северно-русской литературы XVII в.). СПб.: ОЛДП, 1916. 233 с.

Сапожникова О. С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб.: Изд-во «Альянс-Архео», 2010. 560 с.

Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33: Древнерусские литературные памятники. С. 80–87.

Шашков А. Т. «Обличение на Соловецкую челобитную» Юрия Крижанича и споры XVII в. вокруг наследия Максима Грека // Шашков А. Т. Избр. труды. Екатеринбург, 2013. С. 57–66.

Список источников

Стефан (Яворский). Знамения пришествия антихристова. М.: Печатный двор, нояб. 1703. 167 л.

Стефан (Яворский). Камень веры. М.: Синод. тип., окт. 1728. 574 л.

Увет духовный. М.: Печатный двор, сент. 1682. 272 л.

N. S. Guryanova

*Institute of History SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

gurian@academ.org

OLD BELIEVERS' USE OF THE OPPONENTS' ESSAYS

The article presents the results of an analysis of collections and works written by the Old Believers in the 17th – 18th centuries, in order to find out how they used fragments from the works of their ideological opponents. Attention is drawn to the fact that the first generation of defenders of the Old Believers has used quotations from works written in defense of the church reform in order to refute the argument justifying the changes introduced into the rite and the liturgical practice of the Russian Orthodox Church. This method, inherited from Ancient Russia became traditional for the Old Believers. Gradually they began to use parts from the writings of official church representatives to substantiate their point of view on controversial issues. Analysis of the collection of preparatory materials for the «Dyakon Answers» gave an opportunity to understand how the theoretical basis for such an attitude to fragments from opponents' materials appeared. An analysis of the relevant texts of the collection made it possible to show that a fragment was usually taken out of context and interpreted according to the goals of the Old Believers. As a result, quotes from the works of opponents turned into arguments supporting the Old Believers' point of view in discussions. The texts were quoted «word-for-word», without context but with the appropriate interpretation. «Evidence» was selected in accordance with special principles, for example, «according to the ancient Saints» or «enemies are correct in saying». It was stressed that the enemies were doing it «involuntarily» and «unwillingly». All this allowed the Old Believers to use fragments from anti-Old Believer works in authors writings and collections as authoritative arguments to confirm their interpretation of the church reform initiated by Patriarch Nikon.

Keywords: Russian Orthodox Church, church reform, Schism, Old Belief, manuscripts, works, eschatology.

References

- Bubnov N. Yu. «Deyaniya tserkovnye i grazhdanskie» Tsezarya Baroniya v russkoi publitsistike 3-i chetverti XVII v. [Caesar Baronius' "Ecclesiastical Annals" in Russian Publicism of the 3rd Quarter of 17th Century]. Bubnov N. Yu. *Knizhnaya kul'tura starobryadtsev: Stat'i raznykh let* [Old Believers' Book Culture: Articles of Different Years]. St. Petersburg, 2007, p. 53–63. (in Russ.)
- Guryanova N. S. *Rukopisnye sborniki i oformlenie ideologii starobryadcheskogo dvizheniya* [Manuscript Collections and Formalization of the Old Believers Movement's Ideology]. Novosibirsk, «Apostrof» Publ., 2017, 230 p. (in Russ.)
- Kudryavtsev I. M. Sbornik XVII v. s podpisami Avvakuma i drugikh pustozerskikh uznikov [17th Century Collection with Signatures of Avvakum and Other Pustozersk Prisoners]. *Zapiski otdela rukopisei GBL* [Proceedings of the State Lenin Library's Department of Manuscripts], Moscow, 1972, iss. 33. p. 149–212. (in Russ.)

Nikiforova M. E. Baronii [Baronius]. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2002, vol. IV, p. 347–348. (in Russ.)

Nikolsky N. K. *Sochineniya solovetskogo inoka Gerasima Firsova po neizdannym tekstam. (K istorii severno-russkoi literatury XVII veka)* [Works of Solovets Monk Gerasim Firsov According to Unpublished Texts. (To the History of 17th Century North-Russian Literature)]. St. Petersburg, OLDP, 1916, 233 p. (in Russ.)

Sapozhnikova O. S. *Russkii knizhnik XVII v. Sergii Shelonin. Redaktorskaya deyatel'nost'* [Russian 17th Century Scribe Sergius Shelonin. Editor's Activity]. Moscow, St. Petersburg, «Al'yans-Arkheo» Publ., 2010, 560 p. (in Russ.)

Shashkov A. T. Maksim Grek i ideologicheskaya bor'ba v Rossii vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v. (Poddelka i ee razoblachenie) [Maximus the Greek and Ideological Struggle in Russia in the 2nd Half of the 17th – Beginning of the 18th Century. (Falsification and Its' Disclosure)]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, 1979, vol. 33. Drevnerusskie literaturnye pamyatniki [Monuments of Old Russian Literature], p. 80–87. (in Russ.)

Shashkov A. T. «Oblichenie na Solovetskuyu chelobitnuyu» Yuriya Krizhanicha i spory XVII veka vokrug naslediya Maksima Greka [Juraj Krizanic's "Exposure of Solovets Petition" and 17th Century Disputes on the Heritage of Maximus the Greek]. Shashkov A. T. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Yekaterinburg, 2013, p. 57–66. (in Russ.)

Voznesensky A. V. *K istorii slavyanskoi pechatnoi Psaltiri. Moskovskaya traditsiya XVI–XVII vekov. Prostaya Psaltir'* [To the History of Slavic Printed Psalter. Moscow Tradition of the 16th – 17th Centuries. Elementary Psalter]. Moscow, St. Petersburg, «Al'yans-Arkheo» Publ., 2010, 680 p. (in Russ.)

Zernova A. S. *Knigi kirillovskoi pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh* [Cyrillic-Print Books, Published in Moscow in the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo Gosudarstvennoi Ordena Lenina biblioteki SSSR imeni V. I. Lenina, 1958, 152 p. (in Russ.)

Zhurava L. I. «Skazanie o krestnom znamenii» Maksima Greka (literaturnaya i rukopisnaya istoriya, osobennosti adaptatsii pamyatnika v novykh kul'turnykh usloviyakh) [Maximus the Greek "The Legend of the Sign of the Cross" (Literature and Manuscript History, Features of the Monument's Adaptation in New Cultural Conditions)]. *Pamyatniki otechestvennoi knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii* [Monuments of the National Book Culture: New Texts, New Interpretations]. Novosibirsk, 2007, p. 3–33. (in Russ.)

Sources

Stefan (Yavorsky). *Kamen' very* [Stone of Faith]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya, Oct. 1728, 574 p. (in Russ.)

Stefan (Yavorsky). *Znameniya prishestviya antikhristova* [Signs of the Coming of Antichrist]. Moscow, Pechatnyi dvor, Nov. 1703, 167 p. (in Russ.)

Uvet dukhovnyi [Spiritual Admonition]. Moscow, Pechatnyi dvor, Sept. 1682, 272 p. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Гурьянова Наталья Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Guryanova Natalya Sergeevna – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Sector of Archaeography and Source Study, Institute of History of the SB RAS, Professor, Department of Russian History, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University

Для цитирования / For citation

Гурьянова Н. С. Об использовании старообрядцами сочинений оппонентов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 38–48.

Guryanova N. S. Old Believers' Use of Opponents' Written Folklore. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 38–48. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-38-48

УДК 94(47).072/073+339.1-054.6

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-49-64

M. Shiotani

*Tohoku University
2 Chome-1-1 Katahira, Aoba-ku, Sendai, 980-8577, Japan*

shiotani@cneas.tohoku.ac.jp

**THE EXPORT OF RUSSIAN COTTON FABRICS
AND THE COMMERCIAL NETWORK OF ASIAN MERCHANTS
IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY. PART 1**

This paper explores the development of the Russian cotton industry and export of its cotton fabrics in the first half of the 19th century. At a time when religion and ethnicity were a key basis for people, communication naturally proceeded between groups which shared religion and ethnicity and so Asian merchants assumed the trade between Russia and Asia between the 18th – 19th centuries. This was a commercial base for Asian merchants, operating businesses across borders. As Russia increased its trade with Asian regions, it used the commercial network of Asian merchants in neighboring countries. After power sources in Russia's cotton industry shifted from natural energy and animal power to fossil fuels, faster transportation was realized on a larger scale. This trend of transformation radically changed Russia's trade with Asia and heavily influenced the commercial network of Asian merchants.

Keywords: Russia, 19th century, cotton industry, Asian merchants, commercial network.

During the process of studying the development of Russia's cotton industry and its export of cotton fabrics in the first half of the 19th century, it was made clear that early industrialization was carried out under the serf system, and that the quantity of products in the cotton industry rapidly increased during this time. As a result of the industry's development, Russian cotton fabrics were not only supplied to domestic markets, but also to Asian markets including Persia, Central Asia and China. When Russian cotton fabrics were exported to Asian markets, they were always transported through the Nizhny Novgorod Fair – Russia's largest trade fair in those days. In previous Russian economic studies, researchers paid little attention to how Russian cotton fabrics were transported through Russia, and what kinds of merchants transported them to foreign markets and through which routes. Some local Russian historians have partially referred to the trade history between Russia and Asia, but the topic of Russian border trade still hasn't been studied specifically.

Recently, the necessity for the topic of «Global History» has been advocated in economic history studies. Traditionally historians and their research units would focus on domestic history, which meant a lack of historical studies about activities over country borders. At present, globalization of economies moves and develops at such high speeds that the international historical view point tends to cross borders. Even today in Russian economic history, most researchers are dedicated to studying national history, while few make their mark in cross border studies. However, according to results of various conferences and symposia about this field published in Japan, cross border historical studies may be developed in future. The issue of what kinds of merchants exported Russian cotton

fabrics through which trade routes is closely connected to the subject of «cross border history». This in turn has created a new research field in economic history studies.

While there have been very few research studies about «cross border history» within the field of Russian economic history studies, materials from existing studies, often overlooked by researchers contain enough information for this particular field of research. This article will mainly focus on the «Commercial Newspaper» as a key resource which was edited and published in the first half of the 19th century by the department of foreign trade in the Russian Ministry of Finance. The «Commercial Newspaper» was an efficient and fast way to communicate not only domestic economic information, but also information about foreign markets. As a result, this newspaper offers concrete information about trade between Russia and Asia during that specific time period. However, information about the export of Russian cotton fabrics to China may not be enough. Therefore, this article will also refer to the reports and articles of the «Ministry of Internal Affairs» and «Industry and Trade» magazines about Russian exports to China. These two magazines were published by the Russian government in the first half of the 19th century, and their information trustworthiness was considered to be very high.

It is also important to note the concept of a «nation» when we consider the trade history between Russia and Asia. Throughout the ages, Russia has been a state with many races with over 100 nationalities. However, when cotton fabrics were exported from Russia to Asian markets in the first half of the 19th century, not all nationalities were equally engaged in the export. It was ethnic merchants including Armenian, Bukharan and Siberian merchants who controlled the distribution route between Russia and Asia. This viewpoint that it was in fact ethnic merchants who carried out the export of Russian cotton fabrics to Asian markets is important in this article. It is also important to note that these merchants were not always of Russian descent; some were of foreign nationality. This form of distribution did not originate in the 19th century – this commercial network took centuries to establish. Based on information of the «Commercial Newspaper», the history and structure which the Russian Empire shared with Asian regions will be explained further in this article.

Before examining the commercial network between Russia and Asia, it is important to briefly summarize some previous research about the subject in order to understand the importance of the commercial network in Russian trade. As it is widely known, cotton can only be cultivated under certain climate conditions [Shoji, 1938. P. 2]. Up until the first half of the 19th century, Russia did not have fields with the necessary climate conditions to cultivate cotton. Therefore, neighboring regions of Persia and Central Asia were hopeful lands to undertake such an activity. Russia was first introduced to cotton fabrics produced in Persia and Central Asia in the 16th century [Brokgauz, Efron, 1991. P. 285]. Europe had been importing cotton yarn from Central Asia and weaving cotton fabrics since the 17th century, however at this time Russia was still yet to reach the stage of importing, spinning and weaving cotton. In the 18th century, cotton fabrics were exported to Russia from China and were consumed mainly in Siberia.

In the late 18th century, English yarn was imported to Russia. Once Russia started to weave their own cotton fabrics using English yarn, it marked the beginning of the modern cotton industry [Yatsunsky, 1959. P. 127]. In the first half of the 19th century, the first Russian cotton mill was established in St. Petersburg. The mill was so successful that others went on to be established not only in St. Petersburg, but also in Moscow and Vladimir [Ibid. P. 176]. Until the early 1840s, the export of English spinning machinery was prohibited, and therefore Russia imported most of its spinning machinery from France and Belgium. Although Russia imported American cotton through England which increased its cotton yarn production, Russia still continued to import cotton yarn from England. After Russia's import of American cotton and production of cotton yarn increased in the first half of the 19th century, the quantity of domestic cotton yarn production surpassed the quantity of English cotton yarn imports in the early 1840s (Table 1, Fig. 1). After this, the proportion of domestic cotton yarn used within the country's cotton yarn production gradually increased.

Table 1

Imports of raw cotton and cotton yarn and the amount of Russian cotton production (1800–1860) (thousand pood)

Years	Imports of raw cotton	Russian production of cotton yarn	Imports of cotton yarn
1801–1805	11	7	60
1806–1810	41	26	58
1811–1815	106	81	129
1816–1820	58	44	191
1821–1825	70	58	236
1826–1830	103	88	432
1831–1835	149	130	560
1836–1840	320	281	589
1841–1845	527	461	590
1846–1850	1 115	976	351
1851–1855	1 669	1 460	118
1856–1860	2 622	2 294	217

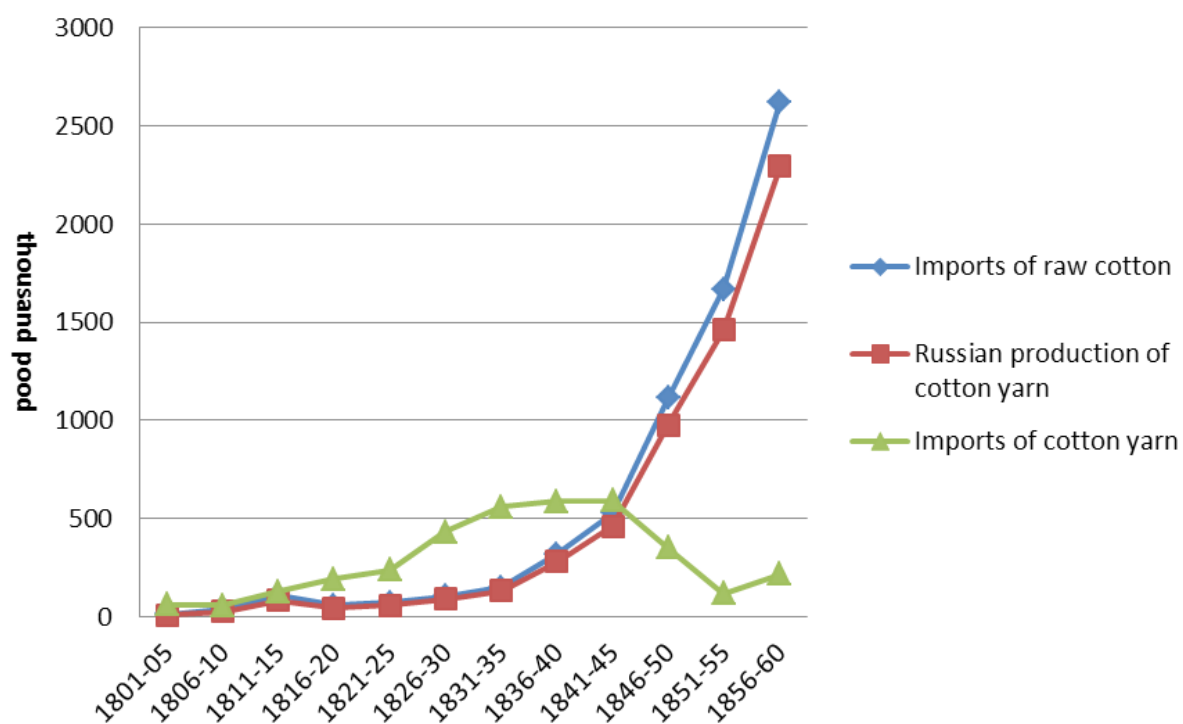

Fig. 1. Imports of raw cotton and cotton yarn and the amount of Russian cotton production (1800–1860).

Based on: [Arima, 1973. P. 174, 175; Yatsunsky, 1959]

As the cultivation of hemp and flax was always possible under Russia's climate conditions, its textiles had long been utilized as cheap materials. However due to the establishment of cotton mills and the introduction of steam engines, mass production of cotton yarn was quickly realized. As a direct result, the price of cotton yarn decreased and cotton fabrics became much cheaper products, in direct competition with the previously affordable hemp and flax textiles. In particular, entrepreneurs in Moscow and Vladimir endeavored to produce cotton fabrics suitable for peasants, supplying them through fairs to the mass market [Arima, 1973. P. 174, 175]. At the time, the modern distribution network was virtually nonexistent, therefore traders undertook the selling of cotton fabrics from producers, traveling alongside city and country fairs, distributing the fabrics to consumers. The scale and frequency of the fairs would vary, however Russia's biggest domestic fair – the Nizhny Novgorod Fair operated annually for a month from June to July [Bogoroditskaya, 1989]. When cotton fabrics were dispatched to foreign or distant markets, they always went through the Nizhny Novgorod Fair.

The Nizhny Novgorod Fair played the function of the main hub within the domestic fairs network. The goods traded at the Fair were distributed through several fairs to distant markets [Mironov, 1981]. The Fair not only integrated the domestic markets, but also undertook the role of an intermediary between the Asian and Russian markets. Therefore, various Russian and Asian goods accumulated in this Fair. As a testament to the Fair's scope and influence, a special mention should be made about the Nizhny Novgorod Fair's historical trade data which reports that the amount of cotton fabrics trade increased by 200% over a 30 year period from 1831 to 1860 (Table 2, Fig. 2).

Table 2

The transactions of Russian commodities in the Nizhny Novgorod Fair
(1828–1860) (thousand ruble)

Years	Cotton fabrics	Woolen goods	Metals	Fur and leather
1831	28 001	6 020	22 091	8 489
1832	16 300	10 250	17 000	14 200
1833	32 282	11 460	17 162	13 607
1834	30 367	9 262	17 538	12 634
1835	29 000	8 000	12 290	10 400
1836	30 857	10 874	12 000	10 454
1837	27 743	11 009	21 128	9 720
1838	30 000	11 200	22 000	8 700
1839	28 544	12 725	22 390	9 389
1840	25 961	9 756	15 290	10 394
1841	25 678	12 069	26 601	10 639
1842	26 356	11 604	26 924	10 411
1843	26 431	11 434	22 849	10 293
1844	26 791	18 437	29 697	10 519
1845	30 116	18 994	29 161	13 348
1846	34 615	18 769	28 264	13 860
1847	34 319	16 090	28 399	14 201
1848	30 280	14 254	28 665	13 778
1849	30 646	15 532	21 237	17 321
1850	26 067	14 247	30 215	21 309
1851	29 943	14 316	37 939	22 631

<i>Continuation of Table 2</i>				
Years	Cotton fabrics	Woolen goods	Metals	Fur and leather
1852	33 763	14 943	40 208	23 577
1853	28 662	12 181	34 597	22 964
1854	24 587	13 845	34 029	19 989
1855	27 803	16 542	31 714	20 211
1856	20 747	13 602	36 443	22 385
1857	32 665	20 277	42 174	24 049
1858	45 638	23 151	42 752	29 607
1859	53 203	27 356	51 457	27 285
1860	60 206	27 591	51 126	30 091

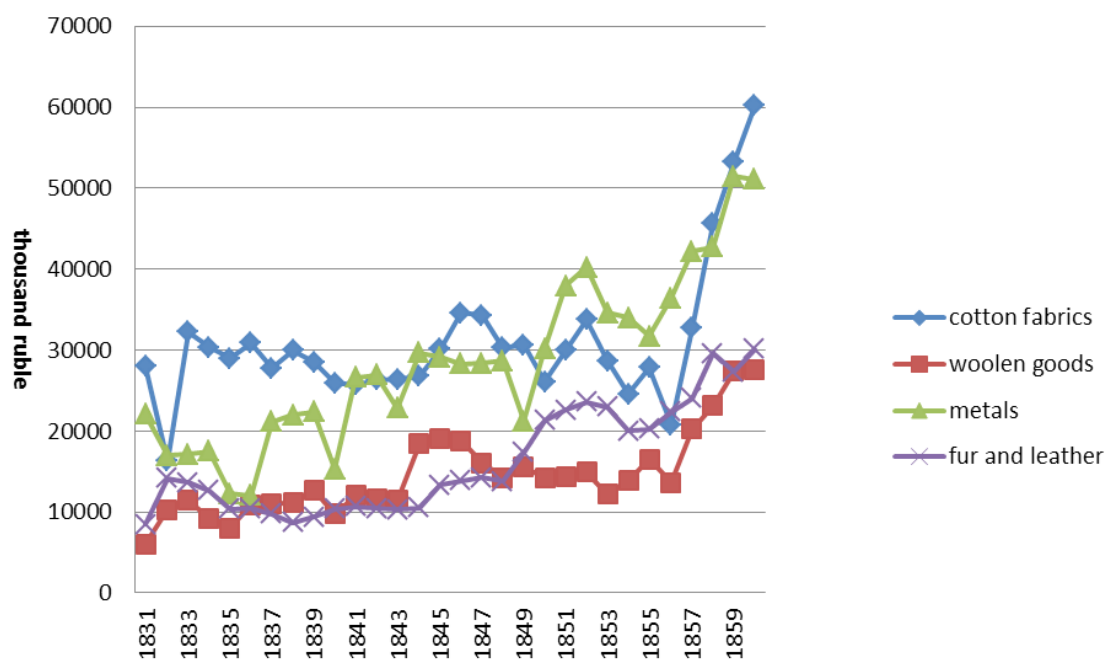

Fig. 2. The transactions of Russian commodities in the Nizhny Novgorod Fair (1828–1860).
Based on: (Kommercheskaya gazeta. 1831–1860; Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del. 1831–1861)

In the beginning of the 19th century, Russian products made of leather and fur were the most sought-after Russian goods traded in the Nizhny Novgorod Fair. As the cotton industry developed in Russia, the proportion of cotton fabrics in relation to other goods in Nizhny Novgorod gradually increased. After the 1830s, cotton fabrics became representative goods in the Fair. Cotton fabrics were not uniform goods, but were divided into several kinds. The trade amount of printed cotton, calico and scarves was high among cotton fabrics in those days (Table 3, Fig. 3). As the printed cotton and scarves were colorful products, these were usually used for women's clothing.

Table 3

The transactions of Russian cotton fabrics
in the Nizhny Novgorod Fair (1831–1860) (thousand ruble)

Years	Printed cotton (ситец)	Calico (миткаль)	Scarf (платок)	Velvet (плис)	Canvas (холстинка)
1831	20 400	1 237	1 846	–	1 569
1832	7 700	1 650	–	850	820
1833	7 600	1 681	10 105	–	750
1834	–	–	–	–	–
1835	–	–	–	–	–
1836	9 100	1 610	9 124	1 108	675
1837	7 959	1 425	7 977	1 202	613
1838	14 988	1 459	3 664	1 383	624
1839	14 551	1 381	3 514	1 333	530
1840	13 051	1 667	4 324	1 149	364
1841	13 493	1 473	4 460	1 171	402
1842	–	–	–	–	–
1843	11 844	712	3 026	1 346	2 136
1844	11 089	1 432	4 012	2 466	1 671
1845	11 661	1 366	4 791	2 447	1 847
1846	12 894	1 729	5 290	2 380	2 025
1847	13 318	1 640	5 335	2 283	1 470
1848	10 524	1 512	5 666	2 799	1 673
1849	11 142	2 125	6 384	1 971	879
1850	8 260	2 024	6 099	1 344	980
1851	8 960	2 610	6 830	2 118	1 035
1852	9 975	3 741	7 069	2 048	971
1853	9 030	3 460	6 888	1 085	945
1854	7 595	2 888	5 744	1 487	755
1855	7 000	2 825	4 725	438	749
1856	5 698	3 945	3 630	915	1 237
1857	10 136	7 007	4 854	1 568	1 645
1858	13 037	8 659	6 342	1 981	2 171
1859	14 672	9 282	6 461	2 331	2 362
1860	15 750	10 518	7 105	2 845	2 887

From the late 1820s, Russia's export of cotton fabrics to Asian markets including Persia, Central Asia and China began through this Nizhny Novgorod Fair. Armenian merchants exported cotton fabrics to the Persian markets, Bukharan merchants – to the markets of Central Asia and Siberian and Shanxi merchants to the Chinese markets. While the export of Russian cotton fabrics to Persia showed the largest amount of trade among the country's Asian trades in the beginning of the 1830s, the export of Russian cotton fabrics to China grew after the 1830s (Table 4, Fig. 4). While the export of Russian cotton fabrics to Central Asia increased in the 1850s, their export to Persia stagnated. Russian trade statistics made clear the amount of cotton fabrics export for each Asian market, but there was no research regarding which trade routes were used in the export process. The next section will trace each Asian market trade route and examine the history of the routes' formation.

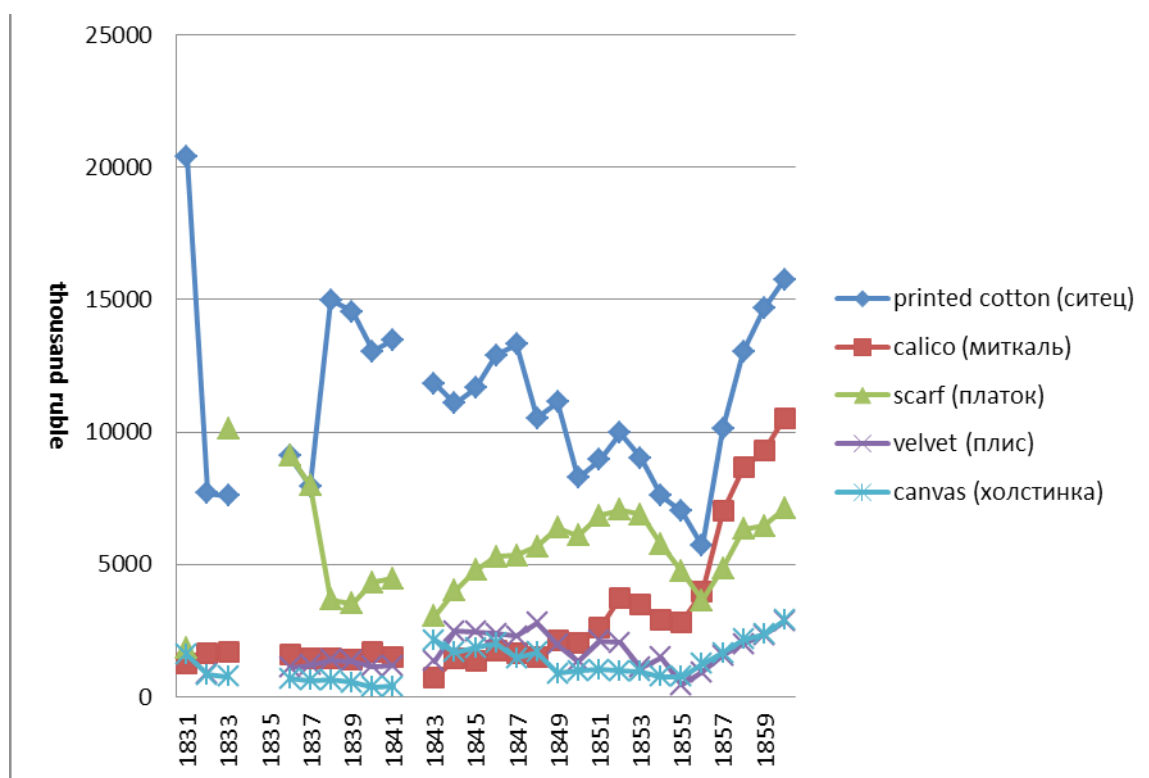

Fig. 3. The transactions of Russian cotton fabrics in the Nizhny Novgorod Fair (1831–1860).
Based on: (Kommercheskaya gazeta. 1831–1860; Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del. 1831–1861)

Table 4

Russian exports of cotton fabrics to Asia (1831–1860) (thousand ruble)

Years	Central Asia	China	Persia
1831	1 938	242	2 661
1832	2 418	245	1 466
1833	2 828	272	1 139
1834	3 056	450	554
1835	2 660	944	738
1836	3 445	996	814
1837	2 591	979	1 087
1838	1 961	697	595
1839	2 120	1 005	409
1840	3 322	1 190	410
1841	3 567	3 777	144
1842	3 122	3 672	88
1843	2 986	3 500	165
1844	3 560	3 955	56
1845	2 744	4 127	77
1846	3 087	5 565	84
1847	3 213	4 452	49
1848	3 122	3 483	39

1849	3 980	4 221	53
1850	4 534	5 534	53
1851	4 267	4 592	39
1852	3 777	6 293	60
1853	4 568	3 833	35
1854	4 291	6 188	32
1855	4 046	4 767	46
1856	4 526	3 017	67
1857	6 650	4 879	39
1858	7 833	3 934	123
1859	9 657	3 780	84
1860	9 335	4 204	49

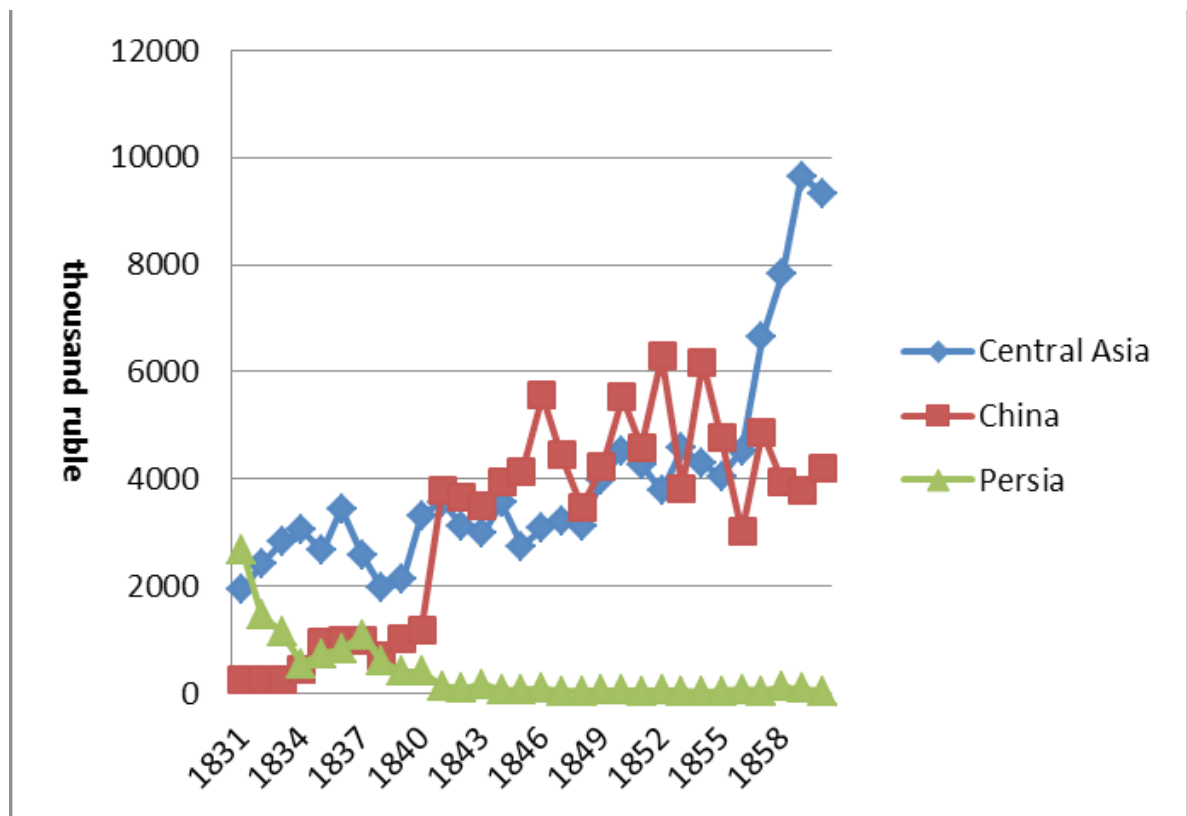

Fig. 4. Russian exports of cotton fabrics to Asia (1831–1860).

Based on: [Gosudarstvennaya vneshnyaya trgovlya v raznykh ee vidakh, za 1831–1860 gg., 1832–1861]

When Russian cotton fabrics were exported to Persia in the 19th century, Armenian merchants undertook the role of intermediaries as they had been in other areas of trade between the two countries since the 16th century. Armenian merchants engaged not only in the trade between Russia and Persia, but also controlled the commercial network in the sphere of Persian commerce. Before going any further, it is important to first explain the history of how Armenian merchants were involved in the trade with Russia.

Armenian merchants had been engaged in trade in the sphere of Persian commerce for a long time. Since the 16th century, Armenian merchants kept distant trade in the city of Jolfer near the Alas River between Azerbaijan and Georgia [Gamo, 1957. P. 170]. In those days, 12,000 Armenian people lived in Jolfer and the city prospered as the biggest commercial center in Persia. During the

Safavid dynasty, Persia first declared Tabriz as the capital. However, as the city was considered to be strategically badly positioned in relation to the political effect of the Osman Empire, Abbas I transferred the capital from Tabriz to Kazvin. He then went on to transfer the capital again, this time from Kazvin to Isfahan in 1598 [Ibid. P. 156]. In 1604, he built the New Julfā – the settlement for Armenian people near Isfahan. When Armenian people settled in New Julfā, Abbas I then transferred the commercial base of the Persian Empire to New Julfā [The Armenians, 1998. P. 3]. At that time, the commercial sphere of Armenian merchants spread from the Caspian Sea through Holasan to Central Asia. They formulated their ethnic communities around Armenian churches outside Persia and connected distant cities through the intermediary network of churches. These conditions brought on the prosperity of Persian trade with foreign countries [Payaslian, 2007. P. 107].

Trade between Russia and Persia began in the 16th century. Since this period, Russia strategically used Persian-Armenian merchants as intermediaries of trade with Persia. In fact, Ivan IV gave Armenian merchants the right to act freely on Russian territory and declared various special treatment for them. Armenian merchants therefore undertook the serious responsibility of conducting trade between Russia and Persia [The Armenians, 1998. P. 37]. Aleksei Mikhailovich also followed Russia's previous policy [Burton, 1997. P. 292] and admitted not only special trade treatments between Russia and Persia to Persian merchants, but also the establishment of Armenian churches in Russia in 1667. Armenian merchants gradually occupied the dominant position among other merchants operating in Russia. At the time, Persian silk was the most important goods which Armenian merchants were trading and it was in high demand not only in Russia, but also in Northern Europe. However, in the 17th century, the trade route between Northern Europe and Asia had not yet been established. It was only after Sweden had concluded a trade treaty with Armenian merchants when it was able to import Persian silk thorough Russia [The Armenians, 1998. P. 44].

When Afghan occupied Persia's capital Isfahan in 1722, Safavid Persia came to an end. The Qajar dynasty appeared straight after in 1796, which governed Persia for the next 150 years. As internal political disturbances frequently happened during the period of this dynasty, many Armenian merchants emigrated from Persia to neighboring countries including Georgia, Russia and the Caucasus, in order to flee from the difficult situations surrounding Persia [Payaslian, 2007. P. 109].

Georgia was annexed by Russia after the sovereignty of Georgia was completely entrusted to Russia in 1801 [Nishi Asia shi, 1987. P. 293]. While Russia wanted to expand its territory, Persia wanted to keep its previous territory. As tensions between Russia and Persia heightened, two wars ensued in the first half of the 19th century [Nishi Asia shi, 2002. P. 339]. After the first war (1804–1813) ended, The Treaty of Gulistan was concluded between Russia and Persia. Persia ceded part of its territory to Russia, including Baku, and admitted Russian sovereignty to Georgia and Dagestan. After the second war (1826–1828), the Treaty of Turkmenchay was concluded between Russia and Persia in 1828 where the two sides drew a border line between the Caucasus and Alas River. Based on the treaty, the one region where Armenian people previously lived together, was divided into the Russian Caucasus and Persian Azerbaijan region [Nishi Asia shi, 1987. P. 293].

This new border did not end the social connection of the Armenian people. The commercial network of Armenian merchants functioned as before across borders, and continued to promote trade between Russia and Persia [The Armenians, 1998. P. 58]. When Russia annexed the Northern Caucasus region, it accepted 45,000 Armenian people from Persia and established an Armenian settlement [Ibid. P. 61]. Though the effect of the Persian and Osman Empire greatly influenced the Caucasus region, Russia influenced this region much more after 1828 [Payaslian, 2007. P. 112]. In 1844, the settlement for Armenian people in Russia moved to Tiflis; present capital Tbilisi of Georgia. The city of Tiflis was the base of Russian-Armenian people and played an important role for trade between Russia and Persia in the 19th century.

When trade between Russia and Persia was being carried out in the 19th century, Tiflis was the base of domestic distribution in Russia [Panossian, 2006. P. 86], and Tabriz was the base of domestic distribution in Persia (Kommercheskaya gazeta. 1841. Mar. 27. No. 37. P. 146). In those days, Tabriz was an international trade city. Not only Russian goods, but also foreign goods from the Osman Empire and Europe accumulated in this city. Russian-Armenian merchants who lived in Tiflis often

visited Tabriz, promoting the trade between Russia and Persia. Prior to the railroad being built in this region, the main means of transportation were camels and mules [Papazian, 1979. P. 16]. Armenian merchants utilized the two kinds of animals and organized caravans to transport commodities between Persia and Russia (Fig. 5). At that time, the trade route from Moscow to Tiflis, including river transportation took 60–90 days, and the route from Tiflis to Tabriz by caravans would take a further 16–20 days (Kommercheskaya gazeta. 1841. Mar. 27. No. 37. P. 146). As a result, the entire period of transportation of commodities from Moscow to Tabriz was about four months.

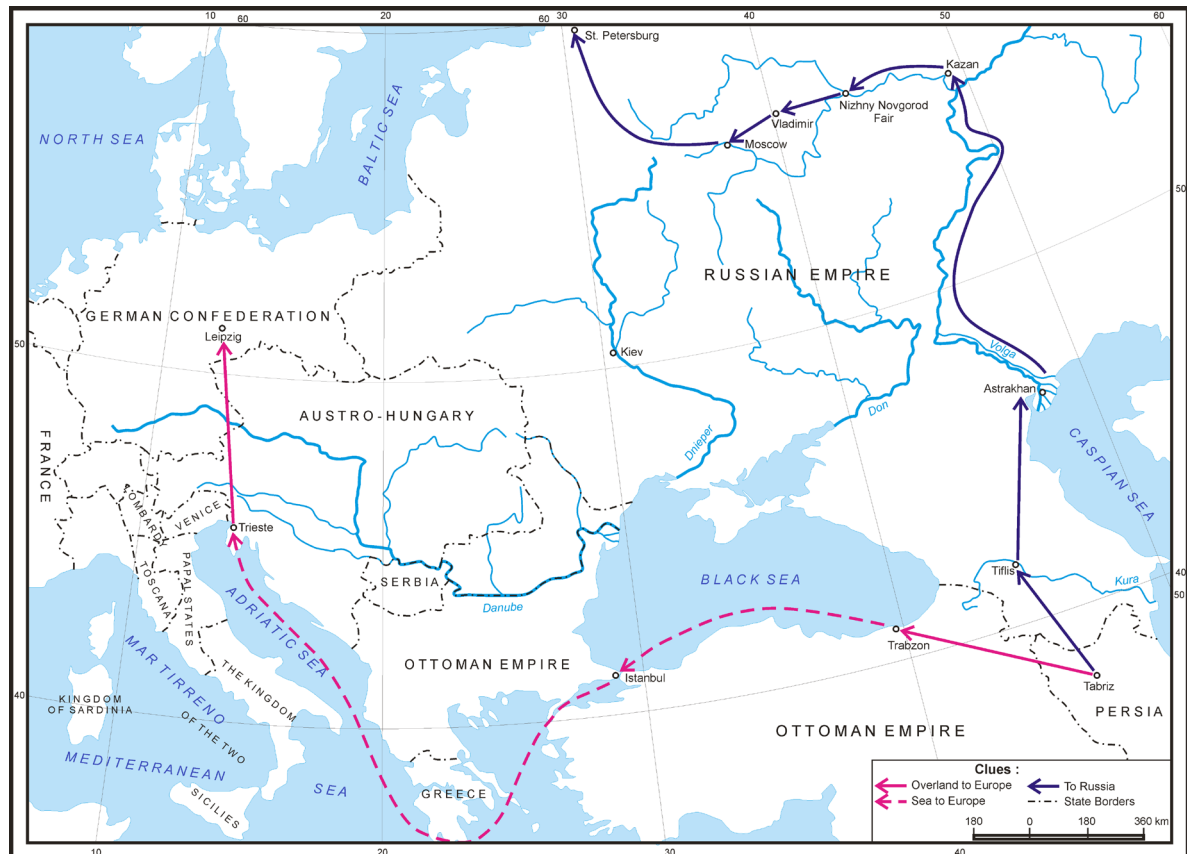

Fig. 5. The trade route of Armenian merchants.

The map created by Anastasiya L. Nesterkina (Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS), based on the author's data

The Nizhny Novgorod Fair in Russia played an important role in the trade between Russia and Persia. The Fair was an intermediary base of trade commodities, transacted between Russia and Asia [Shiotani, 2009]. The goods exported from Russia to Persia and those imported from Persia to Russia usually went through the Nizhny Novgorod Fair to consumers. In the summer months when trade was carried out, Armenian merchants visited the Nizhny Novgorod Fair to purchase goods from Russia and Central Asia in order to export them to Tabriz. In the 1820s, usual commodities, which were exported from Russia to Persia, were cotton fabrics. Some Armenian merchants who looked for Russian printed cotton samples would visit the Nizhny Novgorod Fair, purchase the same kinds of Russian printed cotton at a cheaper price, and then export them from the Fair to Tabriz going on to receive large profits (Kommercheskaya gazeta. 1834. May 17. No. 59. P. 230). This shows one example of close relations between the Nizhny Novgorod Fair and Russian–Persian trade.

Russia had been engaged in transit trade between Europe and Persia for a long time. It took on a preferential policy for European commodities from the viewpoint of tariffs and promoted transit trade [Russko-iranskaya trgovlya, 1984. P. 8]. Russian–Armenian merchants also visited the Leipzig

Fair every year and bought European goods including European cotton fabrics, and exported them through the Osman Empire to Tabriz. During such trades, European goods traveled via land route from Leipzig to Trieste, then by sea from Trieste through Istanbul to Trabzon, and then on land again from Trabzon to Tabriz (*Kommercheskaya gazeta*. 1834. Mar. 29. No. 38. P. 150). Armenian merchants exported European cotton fabrics from Leipzig to Tabriz by utilizing this route in 1823 (*Ibid.* 1830. Dec. 20. No. 102. P. 677).

In the late 1820s, printed cotton exported from Russia to Persia was mainly produced in Moscow and Vladimir (*Ibid.* 1825. Aug. 12. No. 64. P. 4). It was considered to be of acceptable quality by consumers in Tabriz, selling well as a result. However, after Persian merchants began to export European printed cotton from Istanbul to Tabriz, the market share of European products increased and overtook those of Russia in the Persian markets (*Ibid.* 1834. Mar. 29. No. 38. P. 150). The European printed cotton designs were somewhat irregular, but vividly printed. Therefore, the consumers in Tabriz, who liked the vivid colors, preferred the European design to those of the Russian goods. Russian and European printed cotton was mainly used as the lining material for women's clothes (*Ibid.* 1840. Apr. 2. No. 40. P. 158).

European products dominated the Tabriz market in 1830, causing the sales of Russian products to become stagnant. The following year Russia imposed a 5% protective tariff on transit goods from Europe to Persia through Russia and raised the price of European commodities, as a way to protect Russian products being exported to Persia (*Ibid.* 1853. May 21. No. 58. P. 230). After the European countries opposed Russia's protective tariff and started to export through the Osman Empire to Tabriz in order to circumvent the Russian trade route, the amount of Russian transit trade subsequently decreased. As the export of European products to Tabriz was as active as before, the effect of the Russian protective tariff policy was negligible. As European products gradually expelled Russian products in the Persian market, the export of Russian printed cotton to Persia decreased. Russian–Armenian merchants continued to export European printed cotton to Persia, even though the export of Russian printed cotton had decreased.

It is important to note that merchants with Russian nationality did not always carry out their business in the interests of the Russian government. While Armenian merchants with Russian nationality exported printed cotton from Russia to Persia, they also exported European printed cotton from Leipzig to Persia at the same time (*Ibid.* 1841. Jul. 8. No. 81. P. 315). In the 1830s, European printed cotton competed with Russian printed cotton in the market of Tabriz. When European products tried to expel Russian products from the market, if Armenian merchants sympathized with the national interests of Russia, they would have supported the export of Russian products, and controlled the export of European products for Persia. However the Armenian merchants continued the export of European products to Persia for their own ethnic interests, to the detriment of Russia's national interests. Based on this fact, it can be concluded that ethnic merchants with Russian nationality attached greater importance to the interests of their ethnic group than to that of their national interests.

In the trade between Europe and Persia, European commodities were mainly exported from Leipzig to Tabriz, thorough Trabzon. This trade route went across land and partly sea. The late 1840s brought on the next wave of progress – the steamship. Steamships connected Manchester and Istanbul by sea route and made it possible to transport many commodities much quicker than before. As a result, the distribution route between Europe and Persia drastically changed (*Ibid.* 1847. Nov. 25. No. 139. P. 559). After many cheap English commodities were exported to Istanbul by steamship, they would then go on to be transported from Istanbul to the Tabriz market. It is interesting to note that it was Greek merchants with Russian nationality that seemed to largely engage in the trade between England and Istanbul. They exported English products to the Osman Empire and Persia as agencies of English companies [*Russko-iranskaya trgovlya*, 1984. P. 144]. As Armenian merchants with Russian nationality exported the European printed cotton from Europe to Persia, the Greek merchants with Russian nationality exported English printed cotton products from England to Persia, and European printed cotton competed with English products in the Tabriz market.

Although both Armenian and Greek merchants had Russian nationality, they chose not to cooperate because of their shared roots, and instead compete with each other. Greek merchants with Russian

nationality did not pay attention to Russian national interests, and strove to export English products to the Osman Empire and Persia as agencies of English companies. They promoted trade solely in the interests of their ethnic group. Such were the ethics of ethnic merchants in the Russian Empire. The competency of the transportation methods of European commodities exported on land routes from Europe to Persia was inferior to the transportation by steamship from the viewpoint of price and speed. As a result, European trade which Armenian merchants were engaged in became stagnant. Therefore, they chose to specialize in trade between Persia and Russia instead.

The introduction of steamships transferred the bulk of European trade from land to sea routes, however the Armenian merchants who were superior in the comparative land trade chose not to enter sea trade by steamship like the Greek merchants (*Kommercheskaya gazeta*. 1849. Jul. 19. No. 84. P. 334). Greek merchants also specialized in sea trade, based in Istanbul and Odessa, and hardly engaged in land trade between Russia and Persia [*Rusko-iranskaya trgovlya*, 1984. P. 143]. Although the export of Russian cotton fabrics to Persia decreased after the 1830s, trade between Russia and Persia itself did not decline, keeping up a certain level of trade. Up until the railroad between Moscow and the Caucasus region was built in the first half of the 20th century, the caravans of Armenian merchants supported the trade between Russia and Persia. Armenian merchants continued to keep their superiority in trade between both countries via land routes.

As examined in this article, Asian merchants assumed the trade between Russia and Asia between the 18th – 19th centuries. At the turn of the century, country territories also expanded and contracted on the Eurasian continent, and furthermore some countries which people belonged to also changed. Armenian and Bukharan merchants must have had strong allegiance to their ethnic groups rather than to their countries. This allegiance to their sense of belonging to ethnic groups became the key factor in promoting international commerce. As the concept of a «nation» was still not realized in Russia in the 19th century, Russian people did not share the concept of being a «Russian nation» [Mironov, 1999. P. 63]. Therefore, religion and ethnicity were the key basis for people, and communication proceeded between groups which shared religion and ethnicity. Such was the commercial base for Asian merchants. They easily operated businesses across country borders. As examined previously within trade between Russia and Persia, the interests of ethnic groups sometimes were opposed to that of government.

When Russia promoted trade with Asian regions, it used the commercial network in the neighboring sphere of commerce. Armenian merchants controlled the internal and external commercial network in the sphere of Persian commerce. Bukharan merchants controlled the network in the sphere of commerce in Central Asia. Every Asian merchant occupied a dominant position in Russia's neighboring spheres of commerce. It was no wonder that each Asian merchant played an important role in Russia's trade with Asia. Armenian merchants were familiar with the distribution and financial transactions within the sphere of Persian commerce. Historically the Persian shar (king) would utilize them, when promoting trade [Payaslian, 2007. P. 107]. Bukharan merchants controlled the central section of the Silk Road trade in Central Asia, and developed trade with not only Russia, but also Eurasian countries including China and India [Potanin, 1868. P. 3].

The 19th century in Russia was the period when human society departed from the conditions of depending on their natural environment. It would be true to say in other words that sources of power were shifted from natural energy such as power of wind and water, and animal power such as horse and camel, to fossil fuel such as coal. When dividing 19th century Russia into two periods, sources of power were shifted in the field of production from natural energy and animal power to fossil fuel in the first half of the 19th century. If we use the cotton industry as an example, after the steam engine was introduced in the field of production, including the process of printing, spinning and weaving in turn, the sources of power shifted from natural energy and animal power to fossil fuels, and mass production of cotton fabrics was realized. On the other side, a similar shift occurred in the field of distribution in the second half of the 19th century. That is to say that the steam engine used in railway and steamship transport was introduced in the field of distribution. After sources of power

were shifted from natural energy and animal power to fossil fuel, mass and speedy transportation was realized. It is not difficult to imagine that this trend of transformation radically changed Russian trade with Asia and greatly influenced the commercial network of Asian merchants.

References

- Arima T. *Roshia Kogyoshi Kenkyu [Russian Industrial Development]*. Tokyo, Tokyo Univ. Press, 1973, 335 p. (In Jap.)
- Bogoroditskaya N. A. *Nizhegorodskaya yarmarka – krupneishii tsentr vnutrennei i mezhdunarodnoi trgovli v pervoi polovine XIX v. [Nizhni Novgorod Fair – the Largest Center of Domestic and International Trade in the 1st Half of the 19th Century]*. Gorky, Gor'kovskii gosudarstvennyi universitet, 1989, 71 p. (In Russ.)
- Brokgauz F. A., Efron I. A. *Rossiya: entsiklopedicheskii slovar' [Russia: Encyclopedic Dictionary]*. Leningrad, Lenizdat Publ., 1991, 922 p. (In Russ.)
- Burton A. *The Bukharans: a Dynastic, Diplomatic and Commercial History, 1550–1702*. Richmond, Curzon, 1997, 664 p.
- Gamo R. *Iran Shi [History of Iran]*. Tokyo, Shudoshu, 1957, 301 p. (In Jap.)
- Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Imperial Period (18th – Early 20th Century)]*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1999, vol. 1, 548 p. (In Russ.)
- Mironov B. N. *Vnutrennii rynek Rossii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX v. [Domestic Market of Russia in the 2nd Half of the 18th – 1st Half of the 19th Century]*. Leningrad, Nauka, 1981, 257 p. (In Russ.)
- Nishi Asia Shi [History of West Asia]*. S. Maejima (ed.). Sekai Kakkoku shi [World History Series] 11. Tokyo, Yamakawa shuppansha, 1987, 594 p. (In Jap.)
- Nishi Asia Shi [History of West Asia]*. Y. Nagata (ed.). Tokyo, Yamakawa shuppansha, 2002, vol. 2, 476 p. (In Jap.)
- Panossian R. *The Armenians: from Kings and Priests to Merchants and Commissars*. New York, Columbia Univ. Press, 2006, 492 p.
- Papazian K. S. *Merchants from Ararat: a Brief Survey of Armenian Trade through the Ages*. New York, Ararat Press, 1979, 56 p.
- Payaslian S. *The History of Armenia: from the Origins to the Present*. New York, Macmillan, 2007, 296 p.
- Potanin G. N. *O karavannoi trgovle s Dzhungaskoi Bukhariei v XVIII stoletii [About the Caravan Trade with Jungar Bukhara in the 18th Century]*. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1868, 93 p. (In Russ.)
- Shiotani M. *Strukturnoe izmenenie assortimenta tovarov na Nizhegorodskoi yarmarke s 1828 po 1860 g. [Structural Change of Range of Goods at the Nizhni Novgorod Fair from 1828 to 1860]*. *Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii [Humanities Research and Inner Asia]*, Ulan-Ude, 2009, no. 4–5, p. 70–88. (In Russ.)
- Shoji R. *Menka [Cotton]*. Osaka, Nihon Boseki Kenkyu-jo, 1938, 596 p. (In Jap.)
- Yatsunsky V. K. *Krupnaya promyshlennost' Rossii v 1790–1860 gg. [Large Industry of Russia in 1790–1860]*. *Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii pervoi poloviny XIX v. [Essays on the Economic History of Russia in the 1st Half of the 19th Century]*. Moscow, 1959, p. 118–220. (In Russ.)

Sources

Gosudarstvennaya vneshnyaya trgovlya v raznykh ee vidakh, za 1831–1860 gg. [State Foreign Trade in its Different Forms, over 1831–1860]. St. Petersburg, Tipografiya departamenta vneshnei trgovli, 1832–1861.

Kommercheskaya gazeta [Commercial Newspaper] (St.-Petersburg). 1825. Aug. 12. No. 64; 1830. Dec. 20. No. 102; 1834. Mar. 29. No. 38; May 17. No. 59; 1840. Apr. 2. No. 40; 1841. Mar. 27. No. 37; Jul. 8. No. 81; 1847. Nov. 25. No. 139; 1849. Jul. 19. No. 84; 1853. May 21. No. 58. (In Russ.)

Russko-iranskaya trgovlya, 30–50-e gg. XIX v.: Sbornik dokumentov [Russian-Iranian trade, 30s–50s of 19th Century: Collection of Documents]. N. G. Kukanova (comp.). Moscow, Nauka, 1984, 294 p. (In Russ.)

The Armenians of Iran: the Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture; Articles and Documents. C. Chaqueri (ed.). Cambridge, Harvard University Press, 1998, 409 p.

Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del [Journal of Ministry of Interior] (St. Petersburg). 1831–1861. (In Russ.)

Материал поступил в редколлегию 29.03.2018

М. Сиотани

Университет Тохoku

2 Томе-1-1 Катахира, Аоба-ку, Сендай, 980-9577, Япония

shiotani@cneas.tohoku.ac.jp

ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫХ ТКАНЕЙ И КОММЕРЧЕСКАЯ СЕТЬ АЗИАТСКИХ ТОРГОВЦЕВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА. СТАТЬЯ 1

Статья посвящена изучению механизмов экспорта продукции хлопчатобумажной промышленности России на азиатские рынки в первой половине XIX в. До настоящего времени при исследованиях экономической истории России почти не уделялось внимания вопросам транспортировки хлопчатобумажных изделий на внешний рынок, какие торговцы и по каким маршрутам осуществляли их транспортировку. В настоящее время уже назрела необходимость расширения поля исследований экономической истории за счет изучения транснациональных связей, поэтому данная тематика была избрана нами для настоящей статьи. В качестве источников нами были привлечены материалы «Коммерческой газеты», издания Департамента внешней торговли министерства финансов России, содержавшего данные не только о внутренней торговле страны, но и о внешних рынках. Особенностью организации российского экспорта на внешние рынки Азии являлось доминирование среди торговцев, занятых в его осуществлении, представителей нескольких этнических групп: армянских, бухарских и др. Именно они контролировали торговые пути между Россией и странами Азии. Этнический фактор играл в данном случае определяющую роль в развитии международной торговли. Даже в первой половине XIX в. в самой России еще не сложилось понятие «нации», поэтому основой для межгрупповой коммуникации оставалась религиозная и этническая принадлежность. Данное обстоятельство объясняет, каким образом указанные выше этнические группы азиатских торговцев легко налаживали межгосударственные связи, иногда даже выступая против интересов правительств соответствующих стран. Россия могла использовать эту коммерческую сеть в своих интересах. Армянские торговцы занимали доминирующие позиции в торговле России с Персией, бухарские торговцы контролировали торговую сеть Центральной Азии, обеспечивая также связи с Индией и Китаем. В дальнейшем с развитием во второй половине XIX в. новых способов массового производства товаров прежние формы транспортировки (караванная торговля

с использованием верблюдов, лошадей, мулов) стали уступать место механическим средствам на основе парового двигателя или органического топлива.

Ключевые слова: Россия, XIX век, хлопчатобумажная промышленность, азиатские торговцы, коммерческая сеть.

Список литературы

Богородицкая Н. А. Нижегородская ярмарка – крупнейший центр внутренней и международной торговли в первой половине XIX в. Горький: Горьковск. гос. ун-т, 1989. 71 с.

Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Россия: энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.

Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л.: Наука, 1981. 257 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.

Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии. М.: Унив. тип., 1868. 93 с.

Сиотани М. Структурное изменение ассортимента товаров на Нижегородской ярмарке с 1828 по 1860 г. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. Улан-Удэ, 2009. № 4–5. С. 70–88.

Яцунский В. К. Крупная промышленность России в 1790–1860 гг. // Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959. С. 118–220.

Arima T. Roshia Kogyoshi Kenkyu (Промышленное развитие России). Tokyo: Tokyo Univ. Press, 1973. 335 p. (на яп. яз.)

Burton A. The Bukharans: a Dynastic, Diplomatic and Commercial History, 1550–1702. Richmond: Curzon, 1997. 664 p.

Gamo R. Iran Shi (История Ирана). Tokyo: Shudoshu, 1957. 301 p. (на яп. яз.)

Nishi Asia Shi (История Западной Азии) / Ed. by S. Maejima. Sekai Kakkoku shi (Серия мировой истории) 11. Tokyo: Yamakawa shuppansha, 1987. 594 p. (на яп. яз.)

Nishi Asia Shi (История Западной Азии) / Ed. by Y. Nagata. Tokyo: Yamakawa shuppansha, 2002. Vol. 2. 476 p. (на яп. яз.)

Panossian R. The Armenians: from Kings and Priests to Merchants and Commissars. New York: Columbia Univ. Press, 2006. 492 p.

Papazian K. S. Merchants from Ararat: a Brief Survey of Armenian Trade through the Ages. New York: Ararat Press, 1979. 56 p.

Payaslian S. The History of Armenia: from the Origins to the Present. New York: Macmillan, 2007. 296 p.

Shoji R. Menka (Хлопок). Osaka: Nihon Boseki Kenkyu-jo, 1938. 596 p. (на яп. яз.)

Список источников

Государственная внешняя торговля в разных ее видах, за 1831–1860 гг. СПб.: Тип. департамента внешней торговли, 1832–1861.

Журнал Министерства внутренних дел (СПб.). 1831–1861.

Коммерческая газета (СПб.). 1825. 12 авг. № 64; 1830. 20 дек. № 102; 1834. 29 марта. № 38; 17 мая. № 59; 1840. 2 апр. № 40; 1841. 27 марта. № 37; 8 июля. № 81; 1847. 25 нояб. № 139; 1849. 19 июля. № 84; 1853. 21 мая. № 58.

Русско-иранская торговля, 30–50-е гг. XIX в.: Сб. док. / Сост. Н. Г. Куканова. М.: Наука, 1984. 294 с.

The Armenians of Iran: the Paradoxical Role of a Minority in a Dominant Culture; Articles and Documents / Ed. by C. Chaqueri. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1998. 409 p.

Сведения об авторе / Information about the Author

Сиотани Масатика – доктор экономики, доцент отдела изучения России и Сибири Центра исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку (Сендай, Япония)

Shiotani Masachika – Doctor of Economics, Assistant Professor, Division of Russian and Siberian Studies, Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University (Sendai, Japan)

Для цитирования / For citation

Shiotani M. The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commerical Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century. Part 1 (*Сиотани М.* Экспорт российских хлопчатобумажных тканей и коммерческая сеть азиатских торговцев в первой половине XIX века. Статья 1) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 49–64.

Shiotani M. The Export of Russian Cotton Fabrics and the Commerical Network of Asian Merchants in the First Half of the 19th Century. Part 1. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 49–64.

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-49-64

К. Р. Буйнова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
пр. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия*

pragamia@gmail.com

**«НАМЕКИ НА НАШУ СОБСТВЕННУЮ ЯЗВУ»:
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В АМЕРИКУ О РАБСТВЕ
НАКАНУНЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА**

Статья посвящена сравнениям крепостного права в России с рабством в Соединенных Американских Штатах русскими путешественниками, участвовавшими в общественной дискуссии по крестьянскому вопросу накануне Великих реформ. Зарубежный материал обогащал материал, накопленный в печати, с новой силой убеждая сомневающихся в необходимости реформы и предлагая взгляд с нового ракурса для поборников отмены крепостного права. Важнейшим фактором, влиявшим на подачу американского опыта в русских «толстых» журналах, было развитие цензуры вокруг крестьянского вопроса. Слухи о скорой отмене крепостного состояния не вызвали мгновенного ослабления цензуры, и на протяжении второй половины 1850-х гг. многочисленные постановления, противоречивые и непоследовательные, отражали то нерешительность правительства, то реакцию, то осторожное поощрение общественной инициативы.

Ключевые слова: рабство, крепостное право, отмена крепостного права, цензура, путешественники, США, «свое» и «чужое».

Нет необходимости говорить о том, что крепостное право и рабство всегда были традиционными и фундаментальными темами отечественной и зарубежной историографии. Траектории этих огромных «орбит» неизбежно пересекаются не только во временном отношении, но и в пространстве общей проблематики. Непосредственному сравнению двух моделей принудительного труда в Новой истории посвящено не так много работ, хотя среди них есть такие уже ставшие классическими труды, как в первую очередь монография П. Колчина «Unfree labor: American slavery and Russian Serfdom». Колчин проводит сравнительный анализ американского рабства и русского крепостничества от установления этих институтов до отмены, иллюстрируя их эволюцию на протяжении огромного промежутка в постоянном сопоставлении по темам [Kolchin, 1987]. В современной отечественной историографии исследователи сравнивают эти социально-экономические системы, сопоставляя положение и поведение акторов: рабов и крепостных, рабовладельцев и помещиков [Супоницкая, 2000; 2003; 2010]; с точки зрения вероятности их тождества [Нефедов, 2011]; иногда расширяя географические границы антипода крепостничества до всего американского континента [Буйнова, 2013].

Отдельное внимание параллели «американское рабство – русское крепостничество» уделяется и в общих трудах по русско-американским связям [Болховитинов, 1990; Курилла, 2005], причем особую роль среди них занимают имагологические исследования. Н. Саул отмечает общие черты в развитии аболиционистского движения в Соединенных Штатах и России, но при-

зывает не преувеличивать сходства между двумя институтами [Saul, 1991. P. 313]. Р. Аллен анализирует отражение американского опыта на русской почве [Allen, 1988]. Н. Н. Болховитинов отмечает важность рабовладельческого института в формировании образа Америки в России, несмотря на то, что общая осведомленность о Соединенных Штатах была ограничена вплоть до второй половины XIX в. [2001. С. 437]. О. Ю. Казакова изучает социокультурное восприятие американцев в России, для которого социально-экономическая модель имела особенное значение [2000]. Исследователи Шриэр и Стори конкретизируют русское восприятие американской действительности на примере путешествия Александра Лакиера [Schrier, Story, 1979].

Взаимный образ в литературе и текстах изучали А. Эткинд, А. А. Арустамова, Л. Р. Арустамян, А. Н. Николюкин. Рассуждая о русском видении американской модели принудительного труда, А. Эткинд отмечает, что трансатлантические аналогии в печати были настолько распространены, что для читателя толстых журналов было совершенно очевидно, что любая статья об американских рабах на самом деле посвящена проблемам крепостничества в России [2001. С. 74]. Развивая эту мысль, А. А. Арустамова приводит пример упоминания «Хижины дяди Тома», которое позволяло русскому автору сблизить в произведении «свое» и «чужое» и отчетливее выразить антикрепостнический пафос [2010. С. 29]. К тому же выводу приходят Л. Р. Арустамян, занимавшийся американской проблематикой в русской печати [1992], и А. Н. Николюкин, изучивший русско-американские литературные связи [1981]. Особому месту романа «Хижина дяди Тома» в русской культуре посвящена монография Дж. МакКей [MacKay, 2013].

Другой стороне проблемы развития общественной полемики в печати посвящены работы по истории цензуры в России. Историография цензуры стала пополняться еще в дореволюционные годы [Скабичевский, 1892; Энгельгардт, 1904], постепенно потеряла политическое звучание и уступила место беспристрастным историческим обзорам [Жирков, 2001]. Для понимания хода дискуссии об отмене крепостного права в правительственных кругах важны классические труды П. А. Зайончковского [1954; 1958], Л. Г. Захаровой [1984; 2011], Д. Филда [Field, 1976]. Развитие общественной дискуссии отражает ряд работ по истории журналистики [Корнилов, 1909; Сикорский, 1957; Ухалов, 1967].

Признавая, что для современников дореформенных лет размышления о природе американского рабства часто становились способом развивать полемику о крепостном праве в условиях цензуры, историки, тем не менее, не рассматривали эволюцию риторики этих размышлений в связи с конкретными цензурными постановлениями. Именно такую цель ставит перед собой автор данного исследования.

В «Письме к Гоголю» В. Г. Белинский писал, что современная ему Россия «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек». В 1847 г. мыслитель называл главными задачами своего времени уничтожение крепостного права, отмену телесных наказаний и соблюдение законов, утверждая, что эту необходимость «чувствует даже само правительство..., что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров...». Нет нужды напоминать, что в свое время письмо не было напечатано; это не мешало каждому прогрессивно мыслящему человеку прекрасно знать его содержание и сопереживать ему.

Сравнение крепостного права с рабством между тем было табуированной темой уже давно. Согласно распоряжению (1818 г.) министра народного просвещения кн. А. Н. Голицына, ни под каким видом нельзя было печатать «ничего ни в защиту, ни в опровержение вольности или рабства крестьян не только здешних, но и иностранных, ни вообще материй, касающихся до распоряжений правительства» (цит. по: [Энгельгардт, 1904. С. 65]).

Конечно, полемика о путях решения проблемы не закончилась с введением запрета [Мироненко, 2017. С. 153]. Даже после внутриполитических перемен, которые последовали за восстанием декабристов, вступления в силу устава о цензуре 1826 г., печально известного как «чугунный устав», и заменившего его устава 1828 г., авторы все еще находили способы вести дискуссию о крепостном праве в печати.

В этом смысле своего рода преимущество было у путешественников, ведь обеспокоенность социальной ситуацией в каких-нибудь тропиках всегда можно было оправдать невинным интересом к экзотике. Между тем заокеанский материал обогащал общественную дискуссию в печати, с новой силой убеждая скептиков и предлагая новый угол обзора для поборников отмены крепостного права.

Еще в 1839 г. на страницах плетневского «Современника» появилась статья «Картина Бразилии», смело осуждающая рабство в этой стране. Ее автором был Виктор Степанович Порошин¹, который писал, что корень зла – это укрепившееся в обществе мнение о том, что без труда черных невольников для Бразилии нет будущего. «Однако же правда ли это? – возражает путешественник, – Разве нет примеров противного в странах, где рабство сперва казалось так же необходимостью?» [В. П-ин, 1839. С. 25].

В те же годы в Бразилии побывал будущий военный губернатор Камчатки, участник Крымской войны и адмирал, Василий Степанович Завойко. Став свидетелем бразильской работорговли, путешественник писал: «Причина, по которой прекратить этой гнусной торговли почти невозможно, по уверению ее защитников, есть несчастная мысль “Бразилия не может существовать без невольников”» [Впечатления моряка..., 1840. С. 126].

В связи с остротой крестьянского вопроса в преддверии либеральных реформ Александра II интересно обратиться к путевым заметкам по молодым американским государствам, в которых к началу 1860-х гг. еще сохранялось рабство. С началом нового царствования авторы этих текстов, – незаурядные личности, прогрессивные умы и отважные путешественники, – редко избегали возможности сравнить рабство и крепостное право. Конечно, им приходилось оформлять свои наблюдения и размышления в соответствии с цензурными требованиями, а последние, в свою очередь, менялись по мере развития в печати общественного диалога на тему крепостного права.

Обстоятельства внутриполитической жизни николаевской России постепенно сводили к минимуму возможность путешествовать в далекие страны с нестабильными республиканскими режимами, из которых подданные могли вернуться «с самыми ложными понятиями» об отечестве [О воспитании..., 1831; Об ограничении пребывания..., 1834; О взимании пошлин..., 1840; О дополнительных правилах..., 1844]. Публикация заметок о таких путешествиях была сопряжена с рядом сложностей и требовала мастерского владения эзоповым языком [Буйнова, 2017. С. 111]. Самые тяжелые времена для свободной печати настали в 1848 г. с учреждением «Комитета для высшего надзора за духом и направлением печатаемых в России произведений». Бутурлинский комитет стал, по образному выражению Н. А. Энгельгардта, «моровой полосой» отечественной журналистики. Учредив одновременно до двадцати различных цензур [1904. С. 164], комитет запрещал, помимо прочего, под любым видом обсуждать в печати положение крепостных крестьян и злоупотребления помещиков.

Некоторое ослабление цензурской бдительности наметилось с началом Крымской войны. Тогда же возобновились поездки в потенциально опасную для российского патриота Америку. Морской офицер Алексей Степанович Горковенко², чья служебная поездка по Кубе и Североамериканским Соединенным Штатам пришлась на первые месяцы войны, не сравнивал «свое» с «чужим» напрямую, но прибегал к знакомым терминам для описания положения рабов. При этом в непростой 1854 г. его заметки о далекой Кубе оказались не где-нибудь, а на передовице «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Положение невольников истинно жал-

¹ Согласно словарю И. Ф. Масанова [1957. С. 338], под псевдонимом В. П-ин писал Виктор Степанович Порошин. Сам он упоминает, что «главным источником нашим при составлении этой статьи была рукопись одного русского, прожившего с лишком пять лет в Бразилии» [В. П-ин, 1839. С. 57–58]. В 1840 и 1841 гг. «Современник» опубликовал еще две статьи, написанные о Бразилии в похожей манере и подписанные «С. Л.». Согласно тому же словарю псевдонимов И. Ф. Масанова, под этим именем писал российский посланник в Бразилии, однокашник А. С. Пушкина, Сергей Григорьевич Ломоносов. Возможно, материалом для Порошина послужили именно его рукописи.

² А. С. Горковенко (1821–1876) был морским офицером, дослужился до вице-адмирала Российского Императорского флота. После Крымской войны был назначен воспитателем Его Императорского Высочества великого князя Николая Константиновича.

кое, они работают до 18 часов в сутки, под палящим солнцем тропиков, в воде и сырости при зимних дождях; но *подати* (курсив наш. – К. Б.), платимые правительству, так велики и большая часть плантаций до такой степени в долгу, что при огромных процентах *помещики* почти вынуждены обременять невольников чрезмерной работой» [Горковенко, 1854. С. 1]. Развивая мысль о безвыходном положении как рабов, так и их хозяев, Горковенко переходит к описанию упадка промышленности.

О том, к чему приводит упадок промышленности, страна узнала очень скоро, и тогда, наконец, «Севастополь ударил по застоявшимся умам». Как известно, волна слухов о скорой отмене крепостного состояния прокатилась по стране еще в первые месяцы после восхождения Александра II на престол. После памятной речи молодого императора перед московским дворянством в печати началась оживленная общественная дискуссия, ободряемая слухами о деятельности Секретного комитета по крестьянским делам, учрежденного в январе 1857 г. Оправдательная риторика стала постепенно уступать место обвинительной. Под шквалом последовавшей общественной критики в духе «Проснись: громи пороки смело»³ в январе 1858 г. Главное управление цензуры распространило общие правила и ограничения в рамках обсуждения крестьянского вопроса. К печати не допускались сочинения, критикующие конкретные распоряжения правительства и настраивающие крестьян против помещиков. При этом к публикации допускались «ученые, теоретические, исторические, статистические» статьи и в целом поощрялся «дух и благонамеренность» сочинений по вопросу будущей реформы [Высочайшее повеление..., 1862].

Последняя формулировка оставляла лазейку для самых «благонамеренных» сочинителей и оставляла в недоумении цензоров. А. М. Скабичевский не случайно называет десятилетие с 1855 по 1865 г. «смутным и хаотическим периодом в истории русской цензуры» и временем «полной цензурной анархии». Не только буква, но и дух новых распоряжений давал простор для толкований, поэтому «пропуск чего бы то ни было, начиная от самого смелого и кончая невиннейшим, стал зависеть от слепого, непредвиденного случая» [1892. С. 389–390]. После обнародования высочайших рескриптов на имя генерал-губернатора В. И. Назимова (20 ноября 1857 г.) и генерал-губернатора Игнатьева (5 декабря 1857 г.), было очевидно одно: обсуждение крестьянского вопроса стало действительностью, несмотря на все цензурные препятствия.

Среди потока сочинений, осуждавших, защищавших, предлагавших и критиковавших, выделяются публикации путешественников, которые привнесли в дискуссию свои собственные наблюдения за ходом эмансипации в рабовладельческих государствах. В этом смысле особенно ценен им казался опыт Североамериканских Соединенных Штатов, молодого союзника, интерес к которому в России рос по мере его превращения в экономического гиганта.

Одну из первых больших статей по вопросу о рабстве в Америке опубликовал журнал «Отечественные записки». Автором обзора «Вопрос о невольничестве в Североамериканских Соединенных Штатах» был Петр Петрович Сокальский⁴, проживший в Америке два года в 1857–1858 гг. на службе личным секретарем русского генерального консула. Обращаясь к читателю во вступлении к своему обзору, Сокальский не находит нужным скрывать, что им руководит прагматический интерес делового характера, а не «пустое любопытство». Далее, не прибегая к прямым сравнениям с русскими реалиями, автор излагает позиции сторонников и противников рабства в Америке; защищает право государства отказаться от выплаты компенсаций или вознаграждений частным лицам за их потери; говорит о несправедливости и аморальности выкупа за личную свободу и заключает, что само владение невольниками «несогласно с выгодами общественными и противно закону нравственному». Завершая статью, которая

³ Строчка из стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин», 1856 г.

⁴ Сочинения автора подписаны «П. С-ий». Настоящее имя определено по словарю И. Ф. Масанова [1957. С. 74]. Петр Петрович Сокальский известен в первую очередь как композитор, музыковед и исследователь русского народного фольклора, но сфера его интересов не ограничивалась музыкой. Получив степень магистра химии в Харьковском университете, Сокальский писал статьи по литературе и искусству, публикуя свои сочинения в самых читаемых изданиях Москвы, Петербурга и Одессы.

из беспристрастного описания превращается в целый проект, Сокальский заявляет: «Нельзя устроить так, чтоб “и волки были сыты, и овечки целы”». Чтобы волк был сыт, не трогая овец, нужно сделаться ему травоядным животным» [П. С-ий, 1858. С. 163, 177–181, 184]. Риторика этой статьи, сочетающая аргументы экономического, юридического и нравственного характера, целиком соответствовала всем новым цензурным требованиям, а формат анализа наболевшей проблемы важного делового партнера позволял, в обход цензуры, прямо критиковать полумеры и нерешительность правительства.

Осенью 1858 г. редакция «Отечественных записок» снова привлекла внимание своих читателей к дилемме молодого и быстро развивающегося соседа, разместив на страницах журнала путевые заметки по Североамериканским Соединенным Штатам и Кубе ⁵ историка и редактора комиссии по освобождению крестьян Александра Борисовича Лакиера. Как и Сокальский, Лакиер избегает прямо сравнивать Америку с Россией, но находит способ сделать свой посыл совершенно прозрачным, обращаясь в ходе повествования к кубинским и американским плантаторам. «Вы говорите о необходимости рабства: это ваша выгода; не скрывайте по крайней мере его гнусности и унизости для каждого, тем более для белого, и еще величающего себя образованным» [Лакиер, 1858б. С. 521].

У Лакиера были основания осторожничать с проведением параллелей. Ранее он отправил первую часть своих американских путевых дневников в «Современник» [Лакиер, 1858а], и она вышла в том же номере, что и нашумевшая статья Н. Г. Чернышевского и К. Д. Кавелина «О новых условиях сельского быта» [Кавелин, Чернышевский, 1858], которая стоила Кавелину должности наставника наследника престола [Сидорова, 2016. С. 227], а редакции – возможности размещать в «Современнике» другие статьи о крестьянском вопросе вплоть до конца 1858 г.

Ограничения в отношении «Современника» были непосредственно связаны с апрельскими цензурными запретами 1858 г. Последние были приняты, когда, испугавшись волны недовольства и крестьянских восстаний, царь утвердил программу Главного комитета по крестьянскому делу, согласно которой зависимость крестьян не ликвидировалась в полной мере, а лишь смягчалась, сохраняя феодальную систему отношений в помещичьей деревне [Захарова, 2011. С. 158, 163]. Лакиер нашел способ высказаться по этому вопросу, рассказав (в собственной интерпретации) историю генерал-губернаторства Хуана де ла Песуэла на Кубе.

В 1853 г., пишет путешественник, вопрос о свободе негров и уравнивании их в правах с белыми был разрешен в пользу эмансипации, и дело стало только за тем, чтобы решить, как вознаградить их бывших владельцев. Пока колониальное правительство занималось этим вопросом, слухи спровоцировали рабов на «посяпки, нарушавшие права их владельцев». Тогда, опасаясь усугубления конфликта в кубинском обществе, генерал де ла Песуэла уничтожил силу прежних обещаний и объяснил это тем, что «необразованная раса, принимающая свободу за своеволие, остававшаяся столько столетий в рабстве, в тысячу раз счастливее прочих классов в Европе, пользующихся свободой только по имени». Завершая этот случай из истории далекой испанской колонии, Лакиер восклицает: «Но одним взмахом пера и громкою фразой, нелепою и неверной, не уничтожишь чувства справедливости». Предупреждая недостаточную силу доводов человеколюбия, историк сообщает также, что волнение на острове все не утихает [1858б. С. 523].

Еще одним журналом, принимавшим живейшее участие в общественном обсуждении крестьянского вопроса, был «Русский вестник», основанный М. Н. Катковым в 1856 г. как ответ либеральной общественности на реформаторскую инициативу нового царствования. В декабре 1857 – марте 1858 г. читатели журнала впервые получили возможность познакомиться с нашумевшей «Хижиной дяди Тома» Бичер-Стоун (до 1857 г. публикация книги в России была запре-

⁵ В XIX в. русские путешественники обыкновенно попадали на Кубу именно из Соединенных Штатов. Учитывая географическую близость, стратегическую заинтересованность Штатов в острове и историю развития их отношений с соседями, вопрос о судьбе Кубы русские современники считали предрешенным, а посещение острова в рамках поездки по Североамериканским Штатам так или иначе заставляло отражать этот опыт в одном цикле сочинений.

щена [MacKay, 2013. Р. 9]). В июне 1859 г. журнал опубликовал путевые записки писателя Эдуарда Романовича Циммермана о путешествии по Америке, которую тот объехал в 1857 г.

Как и его предшественники, в своем сочинении Циммерман говорит о безнравственности института рабства. Главное противоречие путешественник видит в претензиях Североамериканских Соединенных Штатов на славу страны свободы: «К каким возмутительным несообразностям приводит здесь, в стране свободы, противоестественное учреждение невольничества!». Собственно, весь пафос обличительной речи Циммермана основан на лицемерии сложившейся в Америке ситуации: в республике, основанной на свободе личности, где провозглашается «свобода тиснения», сказать слово против невольничества означает подвергнуть себя опасности. Далее путешественник показывает, как из-за «преследования гласности по делу эманципации» американское общество стало проявлять терпимость по отношению к «неизбежному злу», пока, наконец, не возвело его в «степень законного учреждения» и не утвердилось в его справедливости [Циммерман, 1859. С. 592, 599–601]. Предупреждение Циммермана русскому обществу звучит совсем прозрачно, хотя он, как и другие авторы до него, не говорит о рабстве в России прямо.

Пожалуй, первым из русских путешественников, позволившим себе прямолинейность в этом вопросе, был Иван Алексеевич Шестаков. Его путевые заметки по Америке выходят летом 1859 г. в журнале «Морской сборник». «Морской сборник», ведомственный орган Морского министерства под шефством великого князя Константина Николаевича, в свою очередь был одним из изданий, которые положили начало «сверху» общественному обличению крепостного права и других причин, приведших к поражению в Крымской войне [Жирков, 2001. С. 105]. Адьютант генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича, капитан 1-го ранга Шестаков отличался, судя по его биографии, свободолобивым нравом, смелостью суждений и нежеланием идти на компромисс с совестью. Подробно описывая рабство в Америке, офицер недвусмысленно объясняет свой интерес: «Я опасаясь увлечься слишком далеко и вдаваться в рассуждения, которые могут быть приняты за намеки на нашу собственную язву – крепостное право». При этом очевидно, что если в планы Шестакова и входило избегать нежелательных аллюзий, то лишь ради того, чтобы начать называть вещи своими именами: «Между крепостным правом и рабством разница не так уже велика, как уверяют защитники первого, не решающиеся оклеймить себя любовью к последнему».

Автор этих смелых строк, прямо заявляющий о «противоестественности невольничества», избегает соблазна поделить мир черных и белых на черное и белое. Он замечает, например, что северяне, защищающие права черных рабов, никогда не садятся с ними в один вагон, а южане, поборники рабства, не брезгуют компанией черных слуг и доверяют им своих детей. При этом американский монохром с его полутонами интересовал Шестакова прежде всего как негатив безрадостной картины, которую представляла судьба «известного класса соотечественников, называемого, будто по сходству положения с африканскими невольниками, черным народом». За три года до начала гражданской войны в Соединенных Американских Штатах Шестаков спешит утверждать, что в этой стране вопрос рабства не требует жертв и сложных комбинаций, имея возможность скоро решиться «сам собой». В то же время в России, продолжает путешественник, «где нет не только климатических условий, но даже изменения цвета кожи; где рабство ввелось не нуждою, а несчастным постановлением, не завоеванием – этим правом силы, извинительным в века варварства, – а бюрократическим фокусом; где уничтожение его не только не поведет к распадению государства, а, видимо, будет способствовать дальнейшим его успехам и величию, – при таких условиях продолжение системы рабства становится политическим преступлением». Время настало, подытоживает автор [Excelsior, 1859. С. 216, 225, 232].

Дерзость Шестакова объясняется, кроме как прямоотой его характера, особенным положением ведомственного журнала, опубликовавшего его заметки, а также, несомненно, выходом обсуждения по крестьянскому вопросу на новый уровень. За охваченный нами короткий промежуток времени власть отказалась от работы в рамках Секретного комитета и перешла к обсуждению программы Я. И. Ростовцева во вновь учрежденных Редакционных комиссиях.

Что бы там ни говорил Шестаков об американской проблеме, которая «разрешится сама», для «молодого богатыря из Нового мира» она вылилась в гражданскую войну. Россия же смогла найти мирный способ решения проблемы; во многом, возможно, именно благодаря тому, что общественное мнение понимало, что в России проблемы «сами по себе» не разрешаются.

В заключение следует отметить, что всего за несколько лет использование заморского опыта в дискуссии о судьбе русских крепостных претерпело некоторые изменения. Если «досевастопольским» Порошину, Завойко и Горковенко обращение к воспоминаниям путешественника служило защитой от цензуры, то во второй половине 1850-х гг. Сокальскому, Лакиеру, Циммерману и Шестакову сравнение своей «язвы» с чужой позволяло достичь еще и драматического эффекта.

От сочувствия молодому американскому государству, переживающему такой же (согласно современной общественности) кризис, авторы сочинений перешли к обвинению «страны свободы» в лицемерии. Ведь после того, как десятилетиями сдерживаемая тревога о крепостных крестьянах, наконец, переросла в споры о реальных путях решения проблемы, такие оправдательные формулы, как «необходимость», «не может существовать без» и «вынуждены», больше не работали.

Непосредственная перспектива реформы заставляла увидеть, что проблему рабства, даже в далеких заморских странах, больше нельзя обсуждать только на нравственном уровне. Критика нерешительности американского правительства и косности американского общества сопровождается конкретными предложениями и примерами, а в них все отчетливее ощущается скорое наступление «великого момента» в России. Поражение в войне заставило русское общество стремительно повзрослеть, и отражение собственных реалий в зеркале «незрелых» американских государств больше не успокаивало, а, наоборот, пугало.

Список литературы

- Арустамова А. А. Тема Америки в русской литературе XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2010. 44 с.
- Арустамян Л. Р. Американская проблематика в русской периодической печати (1841–1856 годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 21 с.
- Болховитинов Н. Н. Образ Америки в России // Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М., 2001. С. 430–448.
- Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. (1834–1867). М.: Наука, 1990. 367 с.
- Буйнова К. Р. Далекое близкое: русские путешественники XIX в. о рабстве в Латинской Америке // Вестн. МГУ. Серия 8 (История). 2013. № 5. С. 3–11.
- Буйнова К. Р. Русские путешественники в Латинской Америке в XIX – начале XX в. М.: МГИМО-Университет, 2017. 266 с.
- Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект-Пресс, 2001. 367 с.
- Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Госполитиздат, 1954. 292 с.
- Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М.: Соцэкгиз, 1958. 470 с.
- Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 736 с.
- Захарова Л. Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1984. 254 с.
- Казакова О. Ю. Америка и американцы в оценке русского общества (конец 1850-х – 1867 г.): социокультурные аспекты восприятия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2000. 22 с.
- Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855–1881). М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1909. 263 с.

Курилла И. И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е гг. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2005. 488 с.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1957. Т. 2. 387 с.

Мироненко С. В. Александр I и декабристы. Россия в первой четверти XIX в. Выбор пути. М.: Кучково поле, 2017. 399 с.

Нефедов С. А. Русское крепостничество – разновидность рабовладения? // Строгановское историческое собрание: Сб. науч. ст. Пермь, 2011. Вып. 6: Материалы Всерос. науч. конф. «Реформы 1860–1870-х гг. в контексте модернизационных процессов на Урале», 10–11 июня 2011 г. С. 135–142.

Николюкин А. Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981. 406 с.

Сидорова А. Н. Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II (подготовка к государственной деятельности): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 311 с.

Сикорский Н. М. Журнал «Современник» и крестьянская реформа 1861 г. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 196 с.

Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700–1862). СПб.: Ф. Павленков, 1892. 495 с.

Супоницкая И. М. Американский раб и русский крепостной: типология и специфика принудительного труда // Вопр. истории. 2000. № 9. С. 52–61.

Супоницкая И. М. Русский помещик и американский плантатор // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М., 2003. С. 279–301.

Супоницкая И. М. Свобода и равенство. США и Россия: сравнение систем. М.: РОССПЭН, 2010. 298 с.

Ухалов Е. С. История русской журналистики. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1967. Ч. 2: Журналистика 50–60-х гг. XIX в. 126 с.

Энгельгардт Н. А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб.: А. С. Суворин, 1904. 389 с.

Эткинд А. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: НЛО, 2001. 484 с.

Allen R. V. Russia Looks at America: The View to 1917. Washington: Library of Congress, 1988. 322 p.

Field D. The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge; London: Harvard Univ. Press, 1976. 472 p.

Kolchin P. Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom. Cambridge; London: Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1987. 517 p.

MacKay J. True Songs of Freedom. Uncle Tom's Cabin in Russian Culture and Society. Madison: University of Wisconsin Press, 2013. 157 p.

Saul N. E. Distant friends: the United States and Russia, 1763–1867. Lawrence: University Press of Kansas, 1991. 448 p.

Schrier A., Story J. A Russian Looks at America: The Journey of Aleksandr Borisovich Lakier in 1857. Chicago; London: University of Chicago Press, 1979. 362 p.

Список источников

Высочайшее повеление, объявленное Государственным Секретарем. Распоряжение 16 января 1858 года // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 422–423.

Горковенко Г.-о. А. Из Америки // Санкт-Петербургские ведомости. 1854. № 92. 28 апр. С. 1–2.

[Завойко В. С.] Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света. Сочинение лейтенанта В. З. СПб.: Тип. Е. Фишера, 1840. Ч. 2. 135 с.

Кавелин К. Д., Чернышевский Н. Г. О новых условиях сельского быта // Современник. 1858. № 4. С. 493–539.

Лакиер А. Б. Конгресс в Вашингтоне в 1857 г. // Современник. 1858а. № 4. С. 333–372.

Лакиер А. Б. Остров Куба. Из путевых заметок // Отечественные записки. 1858б. Т. 120. С. 487–540.

О взимании пошлин за паспорта, выдаваемые лицам, отправляющимся за границу (10 июля 1840 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1840. Т. 15. Отд. 1. № 13652. С. 484–485.

О воспитании российского юношества предпочтительно в отечественных учебных заведениях (18 февраля 1831 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1831. Т. 6. Отд. 1. № 4364. С. 167–168.

О дополнительных правилах на выдачу заграничных паспортов (15 марта 1844 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1844. Т. 19. Отд. 1. № 17731. С. 195–196.

Об ограничении пребывания Русских подданных в иностранных землях (17 апреля 1834 г.) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1834. Т. 9. Отд. 1. № 6994. С. 294–295.

В. П-ин. Картина Бразилии // Современник. 1839. Т. 13. Раздел «Современные записки». С. 1–58.

П. С-ий. Вопрос о невольничестве в Североамериканских Соединенных Штатах // Отечественные записки. 1858. № 7. С. 163–184.

Циммерман Э. Р. Путешествие по Америке: От Седер-Киза до Луизвилля // Русский вестник. 1859. Т. 21, кн. 2. С. 582–612.

Excelsior [Шестаков И. А.] Между делом // Морской сборник. 1859. № 6. С. 189–241.

Материал поступил в редколлегию 27.02.2018

K. R. Buynova

*Moscow State Institute of International Relations
76 Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation*

pragamia@gmail.com

«HINTING AT OUR OWN EVIL»: TRAVELERS TO AMERICA ABOUT THE SLAVERY ON THE EVE OF THE ABOLITION OF THE SERFDOM IN RUSSIA

The investigation is dedicated to the comparison of serfdom in Russia and slavery in America made by Russian travelers taking part in the public debate on the possible abolition of serfdom in Russia in the late 1850s. The travelers published their voyage notes in highly rated newspapers and magazines, such as «Sankt-Peterburgskie vedomosti», «Sovremennik», «Otechestvennye zapiski», «Russkii vestnik» and «Morskoi sbornik», trying to do it simultaneously with their experience abroad, concerned about the urgency and importance of their contribution towards wider discussion. At the same time, imperial censorship did not allow them to share their thoughts directly, so authors would refrain from direct naming of issues or criticism of the government. The purpose of the article is to show how the American experience, expounded and shared by the Russian travelers, enriched the public debate on the abolition of serfdom in Russia in the late 1850s, persuading the sceptics, and suggesting a new angle of vision to the upholders of the emancipation of Russian serfs. One of the most important factors that determined the interaction between the authors and readers about slavery in America was the censorship. Despite rumors about the possible abolition of serfdom, which spread immediately after the coronation of Alexander II, the censorship on the topic didn't abate immediately. In the second half of the 1850s numerous decrees were published, contradictory and inconsistent, that reflected either indecision of the government, reaction, or most careful encouragement of the public initiative. Therefore as the rules of the game were constantly changing, the authors had to make use

of many circumlocutions and hints, avoiding direct naming of what they were in fact writing about. By the end of the decade however, social excitement triumphed over confused censorship.

Keywords: slavery, serfdom, abolition of serfdom, censorship, travelers, USA, «self» and «others».

References

Allen R. V. *Russia Looks at America: The View to 1917*. Washington, Library of Congress, 1988, 322 p.

Arustamova A. A. *Tema Ameriki v russkoi literature XIX v.* [*America's Theme in Russian Literature of the 19th Century*]. Abstract of Doctor's Degree Dissertation. Perm, 2010, 44 p. (in Russ.)

Arustamyan L. R. *Amerikanskaya problematika v russkoi periodicheskoi pechati (1841–1856 gody)* [*American Problems in Russian Press (1841–1856)*]. Abstract of Ph. D. Thesis. Moscow, 1992, 21 p. (in Russ.)

Bolkhovitinov N. N. *Obraz Ameriki v Rossii* [The Image of America in Russia]. *Amerikanskaya tsivilizatsiya kak istoricheskii fenomen. Vospriyatie SShA v amerikanskoi, zapadnoevropeiskoi i russkoi obschestvennoi mysli* [*American Civilization as a Historical Phenomena. Perception of the USA in American, West European and Russian Public Thought*]. Moscow, 2001, p. 430–448. (in Russ.)

Bolkhovitinov N. N. *Russko-amerikanskii otnosheniya i prodazha Alyaski. (1834–1867)* [*Russian-American Relationship and the Alaska Purchase. 1834–1867*]. Moscow, Nauka, 1990, 367 p. (in Russ.)

Buynova K. R. *Dalekoe blizkoe: russkie puteshestvenniki XIX veka o rabstve v Latinskoii Amerike* [Far Near: Russian Travelers in the 19th Century About the Slavery in Latin America]. *Vestnik MGU* [*Moscow State University Proceedings*], Ser. 8 (History), 2013, no. 5. p. 3–11. (in Russ.)

Buynova K. R. *Russkie puteshestvenniki v Latinskoii Amerike v XIX – nachale XX veka* [*Russian Travelers in Latin America in the 19th – Beginning of the 20th Century*]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2017, 266 p. (in Russ.)

Engelhardt N. A. *Ocherk istorii russkoi tsensury v svyazi s razvitiem pechati (1703–1903)* [*Brief History of Russian Censorship in Its Relation with Development of the Press*]. St. Petersburg, A. S. Suvorin, 1904, 389 p. (in Russ.)

Etkind A. *Tolkovanie puteshestvii: Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [*The Interpretation of Travels: Russia and America in Travelogues and Intertexts*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2001, 484 p. (in Russ.)

Field D. *The End of Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861*. Cambridge, London, Harvard University Press, 1976, 472 p.

Kazakova O. Yu. *Amerika i amerikantsy v otsenke russkogo obschestva (konets 1850-kh – 1867 g.): sotsiokul'turnye aspekty vospriyatiya* [*America and Americans Seen by the Russian Society (Late 1850s – 1867): Socio-Cultural Aspects of Perception*]. Abstract of Ph. D. Thesis. Orel, 2000, 22 p. (in Russ.)

Kolchin P. *Unfree labor: American slavery and Russian Serfdom*. Cambridge, London, Belknap Press of Harvard University Press, 1987, 517 p.

Kornilov A. A. *Obschestvennoe dvizhenie pri Aleksandre II (1855–1881)* [*Social Movement in the Reign of Alexander II (1855–1881)*]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova, 1909, 263 p. (in Russ.)

Kurilla I. I. *Zaokeanskii partnery: Amerika i Rossiya v 1830–1850-e gg.* [*Partners Across the Ocean: the United States and Russia, 1830s – 1850s*]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, 488 p. (in Russ.)

MacKay J. *True songs of freedom. Uncle Tom's Cabin in Russian Culture and Society*. Madison, University of Wisconsin Press, 2013, 157 p.

Masanov I. F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obschestvennykh deyatelei* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Persons], in 4 vols. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoi knizhnoi palaty, 1957, vol. 2, 387 p. (in Russ.)

Mironenko S. V. *Aleksandr I i dekabristy. Rossiya v pervoi chetverti XIX veka. Vybor puti* [Alexander I and the Decembrists. Russia in the 1st Quarter of the 19th Century. Choice of the Path]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2017, 399 p. (in Russ.)

Nefedov S. A. Russkoe krepostnichestvo – raznovidnost' rabovladieniya? [Was Russian Serfdom a Kind of Slavery?]. *Stroganovskoe istoricheskoe sobranie: sbornik nauchnykh statei* [Stroganov's History Assembly: Collection of Scientific Papers]. Perm, Prikamskii sotsial'nyi institut, 2011, iss. 6. Materialy vsrossiiskoi nauchnoi konferentsii «Reformy 1860–1870-kh gg. v kontekste modernizatsionnykh protsessov na Urale» [Proceedings of All-Russian Scientific Conference “Reforms of 1860–1870s in Modernization Processes Context in Ural”], p. 135–142. (in Russ.)

Nikolyukin A. N. *Literaturnye svyazi Rossii i SShA: Stanovlenie literaturnykh kontaktov* [Literary Relations of Russia and the United States: the Establishment of the Literary Contacts]. Moscow, Nauka, 1981, 406 p. (in Russ.)

Saul N. E. *Distant friends: the United States and Russia, 1763–1867*. Lawrence, University Press of Kansas, 1991, 448 p.

Schrier A., Story J. *A Russian Looks at America: The Journey of Aleksandr Borisovich Lakier in 1857*. Chicago; London, University of Chicago Press, 1979, 362 p.

Sidorova A. N. *Vospitanie velikikh knyazei v sem'yakh imperatorov Nikolaya I i Aleksandra II (podgotovka k gosudarstvennoi deyatel'nosti)* [Grand Dukes' Education in the Royal Family of Emperors Nicolas I and Alexander II (Preparation for the State Activity)]. Ph. D. Thesis. Moscow, 2016, 311 p. (in Russ.)

Sikorsky N. M. Zhurnal «Sovremennik» i krest'yanskaya reforma 1861 g. [Journal «Sovremennik» and the Serfs' Reform of 1861]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957, 196 p. (in Russ.)

Skabichevsky A. M. *Ocherki istorii russkoi tsenzury (1700–1862)* [Brief History of Russian Censorship (1700–1862)]. St. Petersburg, F. Pavlenkov, 1892, 495 p. (in Russ.)

Suponitskaya I. M. Amerikanskii rab i russkii krepostnoi: tipologiya i spetsifika prinuditel'nogo truda [American Slave and Russian Serf: Typology and Specificity of the Unfree Labor]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2000, no. 9, p. 52–61. (in Russ.)

Suponitskaya I. M. Russkii pomeschik i amerikanskii plantator [Russian Landlord and American Plantation Owner]. *Sravnitel'naya istoria: metody, zadachi, perspektivy* [Comparative History: Methods, Tasks, Perspectives]. Moscow, 2003, p. 279–301. (in Russ.)

Suponitskaya I. M. *Svoboda i ravenstvo. SShA i Rossiya: sravnenie sistem* [Freedom and Equality. USA and Russia: Comparison of Systems]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 298 p. (in Russ.)

Ukhalov E. S. *Istoria russkoi zhurnalistiki* [History of Russian Journalism]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1967, pt. 2. Zhurnalistika 50–60-kh godov XIX veka [Journalism of the 1850s–60s], 126 p. (in Russ.)

Zakharov L. G. *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii* [Alexander II and the Abolition of the Serfdom in Russia]. Moscow, ROSSPEN, 2011, 736 p. (in Russ.)

Zakharova L. G. *Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii, 1856–1861* [The Russian Government and the Abolition of the Serfdom in Russia, 1856–1861]. Moscow, MGU Publ., 1984, 254 p. (in Russ.)

Zayonchkovsky P. A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The Abolition of the Serfdom in Russia]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954, 292 p. (in Russ.)

Zayonchkovsky P. A. *Provedenie v zhizn' krest'yanskoi reformy 1861 g.* [The Implementation of the Serfs' Reform of 1861]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1958, 470 p. (in Russ.)

Zhirkov G. V. *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* [History of Censorship in Russia in the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2001, 367 p. (in Russ.)

Sources

Excelsior [Shestakov I. A.]. Mezhdul delom [Between This and Then]. *Morskoi sbornik* [Marine Collection], 1859, no. 6, p. 189–241. (in Russ.)

Gorkovenko G-o. A. Iz Ameriki [From America]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St. Petersburg Synopsis], 1854, no. 92, April 26th, p. 1–2. (in Russ.)

Kavelin K. D., Chernyshevsky N. G. O novykh usloviyakh sel'skogo byta [About New Conditions of the Rural Life]. *Sovremennik* [The Contemporary], 1858, no. 4, p. 493–539. (in Russ.)

Lakier A. B. Kongress v Vashingtone v 1857 g. [Congress in Washington in 1857]. *Sovremennik* [The Contemporary], 1858a, no. 4, p. 333–372. (in Russ.)

Lakier A. B. Ostrov Kuba. Iz putevykh zametok [Cuba Island. From Travel Notes]. *Otechestvennye zapiski* [Patriotic Notes], 1858b, vol. 120, p. 487–540. (in Russ.)

O dopolnitel'nykh pravilakh na vydachu zagranichnykh pasportov (15 marta 1844 g.) [Additional Measures for the Passport Issuing Procedure (March 15th, 1844)]. *PSZRI* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Set 2. St. Petersburg, 1844, vol. 19, pt. 1, no. 17731, p. 195–196. (in Russ.)

O vospitaniy rossiyskogo yunoshestva predpochtitel'no v otechestvennykh uchebnykh zavedeni-yakh (18 fevralya 1831 g.) [Education of the Russian Youth Preferably Within the National High School System (February 18th, 1831)]. *PSZRI* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Set 2. St. Petersburg, 1831, vol. 6, pt. 1, no. 4364, p. 167–168. (in Russ.)

O vzmianii poshlin za pasporty, vydavaemye litsam, otpravlyayuschimsya za granitsu (10 iyulya 1840 g.) [Imposing Duties for the Passports Issued for the Travelers Abroad (July 10th, 1840)]. *PSZRI* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Set 2. St. Petersburg, 1840, vol. 15, pt. 1, no. 13652, p. 484–485. (in Russ.)

Ob ogranichenii prebyvaniya Russkikh poddannyykh v inostrannykh zemlyakh (17 aprelya 1834 g.) [Limitations of Russian Citizens' Stay in the Foreign Lands (April 17th, 1834)]. *PSZRI* [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire]. Set 2. St. Petersburg, 1834, vol. 9, pt. 1, no. 6994, p. 294–295. (in Russ.)

V. P-in. Kartina Braziliy [Image of Brazil]. *Sovremennik* [The Contemporary], 1839, vol. XIII, Razdel «Sovremennye zapiski» [Department of Contemporary Notes], p. 1–58. (in Russ.)

P. S-ii. Vopros o nevol'nichestve v Severoamerikanskikh Soedinennykh Shtatakh [About the Slavery in the United States of America]. *Otechestvennye zapiski* [Patriotic Notes], 1858, no. 7, p. 163–184. (in Russ.)

Vysochaishee povelenie, ob'yavlennoe Gosudarstvennym Sekretarem. Rasporyazhenie 16 yan-varya 1858 goda [Supreme Behest, Announced by the National Secretary. Decree of Jan. 16th, 1858]. *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy po tsenzure s 1720 po 1862 gg.* [Collected Orders and Decrees on Censorship from 1720 to 1862]. St. Petersburg, 1862, p. 422–423. (in Russ.)

[Zavoiko V. S.] Vpechatleniya moryaka vo vremya dvukh puteshestvii krugom sveta. Sochinenie leitenanta V. Z. [Impressions of a Sailor From Two Circumnavigations. By Lieutenant V. Z.]. St. Petersburg, Tipografiya E. Fishera, 1840, pt. 2, 135 p. (in Russ.)

Zimmerman E. R. Puteshestvie po Amerike: Ot Seder-Kiza do Luizvilya [Traveling in America: from Sedar Keys to Louisville]. *Russkii vestnik* [Russian Newsletter], 1859, vol. 21, book 2, p. 582–612. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Буйнова Кристина Романовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры испанского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Buynova Kristina Romanovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Spanish Language, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Federation Ministry of Foreign Affairs

Для цитирования / For citation

Буйнова К. Р. «Намеки на нашу собственную язву»: путешественники в Америку о рабстве накануне отмены крепостного права // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 65–77.

Buynova K. R. «Hinting at Our Own Sore Spot»: Travelers to America about Slavery on the Eve of the Abolition of Serfdom in Russia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 65–77. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-65-77

И. Н. Гребенкин

*Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина
ул. Свободы, 46, Рязань, 390000, Россия*

grin17.66@mail.ru

АРМИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ 1917 ГОДА

Статья посвящена месту российской армии в политическом процессе периода революции 1917 г. в России. Рассмотрены своеобразие армии военного времени как социального феномена, предпосылки ее превращения в субъект политической жизни страны. Установлены характер и причины общественно-политических настроений различных категорий военнослужащих накануне революции. Дана характеристика роли воинских контингентов, институтов, видных военных деятелей в главных политических событиях 1917 г.: Февральском и Октябрьском переворотах, июльском политическом кризисе, выступлении генерала Л. Г. Корнилова. Рассмотрены главные законодательные акты новой власти в отношении армии: Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и «Декларация прав солдата и гражданина», их влияние на развитие внутренней ситуации в армии. Уточняются этапы и специфика взаимодействия политического руководства и высшего военного командования.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская армия, Февральская революция, политический процесс, политическая борьба, Октябрьская революция.

Участие вооруженных сил России в революционных событиях 1917 г. – не новый сюжет для отечественной историографии. Однако в течение почти ста лет его изучения историками предметность этих исследований постепенно менялась: от «армии», понимаемой как государственный институт, характеризующийся внутренним функциональным единством, к «армии» как специфическому социальному организму, эволюционирующему в сложной общественно-политической обстановке. В ранний период изучения проблемы авторы готовы были лишь в общих чертах воссоздать ее фактологически [Деникин, 1991; Мартынов, 1927]. Для советской историографии было свойственно внимание к вооруженным силам как участнику и пространству революционной борьбы [Муратов, 1958; Соболев, 1985]. В современных исследованиях армия предстает не только как институт, но и как сообщество военнослужащих, которые в условиях кризиса государства и общества выступают видными акторами политического процесса [Базанов, 2003; Назаренко, 2011; Тарасов, 2017].

В категориях политической науки вооруженные силы государства обычно не рассматриваются в качестве политического субъекта, поскольку, будучи по существу инструментом власти, не являются носителями самостоятельных политических интересов. Однако кризис государственности, охвативший Россию в 1917 г., обнаружил неспособность традиционных политических институтов исполнять свою миссию и выдвинул на арену политической борьбы новых участников. Одним из них стала армия военного времени, возникшая в результате массовой мобилизации и отличавшаяся от довоенной, кадровой армии составом, структурой и значением в жизни государства. Ее качества и потенциал определялись уровнем культуры и образования

наиболее многочисленных групп населения – крестьян и рабочих. В этой связи, достойно внимания, что в преддверие войны некоторые компетентные современники с опасением относились к перспективам всеобщей мобилизации – «вооружения народа». В 1910 г. кн. В. С. Кочубей на страницах своей книги, посвященной проблемам национальной обороны, отмечал, что в условиях большой войны масса российского населения останется равнодушной к исходу вооруженной борьбы России с врагом, ибо большинство народа исторически отчуждено от интересов государства в области внешней политики [1910. С. 283–284].

За годы мировой войны в армию и на флот было призвано около 14 млн мужчин преимущественно в возрасте 20–40 лет, т. е. наиболее активных в трудовом и социальном отношении. К началу революции около 6,5 млн чел. находилось в рядах действующей армии на фронте и не менее 2,5 млн проходили подготовку в тылу [Головин, 2001. С. 170–174]. Социальный облик солдатской и матросской массы мало отличался от довоенного и более чем на 80 % был представлен выходцами из крестьянской среды. Рост численности офицерства вызвал заметную его демократизацию, которая коснулась, однако, лишь младших офицерских чинов [Гребенкин, 2015. С. 98–101].

В высших военных кругах господствующее положение сохранили представители прежней военно-государственной элиты, чье влияние и участие в политической жизни страны неизмеримо возросло. Огромная власть и видное место в системе государственного управления принадлежало созданной для руководства армией на театрах военных действий Ставке Верховного главнокомандующего. К моменту Февральской революции высшее воинское начальство оказалось втянутым в соперничество политических сил и группировок и поэтому уже не являлось надежной опорой власти в случае внутренних волнений.

В начале 1917 г. состояние и настроения армии в основном отвечали тому отношению к войне, которое складывалось в обществе, а именно – непопулярности войны и политического руководства страны. Уже февральско-мартовские события выявили заметную, а в некоторых случаях решающую роль войск и военного командования в политическом перевороте. Если многочисленная действующая армия, находившаяся вдали от главных политических центров, оказалась перед фактом совершившихся перемен, то тыловые части, в первую очередь размещенные в крупных и особенно столичных городах, были их активными участниками. Настроения солдатского контингента запасных частей, состоявшего как из новобранцев, так и фронтовиков, вернувшихся в строй после ранений, были далеки от военного энтузиазма, а политическая агитация, которая велась революционными организациями, находила среди солдат отклик, особенно в связи с ее антивоенной направленностью. По признанию очевидцев, даже в столице запасные батальоны не могли считаться полноценными воинскими частями и представляли собой «полчища», взрывоопасный материал, продукт затянувшейся войны¹.

Накануне революционных событий в Петрограде власти полагали войска столичного гарнизона своей главной опорой в борьбе с беспорядками. Между тем об их низкой надежности было известно как охранному ведомству, так и командованию, но ни те, ни другие, вероятно, не оценили вполне опасность ситуации [Глобачев, 2009. С. 115]. Это подтвердили первые дни восстания в Петрограде, когда не только солдаты, но и казаки крайне неохотно исполняли приказы по противодействию массовым митингам и демонстрациям. Переломным пунктом всей Февральской революции стало начавшееся утром 27 февраля восстание частей гарнизона, определившее окончательный успех переворота в столице. Его триумф олицетворяли шествия воинских частей к Таврическому дворцу 28 февраля – 1 марта, когда полковые колонны, возглавляемые офицерами, двигались в полном порядке, с оркестрами, украшенные революционной символикой. К этому моменту представители войск и военных учреждений Петрограда активно участвовали в работе руководящих органов восстания. В составе революционного штаба, действовавшего при Временном исполкоме Петроградского Совета рабочих депутатов, находились делегаты от восставших полков, а только что образованную Военную комиссию

¹ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 528. Л. 11.

Временного комитета Государственной думы составили офицеры Генерального штаба во главе с депутатом Думы подполковником Б. А. Энгельгардтом [Мстиславский, 1922. С. 25].

Не оправдались планы властей использовать для укрепления столичного гарнизона надежные фронтовые контингенты. «Надежность» войск, понимаемая как подчинение начальникам и дисциплинированность в условиях фронта, не означала их готовности к исполнению полицейских и карательных функций в тылу. Выделяемые с фронтов части, достигавшие предместий Петрограда, входили в соприкосновение с населением и войсками гарнизона и очень быстро заявляли о своей солидарности с восставшим народом [Мартынов, 1927. С. 148]. В российской провинции, где события переворота не носили столь драматичного характера как в крупных центрах, воинские части и учреждения склонны были занимать выжидательную позицию, но немедленно подчинились Временному правительству, как только стали определяться итоги внутреннего противостояния [Бурджалов, 1971. С. 167–192].

Не менее важной стороной участия вооруженных сил в Февральской революции следует считать ту определяющую роль, которую сыграло в перевороте высшее командование действующей армии. Ставка Верховного главнокомандующего в лице ее наиболее влиятельного руководителя – начальника штаба Ставки генерала М. В. Алексева отказалась от поддержки монарха, найдя точки взаимопонимания с думской оппозицией, и показала себя как самостоятельная сила, способная вести собственную политическую интригу. В политическом выборе генералитета сказались усиленно пропагандируемые либералами настроения недовольства правительством, происками «темных сил», виновных в неудачах армии, и мнение о том, что политические перемены в стране приведут к победам на фронте. Начавшееся в столице народное восстание внушало военной верхушке огромную тревогу, так как ставило на карту успех войны. Ради его прекращения Алексеев и его подчиненные выступили организаторами отречения Николая II, заказчиками которого являлись руководители думской оппозиции.

Новая российская власть практически целиком унаследовала прежние вооруженные силы и систему управления ими со всеми их характерными чертами, проблемами и пороками. Образ российской армии и флота в контексте политического процесса 1917 г. хранит некоторые стереотипы, которые затрудняют уяснение ее подлинного места в событиях революции. Общепринятый сценарий, описывающий судьбу армии в революционном 1917 г., сводится к развивавшимся параллельно процессам демократизации и политизации, вызвавшим неизбежное разложение и распад армии как государственного института и устойчивой социальной структуры. Данный феномен заслуживает внимания, так как распространенным остается представление о том, что армия была «заражена» вирусом разложения извне и в условиях общественно-политического кризиса выступала пассивным объектом воздействия внешних сил: Временного правительства, демократических организаций, левых партий, вольно или невольно направлявших свои усилия на ее разрушение. Между тем в революционные месяцы армия показала себя самобытной социальной силой, способной повлиять, а в некоторых случаях направить политические процессы в масштабах всей страны.

Важнейшим актом, положившим начало демократизации и, как следствие, предопределившим разложение армии, принято считать Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Изданный 1 марта 1917 г. Приказ № 1 предназначался гарнизону Петрограда, но, получив широкое распространение с помощью печати и телеграфа, был с энтузиазмом воспринят солдатской массой и начал вводиться в жизнь явочным порядком. Воспрепятствовать этому не в состоянии оказались ни приказы и распоряжения командования, ни последовавшие Приказ № 2 и воззвание Исполкома Петроградского Совета, разъяснявшие ограниченный характер Приказа № 1. Среди причин этого А. И. Деникин, который, конечно, не являлся сторонником Советов, признавал впоследствии, что успех Приказа № 1 определялся тем, что его положения соответствовали ожиданиям перемен в солдатской массе [1991. С. 138]. По широко распространенному убеждению представителей командования всех уровней, Приказ № 1 положил начало развалу дисциплины в армии и противостоянию солдатской массы офицерам. Типичным является мнение А. С. Лукомского, утверждавшего, что приказ «в корне подрывал

дисциплину, лишая офицерский командный состав какой-либо власти над солдатами» [Из воспоминаний генерала Лукомского, 1921. С. 30].

Тем не менее собственно политический переворот и первые шаги демократизации армии не являлись первопричиной связываемого обычно с ними развала дисциплины и разложения, признаки которого наблюдались в войсках в течение предшествующих военных лет. С началом революции обострились и приняли более очевидные формы все социальные конфликты, в том числе и те, которые в армии воплощались в разобщенности солдатской массы и офицерства. Приказ № 1 призывал к строжайшему соблюдению дисциплины при исполнении служебных обязанностей. Ущерб же авторитету командования можно было усмотреть лишь в появлении комитетов – формы общественного и политического контроля в армии, нарушавшей полновластие офицерского корпуса. Солдатский протест ранее, как правило, стихийный с возникновением комитетов приобретал черты организованного политического протеста и уже не мог быть погашен чисто дисциплинарными мерами командования. Борьба за преобладание в войсковых комитетах и представительных органах, отстаивание интересов различных групп и течений в армейской среде стали важнейшим направлением политической активности военнослужащих в 1917 г.

Если поддержка революции солдатской массой определялась представлениями о справедливости демократических новшеств и ожиданием скорого мира, то реакция офицерства отразила его внутреннюю неоднородность, ставшую причиной будущего раскола. Политизация армии в условиях развития революционного процесса в 1917 г. обычно связывается с поведением солдатской массы, однако с первых дней революции шаги к самоорганизации предпринимала наиболее энергичная часть генералитета и офицерства. В силу провозглашаемых лозунгов и задач получала политическую направленность. Одной из инициатив этого рода следует считать образование в Петрограде в начале марта 1917 г. Совета офицерских депутатов, политически ориентированного на Временное правительство и Советы рабочих и солдатских депутатов. В дальнейшем Советы офицерских депутатов возникли и организационно оформились не только в столице, но и в ряде крупных городов, а также на фронте. Их образование и деятельность в Петрограде и на местах происходили без санкций и участия высшего командования действующей армии, что вызывало растущее раздражение с его стороны.

Особенно враждебное отношение генералитета было вызвано сотрудничеством Советов офицерских депутатов с Советами рабочих и солдатских депутатов, участием в подготовке «Декларации прав солдата и гражданина» и работе комиссии генерала А. А. Поливанова по реформированию армии. На этом фоне среди офицеров Ставки также высказывалось мнение о необходимости «своей» офицерской организации, которая действовала бы под контролем командования. Таковой стал образованный в мае 1917 г. при Ставке Союз офицеров армии и флота, провозгласивший среди своих целей всемерное содействие восстановлению дисциплины и боеспособности войск для доведения войны до победоносного завершения. Создание Союза отражало и наметившееся недовольство высших военных кругов политикой правительства в отношении армии. Если первоначально основной формой активности Союза являлась пропагандистская работа, то в июле-августе 1917 г. его руководители обратились к конспиративным контактам с другими военными организациями и командованием, приняв участие в подготовке выступления генерала Л. Г. Корнилова [Кожевин, 2005. С. 139–142].

Распространенным явлением в политической жизни страны весной-летом 1917 г. являлось участие представителей офицерства в создании и деятельности многочисленных военно-общественных организаций, заявлявших своей целью поддержание в армии и обществе воинского духа и традиций. Наконец, характерным для этого периода следует считать возникновение в военной среде организаций и кружков, носивших чисто конспиративный характер и создававшихся явно с прицелом их использования при установлении военной диктатуры. Одна из первых подобных организаций была основана на Юго-Западном фронте генералом А. М. Крымовым. Другой пример такой работы относится к весне 1917 г., когда в Петрограде генерал-майором бароном П. Н. Врангелем и полковником графом А. П. Паленом была создана тайная военная организация со своим штабом, разведкой, хорошо поставленной связью,

опиравшаяся на молодых офицеров армейских и гвардейских частей столичного гарнизона. Конспиративные связи с военными усиленно налаживал созданный представителями правых партий и деловых кругов «Республиканский центр». Его руководители К. В. Николаевский и П. Н. Финисов видели целью своей организации установление в России власти военного диктатора, которым должен был стать один из влиятельных военачальников.

Политическая активность крупных должностных лиц военного ведомства зачастую определялась их личной инициативой и индивидуальным выбором. В условиях углублявшегося кризиса власти к конспиративной деятельности обращались многие видные военные администраторы, разочарованные действиями официальных властей и структур. Полковник Б. А. Энгельгардт, вспоминая об одной из встреч с начальником Главного управления Генерального штаба генералом П. И. Аверьяновым. Тот прямо утверждал, что опасность для власти и армии исходит от вождя большевиков Ленина и считал необходимым устранить его физически: «Мы назначили за его голову 200 тысяч рублей золотом...». Нашелся даже желающий – боевой офицер, эсер, но он не вызвал доверия².

В политическую борьбу, охватившую страну и армию 1917 г., вовлекались не только отдельные военнослужащие, их группы и самостоятельные организации, но и официальные военно-административные структуры. В сравнении с дореволюционным периодом в аппарате Временного правительства Военное министерство занимало наиболее влиятельное положение, а министерский пост принадлежал видным политическим деятелям, которые во многом определяли политику кабинета. Смена военных министров происходила в результате политических кризисов апреля и августа, что подчеркивает их ключевое положение в правительстве. В июле-августе 1917 г., когда пост военного министра сохранял за собой глава кабинета А. Ф. Керенский, была введена должность управляющего Военным министерством. Ее занимал известный деятель эсеровской партии Б. В. Савинков, которому принадлежала ведущая роль в организации взаимодействия политического руководства и Ставки Верховного главнокомандующего. В свою очередь по представлению военного министра теперь осуществлялись назначения Верховного главнокомандующего. Каждый Верховный главнокомандующий 1917 г. являлся креатурой соответствующего военного министра. Так, назначение М. В. Алексева состоялось только благодаря влиянию А. И. Гучкова, кандидатуры А. А. Брусилова и Л. Г. Корнилова были выбором А. Ф. Керенского и отвечали его политическим замыслам, лишь А. И. Верховский не имел возможности назначить «своего» Главкомверха, так как этот пост оставил за собой по совместительству министр-председатель Керенский.

Принципиально новым явлением для всей российской армии стало формирование политического аппарата Военного министерства. Первым шагом к нему было образование в структуре министерства Комиссии «для переработки законоположений и уставов в точном соответствии с новыми правовыми нормами под председательством генерала А. А. Поливанова». К ее задачам относилось обновление командного состава армии, подготовка декларации о гражданских правах военнослужащих, выработка предложений по улучшению их служебного и материального положения, об изменении порядка награждения солдат и офицеров, о войсковых комитетах в армии. Итогом работы комиссии Поливанова стала «Декларация прав солдата и гражданина», регламентировавшая взаимоотношения военнослужащих в новых условиях. Подготовленная совместно с военной секцией Исполкома Петросовета «Декларация...» стала результатом политического компромисса и сочетала весьма противоречивые положения. С одной стороны, она требовала строгого соблюдения воинской дисциплины, допускала применение начальниками оружия, отрицала принцип выборности командного состава, с другой – подтверждала гражданские права военнослужащих, в том числе право состоять в любых политических и общественных организациях и открыто высказывать свои взгляды, разрешало применение наказаний только в судебном порядке, отменяло обязательное отдание воинской чести. Такой документ не мог оправдать ожиданий высшего командования и послужить для восстановления в армии традиционного порядка. За это А. И. Деникин обвинял офицер-

² НИОР РГБ. Ф. 218. Ед. хр. № 384. С. 43.

ский состав поливановской комиссии в «преступном оппортунизме» [1991. С. 301]. Уяснив реакцию Ставки, подписать «Декларацию...» отказался и сам Гучков, что стало одной из причин его отставки.

Приход в Военное министерство А. Ф. Керенского знаменовал два важных нововведения политического характера. Девятого мая 1917 г. Керенским был подписан текст «Декларации прав солдата и гражданина», что стало очередным шагом по пути противостояния между властью и генералитетом, отстаивавшим традиционные армейские устои. В те же дни исполкомом Петросовета были назначены первые военные комиссары в штабы фронтов и армий. С июля эти назначения и руководство комиссарами осуществляло правительство на основании ряда положений, утвержденных военным министром [Солнцева, 2002. С. 86–87]. Введение подобного контрольного органа в войсках не могло достигнуть поставленных перед ним целей содействия демократическим преобразованиям в армии. Если начальники видели в комиссарах угрозу своему авторитету и влиянию, то для солдат они являлись представителями чужеродной власти, ратовавшей за продолжение войны.

События июльского политического кризиса потребовали от лидеров Временного правительства усиления пропагандистской работы и политического контроля в армии. С этой целью 3 августа приказом военного министра и министра-председателя А. Ф. Керенского было образовано Политическое управление Военного министерства. Первым исполняющим должность начальника управления стал офицер военного времени, поручик Ф. А. Степун, до войны – доктор философии, близкий к эсерам. Политическое управление Военного министерства не случайно появилось в августе 1917 г., так как задумывалось для военно-административного и пропагандистского сопровождения корниловской программы оздоровления обстановки в стране и армии [Сенин, 1995. С. 145].

Центральной проблемой политической жизни России между Февралем и Октябрем 1917 г., несомненно, оставался вопрос о продолжении войны. Являясь решающим для будущего политической власти, он в наибольшей степени касался судьбы армии и интересов военнослужащих. Отношение к войне стало главным пунктом, вокруг которого развернулось противостояние в армейской среде. Настроения солдатских масс в значительной мере были связаны с убеждением в том, что следствием революционного переворота непременно станет прекращение войны – одного из порождений прежнего несправедливого общественного устройства. Следствием растущих антивоенных устремлений солдат и матросов становилось быстрое падение дисциплины и боеспособности. Примечательно, что высшее военное начальство склонно было совершенно снять с себя ответственность за состояние войск, объясняя его исключительно демократическими новшествами и масштабами антивоенной пропаганды. В докладах военного командования правительству усиленно акцентировалось внимание на деятельности делегатов политических партий и организаций, ведущих антивоенную агитацию в армии и тем подрывающих ее боевой дух. Вместе с тем власти не отказывались от ведения агитации противоположного, «оборонческого» толка, которая осуществлялась при поощрении командования. Для ее организации были мобилизованы значительные силы и средства правительства, политических партий и общественных организаций, усиленно пропагандировавших правительственную линию на продолжение войны [Сенин, 1990. С. 213]. Можно утверждать, что весной-летом 1917 г. армия как в тылу, так и на фронте стала ареной пропагандистского противоборства партии «войны» и партии «мира», в котором по принципу большинства победа досталась последней.

Очевидцы этих событий обращали внимание на то, что выбор солдат в тех условиях не являлся политическим по форме, т. е. не означал сознательной и последовательной поддержки той или иной партийной платформы [Брусилов, 2001. С. 208–209]. В действительности, в силу низкого уровня грамотности и традиционной ментальности, вчерашние крестьяне слабо воспринимали политическую пропаганду любого рода, но по крупницам извлекали из нее то, что было понятно и отвечало их представлениям и интересам. При этом непонимание и неприятие войны солдатской массой пересиливало как агитаторский пафос, так и доводы командиров. Начав-

шееся 16 июня наступление войск Юго-Западного фронта обернулось катастрофой под Тарнополем в первую очередь из-за отказа войск сражаться.

Прогрессировавшие процессы разложения и катастрофическое падение боеспособности армии приводили представителей командования и сторонников поднятия дисциплины и порядка к закономерной идее формирования особых частей, построенных на принципах добровольчества. Авторы подобных проектов полагали, что такие части, вобрав в себя весь наиболее боеспособный элемент, выступят примером для солдатских масс и смогут увлечь их за собой, что приобретало особую актуальность в связи с готовящимся летним наступлением на фронте. Формирование ударных частей и частей «смерти» приобрело летом 1917 г. заметный размах и превратилось из явления чисто военно-организационного в масштабную политически окрашенную кампанию, охватившую не только действующую армию, но и тыл, повлиявшую на развитие гражданского конфликта в стране. Обострение политической борьбы быстро изменяло взгляды командования и политического руководства на цели и перспективы добровольческих формирований. Если на первых порах они рассматривались для боевого применения на фронте и одновременно как средство воспитательного воздействия на остальные войска, то обстоятельства летнего наступления и последовавшего за ним политического кризиса заставили власти и военную верхушку увидеть в ударниках свою единственную вооруженную опору в случае внутреннего противостояния.

Июльские события в Петрограде, в которых воинские контингенты и организации стали активными участниками по обе стороны конфликта, свидетельствовали о глубоком расколе в армии, отвечавшем ведущим общественно-политическим тенденциям. В этих условиях представители высшего военного командования готовы были выступить как самостоятельная политическая сила, выражавшая национальные интересы. Их позиция была заявлена на созванном в Ставке 16 июля 1917 г. совещании, которое вполне может считаться этапным событием во взаимоотношениях государственной власти и военного руководства. Центральное место в ходе совещания заняло выступление генерала А. И. Деникина, который упрекнул военного министра А. Ф. Керенского, а отчасти и Верховного главнокомандующего А. А. Брусилова, в незнании и неверных оценках состояния войск и предложил совокупность мер, которые должны были, по его мнению, положить предел разрушению армии. По существу они предполагали отказ политического руководства от вмешательства в дела армии и восстановление полновластия командования. Аналогичную позицию заявил Л. Г. Корнилов, отсутствовавший в Ставке, но направивший в адрес совещания телеграмму [Гребенкин, 2015. С. 341–342]. Требования Деникина и Корнилова звучали как политическая декларация от имени всего командования и офицерства русской армии – самостоятельной социальной силы, значение и место которой должны быть признаны государством. Не случайно эмигрантский исследователь, генерал Н. Н. Головин отмечал, что большинство указанных мер могли быть осуществлены только силовыми способами в условиях военной диктатуры [1937. С. 135].

На июль-август 1917 г. приходится период кратковременного альянса политического руководства и военного командования, основанного на частичном совпадении интересов. Верховная военная власть в лице нового Главковерха Л. Г. Корнилова и власть политическая в лице министра-председателя А. Ф. Керенского двинулись навстречу друг другу, рассчитывая овладеть ситуацией в армии и в стране. Достижение этих целей представлялось возможным только с использованием самых радикальных методов. Корнилов выступил инициатором восстановления смертной казни на фронте, которая последовала 12 июля 1917 г., однако и до этого в практику вошли бессудные расстрелы дезертиров и нарушителей дисциплины, осуществлявшиеся карательными отрядами добровольцев-ударников. [Ратьковский, 2015. С. 51–56]. В сложившейся реальности подобная политика «закручивания гаек» со стороны властей лишь провоцировала встречную волну насилия и необратимо превращала армию в пространство гражданской войны.

Проект установления твердой власти в интересах продолжения войны не мог готовиться открыто и поэтому приобрел характер заговора между Временным правительством и Ставкой Верховного главнокомандующего. Однако довести его до реализации оказалось невозможным

при отсутствии взаимного доверия и уважения участников. Разрыв между ними привел к выступлению генерала Корнилова против правительства и августовскому политическому кризису, в котором роль вооруженных сил была ведущей и раскрылась новыми гранями. Во-первых, Ставка выступила в них как самостоятельная сторона конфликта, представлявшая интересы «военной» партии, с крайне правых позиций. Во-вторых, обнаружилось отсутствие единства даже в высших военных кругах, так как абсолютное большинство военачальников воздержалось от активной поддержки Корнилова и сохранило подчинение правительству. Наконец, с особой остротой выявила себя проблема «надежных» войск, ибо части, вовлеченные в корниловскую авантюру, не показали решимости идти за своими начальниками до конца.

Ликвидация корниловского выступления правительством при широкой поддержке демократических сил заметно изменяла весь политический спектр России. Устранив его правое крыло в лице мятежных генералов, Керенский с новым «республиканским» правительством автоматически смещался от центра вправо и особенно нуждался в поддержке военных. Позиция военной верхушки осенью 1917 г. определялась не столько лояльностью правительству Керенского, сколько стремлением противостоять растущему влиянию Советов и большевиков. С санкции правительства Ставка приступила к подготовке нового контрреволюционного выступления, известного в отечественной исторической литературе под названием «второй корниловщины» [Поликарпов, 1990. С. 289–326]. В течение сентября-октября 1917 г. осуществлялись весьма масштабные перемещения войск с фронтов в тыл, в направлении Петрограда и других крупных промышленных и транспортных центров. Эти мероприятия с тревогой воспринимались левыми и демократическими силами и повлияли на решение большевистского руководства о захвате власти.

События Октябрьского переворота в Петрограде невозможно представить без участия воинских формирований. Значительная часть столичного гарнизона сохраняла нейтралитет, но на его «полюсах» определились наиболее политизированные контингенты. Солдаты запасных гвардейских полков и моряки-балтийцы были главной вооруженной силой на стороне Военно-революционного комитета. Правительство опиралось на юнкеров военных учебных заведений и ударные части, но они ни численно, ни по боевым возможностям не в состоянии оказались противостоять восстанию [Соболев, 1985, С. 244–262]. Как и в Феврале, исход событий решался не во властных и штабных кабинетах, а на городских улицах и в окрестностях Петрограда усилиями самых массовых вооруженных участников – солдат и матросов.

В современной российской историографии получила распространение и признание концепция «человека с ружьем» – эмансипированного от государства военнослужащего, подменяющего собой бессильную либо лишенную авторитета власть [Булдаков, 1997. С. 373]. В действительности «человек с ружьем» был все же не единственным продуктом развала старой армии. На ее руинах возникали новые явления, структуры, течения, которым предстояло сыграть свою роль на очередном этапе политической борьбы.

Среди множества исторических precedентов, которыми был отмечен для России 1917 г., один из главных, вероятно, может быть понят так: впервые в эпоху модернизации большинство российского населения получило возможность оказать решающее воздействие на развитие политической ситуации и, как следствие, облик и судьбу страны. В отсутствие легитимных демократических институтов и традиций массы изъясляли свою волю непосредственным действием. В этих условиях многомиллионная армия военного времени выступила как наиболее влиятельная «коллегия выборщиков», проголосовавшая за мир и общественное переустройство.

Список литературы

Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М.: ИРИ РАН, 2003. 306 с.

Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОС-СПЭН, 1997. 376 с.

- Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. 463 с.
- Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
- Головин Н. Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 годах. Ч. 1–5. Приложение к «Иллюстрированной России» на 1937 год. Таллин: [Б. и.], 1937. 840 с.
- Гребенкин И. Н.* Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 528 с.
- Кожевин В. Л.* Деятельность Союза офицеров армии и флота (май – август 1917 г.) // *Вопр. истории.* 2005. № 9. С. 137–142.
- Кочубей В. С.* Вооруженная Россия, ее боевые основы. Париж: [Б. и.], 1910. 306 с.
- Мартынов Е. И.* Царская армия в Февральском перевороте. Л.: Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. 212 с.
- Муратов Х. И.* Революционное движение в русской армии в 1917. М.: Воениздат, 1958. 392 с.
- Назаренко К. Б.* Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М.: Квадрига, Русская панорама, 2011. 488 с.
- Поликарпов В. Д.* Военная контрреволюция в России. 1905–1917 гг. М.: Наука, 1990. 389 с.
- Ратьковский И. С.* Восстановление в России смертной казни на фронте летом 1917 г. // *Новейшая история России.* 2015. № 1 (12). С. 48–58.
- Сенин А. С.* Военное министерство Временного правительства. М.: «Вече», 1995. 498 с.
- Сенин А. С.* Корниловская альтернатива // *Историки отвечают на вопросы.* М., 1990. Вып. 2. С. 211–228.
- Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л.: Наука, 1985. 311 с.
- Солнцева С. А.* Комиссары в армии революционной России (февраль 1917 г. – март 1918 г.) // *Отечественная история.* 2002. № 3. С. 83–99.
- Тарасов К. А.* Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 – март 1918 г.). СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2017. 376 с.

Список источников

- Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. 464 с.
- Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009. 519 с.
- Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. 520 с.
- Из воспоминаний генерала Лукомского // *Архив русской революции.* Изд. И. В. Гессеном. Берлин: Слово, 1921. Т. 2. С. 14–44.
- Мстиславский С. Д.* Пять дней: Начало и конец февральской революции. Берлин; Пг.; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 164 с.

I. N. Grebenkin

*S. Esenin Ryazan State University
46 Svoboda Str., Ryazan, 390000, Russian Federation*

grin17.66@mail.ru

THE WAR TIME ARMY IN A POLITICAL PROCESS OF RUSSIA 1917

The crisis of the statehood in Russia in 1917 revealed the inability of traditional political institutions to execute its primary responsibilities which allowed new participants into the arena of the political struggle. One of these was the new army having appeared as a result of mass mobilization, however much different from a typical pre-war full-time army with its personnel, structure and its place in state life. In early 1917 the state and attitude of the army was similar to that of the general societal population, in particular the unpopularity of both the war and the political leadership of the country. The army participation was essential to the February Revolution victory. The Petrograd infantry revolt within military ranks defined the final success of the coup in the capital, and the Supreme Commander's Headquarters agreed with the opposition and became an organizer of the Emperor recantation. Revolutionary changes gave an impulse to the politicization of army life. Soldiers' and sailors' anti-military ambition growth led to the rapid decline of discipline and fighting efficiency. In the summer of 1917, a number of generals headed by general L. G. Kornilov offered the government a number of proposed strong measures directed towards the recovery of discipline within the country and army. The intention to put in place a steady regime in the interests of continuing the war could not be coordinated openly, therefore it obtained a conspiracy nature between the Provisional Government and the Supreme Commander's Headquarters. The realization of it became impossible in the absence of the participants' mutual confidence and respect. The breakdown between them became the cause of the August political crisis and future radicalization of internal conflict. Military contingents became the main military power of the October Revolution in Petrograd. Soldiers' and sailors' conviction in justice of revolutionary reorganizations and waiting for the coming peace resulted in their increased influence for determining political direction.

Keywords: First World war, Russian army, February revolution, political process, political struggle, October revolution.

References

Bazanov S. N. *Bor'ba za vlast' v deistviyushej rossiiskoi armii (oktyabr' 1917 – fevral' 1918 gg.)* [The Struggle for Power in the Field Russian Army (Oct. 1917 – Feb. 1918)]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, 2003, 306 p. (in Russ.)

Buldakov V. P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Distemper. The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 376 p. (in Russ.)

Burdzhalov E. N. *Vtoraya russkaya revolyutsiya: Moskva. Front. Periferiya* [The Second Russian Revolution: Moscow. Front. Periphery]. Moscow, Nauka, 1971, 463 p. (in Russ.)

Golovin N. N. *Rossiiskaya kontrrevolyutsiya v 1917–1918 godakh* [The Russian Counter-Revolution in 1917–1918]. Pt. 1–5. *Prilozhenie k «Illyustrirovannoj Rossii» na 1937 god* [Supplement to the «Illustrated Russia» in 1937]. Tallin, 1937, 840 p. (in Russ.)

Golovin N. N. *Voennye usiliya Rossii v mirovoi voine* [Russia's Military Efforts in World War]. Zhukovsky, Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2001, 440 p. (in Russ.)

Grebenkin I. N. *Dolg i vybor: Russkii ofitser v gody mirovoi voiny i revolyutsii. 1914–1918 gg.* [Duty and Choice: Russian Officer during the Years of World War and Revolution. 1914–1918]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2015, 528 p. (in Russ.)

Kochubey V. S. *Vooruzhennaya Rossiya, ee boevye osnovy* [*Armed Russia, Its Military Bases*]. Paris, 1910, 306 p. (in Russ.)

Kozhevin V. L. Deyatel'nost' Soyuza ofitserov armii i flota (mai – avgust 1917 g.) [Activities of the Union of Army and Navy Officers (May – August 1917)]. *Voprosy istorii* [*Questions of History*], 2005, no. 9, p. 137–142. (in Russ.)

Martynov E. I. *Tsarskaya armiya v Fevral'skom perevorote* [*Tsar's Army in the February Coup*]. Leningrad, Voennaya tipografiya Upravleniya delami Narkomvoenmor i RVS SSSR, 1927, 212 p. (in Russ.)

Muratov Kh. I. *Revolutsionnoe dvizhenie v russkoi armii v 1917* [*Revolutionary Movement in the Russian Army in 1917*]. Moscow, Voenizdat Publ., 1958, 392 p. (in Russ.)

Nazarenko K. B. *Flot, revolyutsiya i vlast' v Rossii: 1917–1921* [*Navy, Revolution and Power in Russia: 1917–1921*]. Moscow, Kvadriga, Russkaya panorama, 2011, 488 p. (in Russ.)

Polikarpov V. D. *Voennaya kontrrevolyutsiya v Rossii. 1905–1917 gg.* [*Military Counter-Revolution in Russia. 1905–1917*]. Moscow, Nauka, 1990, 389 p. (in Russ.)

Ratkovsky I. S. Vosstanovlenie v Rossii smertnoi kazni na fronte letom 1917 g. [Reinstatement of the Death Penalty in Russia in the Summer of 1917]. *Noveishaya istoriya Rossii* [*Modern History of Russia*], 2015, no. 1 (12), p. 48–58. (in Russ.)

Senin A. S. Kornilovskaya al'ternativa [Kornilov's Alternative]. *Istoriki otvechayut na voprosy* [*Historians Answering Questions*]. Moscow, 1990, vol. 2., p. 211–228. (in Russ.)

Senin A. S. *Voенное министерство Временного правитель'sтва* [*Military Ministry of the Provisional Government*]. Moscow, «Veche» Publ., 1995, 498 p. (in Russ.)

Sobolev G. L. *Petrogradskii garnizon v bor'be za pobedu Oktyabrya* [*Petrograd Garrison in the Struggle for the Victory of the October Revolution*]. Leningrad, Nauka, 1985, 311 p. (in Russ.)

Solntseva S. A. Komissary v armii revolyutsionnoi Rossii (fevral' 1917 g. – mart 1918 g.) [Commissars in the Army of Revolutionary Russia (February 1917 – March 1918)]. *Otechestvennaya istoriya* [*Russian History*], 2002, no. 3, p. 83–99. (in Russ.)

Tarasov K. A. Soldatskii bol'shevizm. Voennaya organizatsiya bol'shevikov i levoradikal'noe dvizhenie v Petrogradskom garnizone (fevral' 1917 – mart 1918 g.) [*Soldiers' Bolshevism. Military Organization of Bolsheviks and Left-Wing Radical Movement in Petrograd Garrison (February 1917 – March 1918)*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2017, 376 p. (in Russ.)

Sources

Brusilov A. A. *Moi vospominaniya* [*My Memories*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, 464 p. (in Russ.)

Denikin A. I. *Ocherki russkoi smuty. Krushenie vlasti i armii. Fevral' – sentyabr' 1917 g.* [*Essays on Russian Distemper. The Collapse of Power and the Army. February – September 1917*]. Moscow, Nauka, 1991, 520 p. (in Russ.)

Globachev K. I. *Pravda o russkoi revolyutsii. Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya* [*Truth about the Russian Revolution. Memories of the Former Head of the Petrograd Security Department*]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 519 p. (in Russ.)

Iz vospominanii generala Lukomskogo [From the Memoirs of General Lukomsky]. *Arkhiv russkoi revolyutsii. Izdanie I. V. Gessena* [*Archive of the Russian Revolution. Published by I. V. Gessen*]. Berlin, Slovo Publ., 1921, vol. 2, p. 14–44. (in Russ.)

Mstislavsky S. D. *Pyat' dnei: Nachalo i konets fevral'skoi revolyutsii* [*Five Days: The Beginning and the End of the February Revolution*]. Berlin, Petrograd, Moscow, Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina, 1922, 164 p. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина

Grebenkin Igor Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, S. Esenin Ryazan State University

Для цитирования / For citation

Гребенкин И. Н. Армия военного времени в политическом процессе России 1917 года // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 78–89.

Grebenkin I. N. The Role of the War Time Army During the Political Process of Russia in 1917. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 78–89. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-78-89

УДК 329.285+329.14(571)«1919/1920»
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-90-106

В. И. Шишкин

*Институт истории СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

patric@academ.org

«ЛЕВЫЙ ДРЕЙФ» СОЦИАЛИСТОВ СИБИРИ НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ РАЗГРОМА КОЛЧАКА (КОНЕЦ 1919 – НАЧАЛО 1920 ГОДА)

Статья восполняет существующую в отечественной историографии лакуну о состоянии и поведении социалистических партий России в один из переломных этапов гражданской войны на востоке страны: во время крушения колчаковского режима и утверждения Советской власти. Быстрое и почти бескровное свержение власти Колчака в конце 1919 – начале 1920 г. на большей части территории Сибири объясняется активным участием в борьбе против белогвардейского режима социалистов. Успешное восстановление и утверждение Советской власти в Сибири после ее освобождения от колчаковщины во многом определялось поведением левых групп социалистов: их вступлением в РКП(б). Это позволило большевикам, испытывавшим острейший дефицит квалифицированных и элементарно грамотных руководящих кадров, смягчить тяжелую ситуацию.

Ключевые слова: Сибирь, гражданская война, контрреволюция, Колчак, РКП(б), Советская власть, социалисты, анархисты, меньшевики, эсеры.

Тема о социалистических партиях России в период гражданской войны была и остается в отечественной историографии в ряду достаточно актуальных. Главная причина повышенного внимания к ней не только исследователей, но и мыслящей части российской общественности заключается в том, что социалистические партии предприняли попытку претворить в жизнь альтернативный большевистскому эксперименту вариант развития России. Совершенно естественно, что вопросы о том, как этот вариант реализовывался на практике, почему он не состоялся, а социалисты потерпели поражение, попали в приоритетную зону исследовательского интереса.

Если судить по такому показателю, как количество публикаций, то нужно признать, что в советской и постсоветской историографии названные вопросы получили значительное освещение. Другое дело – полнота и достоверность использованного и введенного в научный оборот исследователями фактического материала, обоснованность, объективность и глубина сделанных ими в этих публикациях выводов.

Заметное место в отечественной историографии занимают статьи и тезисы (см.: [Плотникова, 1964; 1967; Демидов, 1972; Лившиц, 1974; Шишкин, 1983; 1984; Добровольский, 1999а; 2004а; Штырбул, 1999; 2013; Берснева, 2001; Макаручук, 2005]; и мн. др.), диссертации [Шерстянников, 1979; Шиканов, 1989; Берснева, 1995; Штырбул, 1997; Струк, 2000; Добровольский, 2004б] и книги [Гармиза, 1970; Резниченко, 1972; Штырбул, 1996; Добровольский, 1999б;

2002; Кокоулин, 2014], в которых предметом специального исследования являются социалисты Сибири во время гражданской войны.

К сожалению, нужно согласиться с утверждением компетентных специалистов, что в советской историографии история социалистических партий России, в том числе эпохи гражданской войны, подверглась существенному искажению как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях [Политические партии России, 1996. С. 5]. Эту оценку правомерно распространить на большинство статей и книг советского времени, посвященных социалистам Сибири.

Однако серьезные претензии можно предъявить и ко многим публикациям, вышедшим в свет в постсоветский период. Одни из них выполнены на ограниченной источниковой базе и зачастую повторяют уже введенный их предшественниками в научный оборот фактический материал. В других встречаются заимствования у коллег, которые можно квалифицировать как плагиат. В третьих события гражданской войны по-прежнему трактуются с марксистских методологических позиций, не позволяющих объективно проанализировать прошлое и получить адекватные выводы ¹.

Все это не позволяет считать вопросы о том, какие процессы, как и почему происходили в лагере социалистов Сибири во время гражданской междоусобицы и к каким результатам они привели, в достаточной мере изученными и верно оцененными. В том числе нуждаются в дополнительном анализе позиции и поведение разных групп социалистов накануне и сразу же после разгрома Колчака. Без их объективного освещения невозможно объяснить причины двух взаимосвязанных ключевых событий гражданской войны на востоке России: стремительного краха колчаковского режима и успешного утверждения Советской власти в Сибири.

Если проанализировать генезис широкомасштабной гражданской войны в России сквозь призму межпартийных взаимоотношений, то не будет преувеличением утверждать, что она началась как острейший конфликт внутри лагеря социалистов: между радикалами в лице большевиков, левых эсеров и части анархистов, с одной стороны, и умеренными эсерами, главную роль в рядах которых играли фракции максималистов, центристов и правых, – с другой.

Постепенная минимизация указанного конфликта, как это нередко случается в политической жизни, началась из-за появления у противоборствовавших сторон общего и смертельно опасного для них обоих врага. Им стала белогвардейская контрреволюция, которая изначально имела в антибольшевистском лагере, но в течение почти полугода находилась на второстепенных ролях и не претендовала в нем на лидирующие позиции.

Ситуация коренным образом изменилась в результате государственного переворота, осуществленного в Омске 18 ноября 1918 г.: Уфимская директория Всероссийского Временного правительства была свергнута, умеренные эсеры полностью отстранены от верховной власти и на освобожденной от большевиков территории установлена военная диктатура Верховного правителя адмирала А. В. Колчака. В результате белогвардейская контрреволюция вышла на авансцену политической жизни.

Колчаковский государственный переворот и преследования со стороны военных властей, составлявших главную опору нового политического режима, обернулись для большинства фракций и групп социалистов Сибири разгромом ряда организаций и идейным разбродом, переходом на полуправильное и нелегальное положение, утратой связей с руководящими центрами, между собой и с населением, разрушением руководящих аппаратов, самоликвидацией первичных, фрагментацией и распадом городских и губернских организаций.

Сообразуясь с новой общественно-политической обстановкой, почти все социалистические фракции и группы были вынуждены внести коррективы в свою тактику. Меньше всего времени для этого понадобилось социал-демократам, которые, по их собственному утверждению, «всегда стояли на твердой почве признания всей партией необходимости сохранения гражданского мира внутри демократии и потому были решительными противниками вооруженной борьбы с Советской властью и большевиками». Руководство большинства меньшевистских

¹ Особенно много обоснованных критических замечаний высказано о книгах В. Г. Кокоулина (см., например: [Ларьков, 2015; Суслов, 2015; Журавлев и др., 2016; Базаров, Курас, 2018; Хандорин, 2018]).

организаций Сибири, за исключением малочисленной группы плехановского «Единства», при определении своих тактических позиций всегда исходило «из признания единого социалистического фронта» (Социал-демократ. 1920. 21 марта).

Намного больше времени для пересмотра своего отношения к гражданской войне, к большевикам и Советской власти потребовалось эсерам. Их ЦК считал необходимым создать из социалистических и демократических элементов «третью силу» и вести борьбу на два фронта: против большевиков и против белогвардейской контрреволюции.

Претворить в жизнь главную тактическую установку своего ЦК из-за недостатка для этого реальных сил эсеры не смогли. В конечном счете почти все эсеры Сибири, кроме незначительной группы так называемых «воленародовцев», были вынуждены отказаться от такой тактической установки. Но разные эсеровские фракции и группы проделали этот путь за разное время. Особенно долго не могли определиться в данных вопросах центристы и правые эсеры, с весны 1919 г. возглавлявшие Всесибирский краевой комитет партии. Сибкрайком эсеров не без оснований опасался, что в случае перехода к вооруженной борьбе против колчаковцев «волна вновь перекатится через наши головы и мы сыграем, так сказать, на руку большевикам» (Воля России. 1920. 5 нояб.).

Только в конце октября 1919 г. эсеры Сибири изменили состав своего крайкома и пересмотрели тактику. Эти изменения произошли под влиянием ряда факторов. Большинство историков вполне правомерно называли в качестве решающих два из них: победы, одержанные летом-осенью 1919 г. Красной армией над белыми на Урале и в Западной Сибири, а также рост масштабов партизанского движения в колчаковском тылу ².

Между тем Сибкрайком эсеров пересмотр своей тактики объяснял главным образом совсем другими причинами. Он утверждал, что политические события гражданской войны «настолько тесно связали в представлении широких масс населения мысль о нашей якобы связи с колчаковщиной, что мы должны были вполне определенными и ясными для каждого действиями реабилитировать себя в глазах трудящихся». К тому же «малая активность и долгий отказ перейти к вооруженной борьбе с Колчаком сильно нервировали многие партийные круги и особенно нашу молодежь» (Воля России. 1920. 5, 6 нояб.).

С конца октября 1919 г. вместо борьбы на два фронта Сибкрайком эсеров поставил перед членами партии принципиально иные задачи: свержение диктатуры Колчака, установление однородной социалистической власти, созыв в Сибири представительного органа, прекращение гражданской войны внутри российской демократии, установление договорных отношений между советской Россией и демократической Сибирью [Путь борьбы, 1923. С. 14–15] (Воля России. 1921. 10 марта) ³. Тем самым все фракции и группы партии эсеров, бывшей летом-осенью 1918 г. главным противником большевиков, теперь допускали возможность совместной с ними борьбы против белогвардейской контрреволюции. В жизнь стал воплощаться новый эсеровский лозунг: врозь идти, вместе бить. Это был, конечно, серьезный поворот «влево», но никак не для союза с большевиками. Более того, некоторые эсеры соглашались сделать такой шаг только при условии, что их борьба против Колчака не приведет к поддержке большевистской власти.

В результате с ноября 1919 г. резко активизировалась деятельность руководимого социалистами антиколчаковского городского подполья. Благодаря этому, в конце ноября 1919 – начале января 1920 г. все губернские города Сибири, кроме Омска, в который Красная армия вошла 14 ноября 1919 г., были освобождены повстанцами еще до прихода регулярных красных войск [Шишкин, 1978. С. 122–154; Посадсков, 2009; Ларьков, 2011]. Столь быстрое и почти бескровное свержение власти Колчака на большей части территории Сибири во многом явилось результатом активного участия социалистов в борьбе против белогвардейского режима, которое

² Не имеет под собой никакого фактического основания попытка А. В. Добровольского объяснить изменение тактики Сибкрайкома влиянием двух малочисленных в то время групп: Сибирского союза эсеров и Автономной сибирской группы социалистов-революционеров (см.: [Добровольский, 2003. С. 60]).

³ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

привело к стихийному возникновению на отдельных территориях локальных участков «единого революционного фронта».

Однако большевики – как местные, сибирские, так и пришедшие с Красной армией из советской России – по-прежнему третировали умеренных социалистов как пособников буржуазии, видели в них своих политических противников и врагов диктатуры пролетариата. Отсюда вытекало их отношение к созданным повстанцами органам власти. В Барнауле, Семипалатинске и Томске такие органы были ликвидированы и заменены назначенными сверху по распоряжению Сибирского революционного комитета и его сотрудников ревкомками, состоявшими из коммунистов и им сочувствующих. В Красноярске и Иркутске они были вынуждены передать свои полномочия военревкомкам, организованным местными большевиками и левыми эсерами.

Несмотря на такое развитие событий, социалисты восприняли восстановление Советской власти как возможность для возобновления своей легальной деятельности. Они приступили к созданию инициативных групп, которые свою первейшую задачу видели в выявлении товарищей по взглядам и восстановлении партийных организаций. В конце ноября 1919 – марте 1920 г. соответствующие попытки в Омске предприняли социал-демократы-интернационалисты, левые эсеры-интернационалисты (революционные коммунисты), эсеры-максималисты, автономная группа эсеров-интернационалистов, меньшевики и поалей-ционисты, в Семипалатинске – социал-демократы-интернационалисты и эсеры ⁴, в Барнауле – меньшевики и эсеры, в Бийске – эсеры, в Новониколаевске – левые эсеры, эсеры, меньшевики и польские социалисты, в Томске – анархисты-синдикалисты, эсеры, левые эсеры-интернационалисты, меньшевики и сионисты, в Красноярске – анархо-синдикалисты и эсеры, в Енисейске – эсеры, в Иркутске – эсеры, левые эсеры, левые эсеры-автономисты, меньшевики, анархисты (объединенные), бундовцы, поалей-ционисты и польские социалисты.

Затем эти инициативные группы приступили к обсуждению главных тактических вопросов: об отношении к большевикам и Советской власти. Совершенно естественно, что в силу разнородности социалистической среды в ней быстро обнаружились разные, в том числе противоположные, точки зрения. Например, на состоявшемся 25 ноября 1919 г. собрании Омской группы Российской социалистической рабочей партии интернационалистов (РСРП(и)) обнаружились два мнения: одно – за сохранение собственной партийной организации и активную помощь коммунистам в их борьбе против контрреволюции и в возрождении экономики страны, другое – за слияние с РКП(б) ввиду отсутствия с ней принципиальных разногласий. За второе предложение проголосовало 18 чел., против него – 12 и двое воздержались (Советская Сибирь. 1919. 27 нояб.).

19 декабря 1919 г. состоялось общее собрание томских социал-демократов. В качестве основного докладчика выступал в недавнем прошлом правый меньшевик и оборонец Д. И. Розенберг, который, правда, незадолго до того сблизился с известным большевиком Я. Д. Янсоном. Д. И. Розенберг по сути дела призывал отказаться от партийной программы-минимум и высказался за возможность построения экономики России на социалистических началах. Ему оппонировали Шнеер и другие, считавшие, что для принятия такого решения нет ни необходимых данных, ни авторитетных указаний ЦК.

В результате предложенная Д. И. Розенбергом резолюция не получила большинства голосов. Удалось принять только резолюцию о поддержке Советской власти как «единственно революционной силы, ведущей активную борьбу с реакцией». Но и она была сразу же опротестована частью присутствовавших. Казалось, у меньшевиков возникла реальная угроза раскола (Знамя революции. 1919. 23 дек.). Однако в тот же день Томский комитет РСДРП выпустил листовку к рабочим Томска и крестьянам губернии с призывом оказать полную и всемерную поддержку Советской власти [Ларьков, 2011. С. 54].

⁴ Как правило, в инициативные группы эсеров входили члены партии, которые придерживались разных тактических взглядов, но в основном разделяли позиции ЦК и Сибкрайкома и считались большевиками правыми.

Через день за сотрудничество с коммунистами высказалось собрание томских анархистов-синдикалистов (Знамя революции. 1919. 26 дек.). Тогда же состоялось общее собрание томских левых эсеров-интернационалистов. Если верить большевистской газете, они заявили о своей «лояльной оппозиции» большевикам и о поддержке Советской власти постольку, поскольку этот «"орган меньшинства демократии" не пойдет вразрез с общепризнанными гражданскими свободами» (Знамя революции. 1919. 27 дек.).

Почти два дня, 10–11 января 1920 г., вопрос об отношении к Советской власти дискутировался на общем собрании членов Иркутской организации РСДРП, на котором присутствовало 102 чел. Мнение большинства заключалось в том, что необходимо встать на сторону Советской власти и «влиять на изменение ее политики в духе требований интересов демократии и социализма» (Народная мысль. 1920. 14 янв.).

Более жесткую, но конструктивную позицию по этому же вопросу заняли эсеры. Вот что заявил в Красноярске член Всероссийского Учредительного собрания правый эсер Е. Е. Колосов – один из наиболее последовательных критиков большевиков: «Мы можем признать Советскую власть, если она установит в стране гражданский мир и даст народу возможность свободно вывить свою волю...» (Красноярский рабочий. 1920. 17 янв.).

О недопустимости продолжения гражданской войны в рядах демократии, необходимости объединения усилий с большевиками в борьбе против реакции, несмотря на разногласия в оценке характера русской революции и тактических лозунгов, говорил в своей речи на открытии Иркутского городского совета 25 января 1920 г. член Всероссийского Учредительного собрания и Всесибирского крайкома эсеров А. А. Иваницкий-Василенко (Сибирская правда. 1920. 27 янв.).

27 января 1920 г. дискуссия об отношении к большевикам состоялась на общем собрании иркутских анархистов (индивидуалистов, максималистов и коммунистов) и сочувствующих им, на которое явилось около 100 чел. Большинство из них высказалось за совместную работу с РКП(б), поскольку в это время существовала угроза городу со стороны отступавших каппелевцев (Сибирская правда. 1920. 3 фев.).

Наконец, в феврале 1920 г. открытое заявление об отношении к большевикам и Советской власти сделал Всесибирский крайком эсеров. В заявлении говорилось, что крайком отвергает, «как нецелесообразную, тактику бойкота советских организаций, считает необходимым в настоящее время деятельное участие партии в тех областях работы, которые направлены к борьбе с реакцией и восстановлению культурных и производительных сил страны, не беря на себя ответственности за общую политику Советской власти»⁵.

Разумеется, в политической борьбе, которая велась в условиях ожесточенной гражданской войны, существенное значение имели не столько слова, сколько реальное поведение и практические дела анархистов, меньшевиков и эсеров. В событийном ряду того времени, судя по всему, самыми важными во всех отношениях поступками не только для социалистов, но и для коммунистов стали выходы первых из своих организаций и их переход в ряды РКП(б).

В основном такие акции имели индивидуальный характер. Установить фамилии большинства людей, совершивших подобный поступок, из-за отсутствия нужных источников не реально. Но частично восполнить этот пробел можно. Дело в том, что с началом гражданской войны сложилась и недолгое время довольно широко практиковалась норма, в соответствии с которой политический деятель, переходивший из одной партии в другую, публиковал информацию об этом событии в какой-нибудь местной газете. Благодаря столь «похвальному обычаю», как окрестил подобные обращения в печать один меньшевик, имеется возможность составить хотя бы примерное представление о том, кто, когда и из какой партии переходил в лагерь большевиков, а также хотя бы приблизительно определить масштабы явления.

Так, в декабре 1919 г. разорвали со своими партиями и группами и вступили в РКП(б) анархист с 1909 г. А. Цыганков и член Омской автономной группы эсеров-интернационалистов К. М. Беликов (Советская Сибирь. 1919. 6, 24 дек.); в январе 1920 г. – эсер с 1905 г. В. А. Пал-

⁵ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 8. Л. 70.

кин, член партии революционного коммунизма А. В. Поляков (Поярков), эсеры Н. М. Талалаев и Ф. Шпунт, меньшевик с 1910 г. М. Вавилов (Власть Советов. 1920. 7 янв.; Советская Сибирь. 1920. 11, 28 янв.; Сибирский коммунист. 1920. 29 янв.); в феврале – анархист М. И. Кошелев, меньшевики В. Гаранин и Д. И. Розенберг, сионист Б. Вольнский, эсеры С. Дьячковский и Б. Рубановский, левые эсеры-интернационалисты С. Истомин и Л. И. Фижбан, левые эсеры И. Анкундинов и Ю. И. Сандомирский (Знамя революции. 1920. 8, 10, 13 фев.; Алтайский коммунист. 1920. 19 фев.); в марте – эсер М. В. Зимачев (Алтайский коммунист. 1920. 2, 4 марта), в апреле – анархист Озолин и левый эсер М. Зайд (Советская Сибирь. 1920. 4, 10 апр.), в мае – старейший сибирский меньшевик С. Долгополов, бундовец с 15-летним стажем Я. Левенштейн и эсер с 1906 г. С. И. Агеев (Знамя революции. 1920. 5, 29 мая; Алтайский коммунист. 1920. 23 мая).

Иногда принявший решение о перемене своего партийного положения не ограничивался кратким информационным сообщением, а публиковал в печати небольшое заявление, открытое письмо или письмо в редакцию. Обычно к такому приему прибегали известные в партийной среде люди, избравшие политическую деятельность смыслом своей жизни.

Чаще всего переходили в РКП(б) члены левых партийных групп: разного рода анархисты, интернационалисты, максималисты, революционные коммунисты и т. п. Такой переход давался им легче, поскольку по своим взглядам и поведению они немногим отличались от большевиков и, как правило, уже имели опыт сотрудничества. Соответственно свой выбор они объясняли предельно кратко, просто и понятно.

Об обстоятельствах и мотивах своего решения перейти к большевикам уже упоминавшийся анархист А. Цыганков написал следующее: «Находясь на фронте и работая вместе с тов[арищами] коммунистами, я убедился, что только партия коммунистов-большевиков ведет по правильному пути трудящиеся массы к торжеству светлого социализма и окончательной победе труда над капиталом» (Советская Сибирь. 1919. 6 дек.).

Примерно такие же причины назвал в своем письме в редакцию газеты А. В. Поляков (Поярков): «Состоя действительным членом партии революционных коммунистов и вместе с тем работая в течение более полугода совместно с членами РКП на Урале и в Сибири, я убедился в нецелесообразности ведения политики партии Р[еволюционного] К[оммунизма] и потому выхожу из числа ее членов с твердым намерением перейти в ряды РКП» (Советская Сибирь. 1920. 28 янв.).

Столь же элементарными соображениями объяснял свой разрыв с прежней партией и переход в ряды РКП(б) бывший левый эсер И. Анкундинов, имевший опыт советской работы на уездном уровне: «Последний период революции ясно показал мне, что вопросы, стоящие преградой между новой партией эсеров и Российской коммунистической партией, разрешает Р[оссийская] к[оммунистическая] партия, поэтому я и выхожу из среды членов партии левых с[оциалистов]-р[еволюционеров]» (Знамя революции. 1920. 8 фев.).

Но для некоторых социалистов уход из старой партии был мучительным и давался трудно. Ведь им предстояло отказаться от теоретических представлений и идеологических постулатов, в которые они верили, в соответствии с которыми жили и боролись. Разрыв со старой партией и переход в РКП(б) нужно было обосновать не только самому себе, но и прежним, а также новым партийным товарищам. Случалось, такие заявления превращались в своего рода исповедь.

Примерно в таком жанре написал открытое письмо С. И. Агеев. Он предпринял попытку теоретически осмыслить значение социалистической революции в России и показать, как жизнь помогла ему понять ошибочность программы партии эсеров, в особенности ориентацию эсеров на коалицию с буржуазией и ставку на Учредительное собрание. «[...] Шаг за шагом, – утверждал С. И. Агеев, – жизнь вытравляла во мне взгляды и психологию умеренного социалиста и постепенно выводила разум мой из-под рабского подчинения фетишам вроде “нормального правопорядка”, “демократического строя” и т. п., и кровавыми буквами вписала в мое сознание другие принципы, иные лозунги».

Свое открытое письмо С. И. Агеев эмоционально и даже пафосно подытожил таким утверждением: «Для меня кризис миновал – я коммунист, и если бы даже партия большевиков не при-

няла меня в свои ряды – убеждений моих у меня никто не отымет» (Алтайский коммунист. 1920. 23 мая).

Гораздо сложнее было объяснить свой переход к большевикам тем социалистам, которые находились на правом фланге. Похоже, сложность стоявшей перед ним задачи хорошо понимал бывший оборонец Д. И. Розенберг. Он признался, что ему «тяжело публично извещать о выходе ... из тонущего корабля», под которым он имел в виду меньшевистскую партию. В то же время Д. И. Розенберг заверял, что между его «прежней правизной и теперешней левизной имеется внутренняя связь».

Для доказательства такой связи Д. И. Розенберг использовал следующую аргументацию. Он утверждал, что в споре между двумя лидерами российской социал-демократии – Г. В. Плехановым, считавшим русскую революцию буржуазно-демократической, и В. И. Лениным, исходившим из ее социалистического характера, – «Ленин Плеханова победил: жизненно-революционная правда оказалась на его стороне. Все попытки восстановить буржуазный правопорядок потерпели полное фиаско. В этом именно глубокий смысл позорного конца сибирской эпопеи».

«С Лениным, – рассуждал далее Д. И. Розенберг, – надо либо активно бороться, выдвигая вполне определенный и ясный противоположный принцип, либо быть с ним. Путаться между ногами хотя подчас и безопаснее и удобнее, меньше всего приличествует революционеру...» (Знамя революции. 1920. 13 фев.). Чтобы соблюсти «революционное приличие», в январе 1920 г. Д. И. Розенберг сначала вышел из РСДРП, а затем месяц спустя вступил в РКП(б).

Расколы и фрагментация партий меньшевиков и эсеров за время революции и гражданской войны привели к тому, что к концу 1919 – началу 1920 г. в Сибири из них выделилось несколько немногочисленных групп социалистов в основном левого толка. Восстановление Советской власти поставило их перед непростым выбором: продолжить ли самостоятельное существование без перспективы стать влиятельной политической силой, вернуться ли в лоно партии, от которой они отпочковались, или попытаться войти в РКП(б).

Первой в этом вопросе определилась омская группа РСРП(и), четвертый съезд которой в Москве 19 декабря 1919 г. постановил слиться с РКП(б). Условия слияния были прописаны обеими сторонами: циркуляром ЦК РКП(б) о принятии в партию бывших интернационалистов и инструкцией Исполнительного бюро РСРП(и) о порядке вхождения местных организаций интернационалистов в организации РКП(б). Ставилась задача завершить слияние до 1 февраля 1920 г. Партийный стаж интернационалистам устанавливался со времени их вступления в РСРП(и).

Омские коммунисты и интернационалисты не стали тянуть время. Уже 24 декабря 1919 г. Омское губбюро РКП(б) заслушало вопрос о местной группе интернационалистов и приняло положительное решение. О своем выходе из РСРП(и) группа должна была сообщить в печати. Ее членам предлагалось влиться в РКП(б) по месту жительства через районные организации⁶.

В январе 1920 г. бюро комитета Омской группы РСРП(и) провело регистрацию своих членов. Была поставлена задача, как писал член ЦК РСРП(и) Г. М. Крамаров, добиться того, чтобы не осталось «ни одного интернационалиста в Омске, который бы не вошел в партию РКП» (Советская Сибирь. 1920. 24 янв.). В результате цель удалось достигнуть. Членами РКП(б) стали 45 человек. В их числе были такие грамотные специалисты и опытные деятели, имевшие прочные связи с рабочими и общественными организациями, как В. Ф. Белау, М. Н. Белкин, Ф. А. Березовский, П. И. Загорский, И. М. Жохов, А. И. Колегаев, П. А. Кравцов, Г. М. Крамаров, В. И. Петухов, К. Т. Плюхин (Советская Сибирь. 1920. 1 фев.).

Еще в начале 1920 г. над вопросом «о наиболее продуктивном приложении своих сил в длящейся уже три года революционной борьбе труда и капитала» задумалась томская группа левых эсеров. Группа насчитывала около полутора десятков человек образованной молодежи, включая Валериана и Евгения Никитиных, Зинаиду Печеркину, Владимира Осколкова, Ивана

⁶ ИАОО. Ф-58. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

Пляписа, Василия Стукова, уже хорошо зарекомендовавших себя во время томского антиколчаковского восстания в декабре 1919 г.

Левозеро́вская молодежь Томска пришла к выводу, что «всякие попытки образования новых партийных группировок, хотя бы и на платформе Советской власти, неизбежно связаны с перспективой междупартийных трений, следствием которых может быть возникновение оппозиционных и даже враждебных отношений к партии, осуществляющей в условиях ведущейся борьбы диктатуру труда [...]».

Не видя смысла «в создании новых групп под каким бы то ни было названием и не находя для себя возможным оставаться в стороне от смертельной борьбы двух исключających друг друга классов», группа заявила о принятом ей решении войти в состав РКП(б) (Красное знамя. 1920. 7 фев.).

В середине марта 1920 г. произошел перелом в настроении группы максималистов, служивших в Омском военно-окружном комиссариате. Проанализировав программу и тактику Союза эсеров-максималистов и Союза максималистов, члены этой группы пришли к выводам, что ходом революции идеология народничества изжита, РКП(б) с ее марксистской идеологией должна объединить все социалистические элементы и «только диктатура пролетариата, руководимая Коммунистической партией, способна довести революцию до полного торжества социализма». В результате «для наибольшего использования своих сил в деле социальной революции» они решили выйти из Союза максималистов и вступить в РКП(б) (Советская Сибирь. 1920. 4 апр.).

Однако Омский городской комитет РКП(б) занял по отношению к максималистам довольно жесткую позицию. 13 апреля он отклонил их попытку группового вступления, постановил производить прием персонально и только с разрешения горкома, причем стаж пребывания в партии максималистов не засчитывать ⁷. Источники не позволяют выяснить, какое же количество омских максималистов смогло стать членами РКП(б).

Еще в начале февраля 1920 г. омич Н. Е. Ишмаев, который являлся членом временного Сибирского бюро партии революционного коммунизма (ПРК), инициировал вопрос о необходимости вхождения всей ПРК в РКП(б). Бюро, а затем и общее собрание членов омской группы ПРК в числе 16 чел. поддержало это предложение. Они считали, что программно-тактические разногласия между партиями стерлись, ПРК полностью поддерживает политику и все мероприятия большевиков и Советской власти, поэтому дальнейшее ее существование нецелесообразно и даже вредно для развития революции. Было признано необходимым начать внутривнутрипартийную работу в целях слияния с РКП(б). Для этого омичи рекомендовали ЦК ПРК созвать всероссийский съезд, что и было сделано в конце апреля – начале мая 1920 г. в Москве.

Между тем шесть членов омской группы ПРК (Н. Е. Ишмаев, В. Ивашко, Г. Д. Жемполух, Ф. А. Пилипенко, Ал. П. и Ан. П. Юдины), не дожидаясь информации о решениях съезда, 18 мая подали в Сибирское бюро ЦК РКП(б) коллективное заявление. Они информировали Сиббюро ЦК о самороспуске омской группы и ходатайствовали об их приеме в Омскую организацию большевиков, причем просили засчитать им партстаж со времени вступления в ПРК ⁸.

20 мая 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б) рассмотрело это заявление. Оно постановило осуществлять прием революционных коммунистов персонально и в дальнейшем использовать на советской работе. Н. Е. Ишмаева как специалиста по сельскому хозяйству Сиббюро ЦК решило откомандировать для работы в Сибирский земельный отдел ⁹. По рекомендации Сиббюро ЦК 12 июня президиум Омского горкома принял всех подавших коллективное заявление революционных коммунистов в РКП(б), причем без прохождения кандидатского стажа ¹⁰.

Однако самый большой кадровый подарок большевикам Сибири преподнесла Автономная сибирская группа левых эсеров. Эта группа образовалась 10 января 1920 г. путем слияния давно существовавшей группы левых эсеров Иркутска и выделившейся в начале октября 1919 г.

⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 48. Л. 13.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–3.

⁹ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 53.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 48. Л. 33, 60.

из общесибирского объединения эсеров еще одной группы, тоже стоявшей на левых позициях и взявшей себе название Автономная сибирская группа эсеров (Знамя борьбы. 1920. 13, 24 янв.).

В составе объединенных «автономистов» было несколько хорошо известных политических деятелей, в том числе Я. А. Ветман, Д. Ф. Клингоф, М. А. Левенсон, В. И. Литвинов, В. Р. Прокопов, С. М. Третьяк.

Безусловно, самой яркой фигурой в их числе был эсер с 1905 г. врач М. А. Левенсон. В 1917 г. он избирался членом президиума Петроградского совета, членом ВЦИК и председателем Петроградского комитета левых эсеров, в феврале 1918 г. являлся заместителем председателя Комитета революционной обороны Петрограда.

Незаурядной личностью был один из инициаторов организации группы «автономистов» С. М. Третьяк. Он вступил в партию в 1903 г., имел за плечами четыре года каторги и полтора года тюремного заключения. После Октябрьского переворота С. М. Третьяк занимал должность Иркутского краевого комиссара труда, секретаря отдела труда и промышленности Комитета советских организаций Восточной Сибири, летом 1918 г. возглавлял отдел труда и промышленности Иркутской губернской земской управы, служил Иркутским губернским комиссаром труда Временного Сибирского правительства. Венцом его карьеры в органах государственной власти стало недолгое пребывание в должности товарища министра труда Временного Всероссийского, а затем Российского правительства.

На состоявшейся 5 марта 1920 г. областной конференции Автономная сибирская группа левых эсеров приняла постановление самоликвидироваться и слиться с РКП(б). Объяснялось такое решение отсутствием у нее принципиальных и тактических разногласий с РКП(б). Избранное на конференции чрезвычайное бюро довело позицию конференции до Иркутского губкома РКП(б). Оно также сообщило, что опубликует в печати подробную информацию о причинах самороспуска группы и ее перехода в ряды большевиков. Но бюро предложило осуществить переход в РКП(б) не в индивидуальном порядке, а всей группой, мотивируя свое предложение тем, что такая акция произведет большое впечатление на эсеров Сибири и даже России.

Иркутский губком РКП(б) 13 марта рассмотрел обращение бюро «автономистов». В принципе губком не возражал против группового вхождения «автономистов» в РКП(б), но выдвинул одно условие: предварительный отвод тех из них, кто был неприемлем для коммунистов. Однако, не считая себя вправе самостоятельно решать столь важный политический вопрос, губком в тот же день телеграфно запросил мнение Сиббюро ЦК РКП(б) ¹¹.

18 марта Сиббюро ЦК заслушало информацию Иркутского губкома. Оно согласилось с позицией губкома и предложило ему создать на паритетных началах с бюро «автономистов» комиссию для фильтрации нежелательных элементов. На следующий день точка зрения Сиббюро ЦК была передана в Иркутский губком ¹².

Не дожидаясь мнения Сиббюро ЦК, Иркутский губком с 15 марта стал знакомиться с представленным ему списком бывших эсеров, ставших «автономистами». Вопреки первоначальному решению на этот раз губком посчитал, что каждую кандидатуру нужно будет рассматривать персонально с точки зрения ее приемлемости для РКП(б). Но вскоре пришел ответ Сиббюро ЦК. В соответствии с его рекомендацией была создана комиссия из представителей губкома и чрезвычайного бюро «автономистов» для фильтрации и отвода недостойных. Комиссия довольно быстро справилась с этой задачей и рассмотрела список. 25 марта Иркутский губком по результатам работы комиссии постановил принять в РКП(б) всех членов Автономной сибирской группы левых эсеров, проживавших в Иркутске, за исключением двух человек. Одним из них оказался С. М. Третьяк ¹³. Вероятно, так ему «икнулось» пребывание в составе Российского правительства, которое считалось колчаковским.

¹¹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 40. Л. 13; ЦХДНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 88.

¹² ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 40. Л. 15; Оп. 3. Д. 2. Л. 29.

¹³ ЦХДНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 89, 93–94.

В начале мая 1920 г. председатель Иркутского губкома РКП(б) М. Н. Рютин обратился с письмом в уездные комитеты партии. Он потребовал от них создать аналогичные комиссии на местах, осуществить фильтрацию «автономистов», принять достойных, а все сохранившиеся ячейки ликвидировать ¹⁴.

Судя по всему, последней по времени группой социалистов, часть членов которой приняла решение коллективно вступить в РКП(б), была омская автономная группа эсеров-интернационалистов. Эта немногочисленная группа возникла еще примерно в конце февраля – начале марта 1918 г. Тогда же она выступила с резкой критикой политики ЦК партии, а в начале марта вышла из омской организации эсеров и призвала другие эсеровские организации Сибири порвать связи с ЦК. Во время антибольшевистского выступления Чехословацкого корпуса члены группы вступили в объединенную левоэсеровскую дружину и в ее составе находились на фронте. После свержения Советской власти в Омске несколько ее членов подверглись арестам, некоторое время находились в заключении, а после выхода на свободу участвовали в работе антиколчаковского подполья.

С восстановлением в Омске Советской власти наиболее грамотные члены группы заняли довольно высокие посты в советских органах. Так, А. П. Оленич-Гнененко стал заместителем председателя губкомтруда, В. П. Оленич-Гнененко – секретарем горuezдного исполкома советов, Н. И. Егоров – членом коллегии губземотдела, Т. В. Круссер – инструктором отдела юстиции Сибревкома ¹⁵.

20 июня пять членов этой группы, включая названных выше, подали заявление с просьбой о коллективном вступлении в РКП(б). Через четыре дня Омское губоргбюро РКП(б) рассмотрело их заявление. Оно рекомендовало городскому комитету РКП(б) образовать комиссию по проверке заявителей, а при решении вопроса о приеме в партию руководствоваться их личными качествами. В случае положительного решения губоргбюро рекомендовало всем бывшим «автономистам» установить кандидатский стаж с 10 мая 1918 г., а вступившими в РКП(б) считать с 25 июня 1920 г. Это решение и было проведено в жизнь ¹⁶.

Кроме того, в источниках встречаются упоминания о том, что заявления о вступлении в РКП(б) в начале 1920 г. сделали меньшевики Новониколаевска и инициативная группа социалистов разных направлений Енисейска (Знамя революции. 1920. 18 фев.; Красное знамя, 17 марта), была принята в большевистскую партию группа социал-демократов интернационалистов Семипалатинска, в которую входили такие авторитетные в общественных кругах деятели, как В. А. Курамжин и В. Е. Неворотов ¹⁷.

В результате примерно за какие-то полгода в ряды РКП(б) в Сибири вступили десятки социалистов разных течений. Поскольку среди них было много грамотных людей, обладавших специальными знаниями и большим опытом организаторской работы, они быстро заняли руководящие посты на городском, уездном, губернском и даже на областном уровнях. С этой точки зрения весьма показательная ситуация возникла в Иркутской губернии. На состоявшейся в двадцатых числах сентября 1920 г. 3-й губернской конференции РКП(б) из 276 ее участников 64 ранее состояли в других партиях: 33 были членами РСДРП, 29 – эсерами, один – анархистом и один – интернационалистом ¹⁸.

Во время чистки РКП(б) 1921 г. обнаружилось, что в Мариинском уезде Томской губернии большинство ответственных работников – это выходцы из других партий ¹⁹.

Во многом аналогичная ситуация существовала в Омской губернской партийной организации. В ней числилось 65 бывших меньшевиков, 21 правый эсер, 15 левых эсеров, пять максималистов, один анархист и трое – партийность которых установить не удалось. 66 из них ра-

¹⁴ ЦХДНИИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 32.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 556. Л. 47; Оп. 5а. Д. 45. Л. 85; Ф. П-18. Оп. 4. Л. 514. Л. 2–8; Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 141. Л. 50; ИАОО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 66. Л. 32.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 47. Л. 22, 32; ИАОО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 40. Л. 43.

¹⁷ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.

¹⁸ Там же. Д. 109. Л. 13.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 340 а. Л. 10 об.

ботали в советских органах, 22 – в партийных, 12 – в профсоюзных и 10 – в кооперации. 60 выходцев из других партий занимали ответственные политические должности. В том числе бывшие интернационалисты возглавляли все губернские учреждения, за исключением губкома, губчека и губсовнархоза, что Сибирской комиссией по чистке было признано недопустимым²⁰.

Таким образом, можно констатировать, что после освобождения Сибири от Колчака социалисты, главным образом их левые группы, открыто перешли на сторону большевиков. Своим вступлением в РКП(б) они не только увеличили численность коммунистических рядов, но и повысили их качественный уровень. Социалисты, среди которых было довольно много образованных людей и специалистов, имевших опыт организационной и управленческой работы, стали для большевиков кадровым резервом, с помощью которого они смогли восстановить и удержать Советскую власть в Сибири в экстремальных условиях «военного коммунизма».

Список литературы

Базаров Б. В., Курас Л. В. «Белая» Сибирь в зеркале современной российской историографии, или Покушение на историю. Рецензия на кн.: Кокоулин В. Г. Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г.). Новосибирск: Офсет-ТМ, 2017. 528 с. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 1. С. 111–115.

Берснева И. В. Между Сциллой большевизма и Харибдой белого движения: умеренные социалисты (эсеры и меньшевики) Сибири в годы гражданской войны // История «белой» Сибири: Тез. 4-й науч. конф. Кемерово, 2001. С. 27–31.

Берснева И. В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири: (Межпартийный блок «Политический центр», ноябрь 1919 – январь 1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 23 с.

Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль, 1970. 294 с.

Демидов В. А. Политика сибирских эсеров в национальном вопросе и ее крушение // Вопросы истории Советской Сибири. Новосибирск, 1972. С. 36–54.

Добровольский А. В. Автономная группа сибирских социалистов-революционеров (октябрь 1919 – январь 1920 г.) // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXI вв.: Материалы V Всерос. конф. (26–27 ноября 2003 г.). Новосибирск, 2003. Ч. 2. С. 58–62.

Добровольский А. В. Всесибирский Краевой комитет партии эсеров в период «демократической» контрреволюции (июнь – октябрь 1918 г.) // Исторический ежегодник Омского гос. ун-та. Омск, 1999а. С. 76–84.

Добровольский А. В. Об эволюции тактики правых эсеров Сибири в 1919 г. // Вестн. Кузбас. гос. техн. ун-та. 2004а. № 1 (38). С. 127–132.

Добровольский А. В. Партия социалистов-революционеров во власти и в оппозиции, 1917–1923 гг. (на материалах Сибири): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2004б. 42 с.

Добровольский А. В. Социалисты-революционеры Сибири в конце 1917 – начале 1920 г. Новосибирск: Наука, 1999б. 157 с.

Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции (1917–1923 гг.). Новосибирск: Наука, 2002. 397 с.

Журавлев В. В., Рынков В. М., Симонов Д. Г. За пределами науки: по страницам имитационной историографии // Российская история. 2016. № 6. С. 229–234.

Кокоулин В. Г. Демократическая контрреволюция: Сибирь, Поволжье, Урал (май-ноябрь 1918 г.). Новосибирск: Общевоинская академия вооруженных сил Российской Федерации, 2014. 548 с.

Ларьков Н. С. Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестн. Томск. ун-та. История. 2011. № 3 (15). С. 50–53.

²⁰ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 340 а. Л. 10.

Ларьков Н. С. Количество без качества, или снова «в кроссовках по истории». Рец. на кн.: Кокоулин В. Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май-ноябрь 1918 г.). Новосибирск, 2014. 548 с. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2015. № 2 (34). С. 125–128.

Ливиниц С. Г. К истории Западно-Сибирского комиссариата // Вопросы истории Сибири. Барнаул, 1974. С. 69–93.

Макарчук С. В. Социал-демократы и коммунисты Сибири в годы гражданской войны: к постановке проблемы // История белой Сибири: Материалы 6-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 7–8 февр. 2005 г. Кемерово, 2005. С. 228–231.

Плотникова М. Е. Колчак и эсеровская оппозиция // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 168–181.

Плотникова М. Е. Роль «Временного Сибирского правительства» в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири // Тр. Томск. гос. ун-та. Серия историческая. Томск, 1964. Т. 167. С. 51–67.

Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М.: РОС-СПЭН, 1996. 800 с.

Посадсков А. Л. Две недели без государственной власти: Красноярск под земским управлением 23 декабря 1919 – 5 января 1920 гг. // История белой Сибири: Материалы 7-й Междунар. науч. конф. Кемерово, 28–29 сент. 2009 г. Кемерово, 2009. С. 78–84.

Резниченко А. Н. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири в 1918 г. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. 153 с.

Струк Е. Н. История формирования оппозиции правых эсеров режиму адмирала А. В. Колчака в Восточной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2000. 28 с.

Суслов А. Ю. Рец. на кн.: Кокоулин В. Г. «Демократическая контрреволюция»: Сибирь, Поволжье, Урал (май-ноябрь 1918 г.). Новосибирск: Общевоинская академия вооруженных сил Российской Федерации, 2014. 548 с. // Историческая экспертиза. 2015. № 4 (5). С. 98–104.

Хандорин В. Г. Можно ли так писать научную монографию? Рец. на кн.: Кокоулин В. Г. «Белая Сибирь: борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.)» (Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2017. 528 с.) // Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. 2018. № 21. С. 251–260.

Шерстянников Н. А. Идеино-политический и организационный крах меньшевиков в Восточной Сибири (март 1917 – март 1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1979. 24 с.

Шиканов Л. А. Сибирская контрреволюция на начальном этапе гражданской войны (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989. 24 с.

Шишкин В. И. Политические позиции сибирских эсеров в период колчаковщины // Изв. СО АН СССР. Серия: История, филология, философия. Новосибирск, 1984. № 14. Вып. 3. С. 8–14.

Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1978. 333 с.

Шишкин В. И. Сибирские эсеры и колчаковщина (конец 1918 – начало 1920 г.) // Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. Материалы конф. М., 1983. С. 98–110.

Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири в 1-й четверти XX в.: Антигосударственный бунт и негосударственная самоорганизация трудящихся: теория и практика. Омск, 1996. Ч. 1: 1900–1918. 203 с.; Ч. 2: 1918–1925. 170 с.

Штырбул А. А. Анархистское движение в Сибири: первая четверть XX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 1997. 45 с.

Штырбул А. А. Омские эсеры и Временное Сибирское правительство (июль – октябрь 1918 г.) // Гражданская война в Сибири: Материалы Всерос. заочной науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 174–180.

Штырбул А. А. Эсеры-центристы в партизанском и повстанческом движении Сибири (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) // История белой Сибири: Тез. Третьей науч. конф. (Кемерово, 2–3 февраля 1999 г.). Кемерово, 1999. С. 132–135.

Список источников

Алтайский коммунист (Барнаул). 1920. 19 фев., 2, 4 марта, 23 мая.
Власть Советов (Барнаул). 1920. 7 янв.
Воля России (Прага). 1920. 5, 6 нояб.; 1921. 10 марта.
Знамя борьбы (Иркутск). 1920. 13, 24 янв.
Знамя революции (Томск). 1919. 23, 26, 27 дек.; 1920. 8, 10, 13, 18 фев., 5, 29 мая.
Красное знамя (Томск). 1920. 7 фев., 17 марта.
Красноярский рабочий. 1920. 17 янв.
Народная мысль (Иркутск). 1920. 14 янв.
Путь борьбы / Томский губ. комитет РКП(б), Бюро Истпарта. Томск: Б/и, 1923. Вып. 1. 114 с.
Сибирская правда (Иркутск). 1920. 27 янв., 3 фев.
Сибирский коммунист (Томск). 1920. 29 янв.
Советская Сибирь (Омск). 1919. 27 нояб., 6, 24 дек.; 1920. 11, 24, 28 янв., 1 фев., 4, 10 апр.
Социал-демократ (Иркутск). 1920. 21 марта.

Материал поступил в редколлегию 03.08.2018

V. I. Shishkin

*Institute of History SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

patric@academ.org

«LEFT DRIFT» OF SOCIALISTS IN SIBERIA BEFORE AND AFTER THE DEFEAT OF KOLCHAK (END OF 1919 – EARLY 1920)

The article aims to fill the existing gaps within the national historiography related to the condition and behavior of socialist parties of Russia during one of the crucial stages of the civil war in the East of the country: during the defeat of Kolchak's regime and the establishment of the bodies of the so-called dictatorship of the proletariat. This task is solved on both empirical and conceptual levels. In the first case, new factual materials found mainly in newspaper periodicals in central and local archives were introduced into scientific discourse. These materials make it possible to give a general idea of events, motives and causes which determined firstly an active participation of the majority of factions and groups of socialists in Siberia during the overthrow of Kolchak, and secondly the transition of their extreme left elements and groups to communist positions. On a conceptual level two main conclusions are made in the article. Firstly, it is stated that between late November 1919 and early January 1920, all principal towns of Siberian provinces except Omsk were reconquered by rebels prior to the arrival of the Red Army. Such a fast and almost bloodless overthrow of Kolchak's power in most large administrative centers of Siberia is explained by an active participation of socialists in the struggle against the White Guard regime, by a spontaneous formation of the «United Revolutionary Front» throughout various separate local territories. Secondly, it is argued that the affiliation of some socialists with the RCP(b), and especially self-liquidation of the whole Menshevik and SRs groups of different directions and their transition to the communist party played a tremendous significance.

Among them, there were many qualified specialists, experienced executives and simply educated people. In Siberia where the organization of the RCP(b) was inconsiderable in number and experienced a critical shortage of staff, they mitigated the difficult situation by their participation in creating and functioning the restored bodies of the Soviet power.

Keywords: Siberia, Civil War, counter-revolution, Kolchak, RCP(b), the Soviet power, socialists, anarchists, Mensheviks, SRs.

References

Bazarov B. V., Kuras L. V. "Belaya" Sibir' v zerkale sovremennoi rossiiskoi istoriografii, ili Pokushenie na istoriyu. Retsenziya na knigu: Kokoulin V. G. Belaya Sibir': bor'ba politicheskikh partii i grupp (noyabr' 1918 – noyabr' 1919 g.). Novosibirsk: Offset-TM, 2017. 528 s. ["White" Siberia in the Mirror of Modern Russian Historiography, or Attempt at History. Review on the book: Kokoulin V. G. White Siberia: the Struggle of Political Parties and Groups (November 1918 – November 1919). Novosibirsk: Offset-TM, 2017. 528 p.]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanitarian Sciences in Siberia]*, 2018, vol. 25, no. 1, p. 111–115. (in Russ.)

Bersneva I. V. Mezhdru Stilloi bol'shevizma i Haribdoi belogo dvizheniya: umerennye sotsialisty (esery i men'sheviki) Sibiri v gody grazhdanskoi voyny [Between Scylla of Bolshevism and Charybdis of White Movement: Moderate Socialists (SRs and Mensheviks) of Siberia in the Years of Civil War]. *Istoriya «beloi» Sibiri: Tezisy 4-i nauchnoi konferentsii [The History of "White" Siberia: Abstracts of the 4th Scientific Conference]*. Kemerovo, 2001, p. 27–31. (in Russ.)

Bersneva I. V. Popytka formirovaniya demokraticheskoi gosudarstvennosti v Vostochnoi Sibiri: (Mezhpartiinyi blok «Politicheskii tsentr», noyabr' 1919 – yanvar' 1920 gg.): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [An Attempt of Forming Democratic Statehood in Eastern Siberia: (Interparty Block "Political Center", November 1919 – January 1920). *Abstract of Thesis Cand. Hist. Sc.*]. Moscow, 1995, 23 p. (in Russ.)

Demidov V. A. Politika sibirskikh eserov v natsional'nom voprose i ee krushenie [Siberian SRs' Policy in National Question and its Crash]. *Voprosy istorii Sovetskoi Sibiri [Questions of Soviet Siberia's History]*. Novosibirsk, 1972, p. 36–54. (in Russ.)

Dobrovolsky A. V. Avtonomnaya gruppa sibirskikh sotsialistov-revolutsionerov (oktyabr' 1919 – yanvar' 1920 g.) [Autonomous Group of Siberian Socialists-Revolutionaries (October 1919 – January 1920)]. *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVI–XXI vv. Materialy V Vserossiiskoi konferentsii (26–27 noyabrya 2003 g.) [Problems of the History of Local Governance in Siberia 16th – 21st Centuries. Materials of the V All-Russian Conference (November 26–27, 2003)]*. Novosibirsk, 2003, pt. II, p. 58–62. (in Russ.)

Dobrovolsky A. V. Esery Sibiri vo vlasti i v oppozitsii (1917–1923 gg.) [SRs of Siberia in Power and in Opposition (1917–1923)]. Novosibirsk, Nauka, 2002, 397 p. (in Russ.)

Dobrovolsky A. V. Ob evolyutsii taktiki pravyykh eserov Sibiri v 1919 g. [On the Evolution of Tactics of Right SRs in Siberia in 1919]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of Kuzbass State Technical University]*, 2004, no. 1 (38), p. 127–132. (in Russ.)

Dobrovolsky A. V. Partiya sotsialistov-revolutsionerov vo vlasti i v oppozitsii, 1917–1923 gg. (na materialakh Sibiri): Avtoreferat dis. ... d-ra ist. nauk [The Party of Socialists-Revolutionaries in Power and in Opposition, 1917–1923 (on Materials of Siberia): *Abstract of Thesis Cand. Hist. Sc.*]. Omsk, 2004, 42 p. (in Russ.)

Dobrovolsky A. V. Sotsialisty-revolutsionery Sibiri v kontse 1917 – nachale 1920 gg. [Socialists-Revolutionaries of Siberia at the End of 1917 – Early 1920]. Novosibirsk, Nauka, 1999, 157 p. (in Russ.)

Dobrovolsky A. V. Vsesibirskii Kraevoi komitet partii eserov v period «demokraticheskoi» kontrrevolyutsii (iyun' — oktyabr' 1918 g.) [All-Siberia Krai Committee of the SRs Party in the Period of "Democratic" Counter-Revolution (June – October 1918)]. *Istoricheskii ezhegodnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta [Historical Yearbook of Omsk State University]*. Omsk, 1999, p. 76–84. (in Russ.)

Garmiza V. V. *Krushenie eserovskikh pravitel'stv* [The Crash of SR Governments]. Moscow, Mysl' Publ., 1970, 294 p. (in Russ.)

Khandorin V. G. *Mozhno li tak pisat' nauchnuyu monografiyu? Retsenziya na knigu V. G. Kokoulina "Belaya Sibir': bor'ba politicheskikh partii i grupp (noyabr' 1918 – dekabr' 1919 g.)"* (Novosibirsk: OOO "Ofset-TM", 2017. 528 s.) [Is It Possible to Write a Scientific Monograph in This Way? Review of the Book by V. G. Kokoulin "White Siberia: The Struggle of Political Parties and Groups (November 1918 – December 1919)" (Novosibirsk, OOO "Offset-TM", 2017, 528 p.)]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya* [News of Omsk State Historical and Local History Museum], 2018, no. 21, p. 251–260. (in Russ.)

Kokoulin V. G. *Demokraticeskaya kontrrevolyutsiya: Sibir', Povolzh'e, Ural (mai – noyabr' 1918 g.)* [Democratic Counter-Revolution: Siberia, the Volga region, Ural (May – November 1918)]. Novosibirsk, Obshevoiskovaya akademiya vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii, 2014, 548 p. (in Russ.)

Larkov N. S. *Dekabr'skie sobytiya 1919 g. v Tomske* [December Events of 1919 in Tomsk]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk University. History], 2011, no. 3 (15), p. 50–53. (in Russ.)

Larkov N. S. *Kolichestvo bez kachestva, ili snova «v krossovkakh po istorii»*. Retsenziya na: Kokoulin V. G. «Demokraticeskaya kontrrevolyutsiya»: Sibir', Povolzh'e, Ural (mai – noyabr' 1918 g.). Novosibirsk, 2014. – 548 s. [Quantity Without Quality, or Again "in Trainers Through History". Review of: Kokoulin V. G. Democratic Counter-Revolution: Siberia, the Volga region, Ural (May – November 1918). Novosibirsk, 2014, 548 p.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk University. History], 2015, no. 2 (34), p. 125–128. (in Russ.)

Livshits S. G. *K istorii Zapadno-Sibirskogo komissariata* [On the History of Western Siberian Commissariat]. *Voprosy istorii Sibiri* [Issues of the History of Siberia]. Barnaul, 1974, p. 69–93. (in Russ.)

Makarchuk S. V. *Sotsial-demokraty i kommunisty Sibiri v gody grazhdanskoi voyny: k postanovke problemy* [Social Democrats and Communists of Siberia in the Years of Civil War: the Problem Statement]. *Istoriya beloi Sibiri: Materialy 6-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 7–8 fevralya 2005 g.* [The History of White Siberia: Abstracts of the 6th International Scientific Conference, February 7–8, 2005]. Kemerovo, 2005, p. 228–231. (in Russ.)

Plotnikova M. E. *Kolchak i eserovskaya oppozitsiya* [Kolchak and SR Opposition]. *Voprosy istorii Sibiri* [Issues of the History of Siberia]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1967, vol. 3, p. 168–181. (in Russ.)

Plotnikova M. E. *Rol' «Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva» v podgotovke kontrrevolyutsionnogo kolchakovskogo perevorota v Sibiri* [The Role of "Temporary Siberian government" in Preparing Kolchak's Counter-Revolutionary Overthrow in Siberia]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seryja istoricheskaya* [Proceedings of Tomsk State University. Historical Series]. Tomsk, 1964, vol. 167, p. 51–67. (in Russ.)

Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX v. Entsiklopediya [Political Parties of Russia. The End of 19th – 1st Third of 20th Century. Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 800 p. (in Russ.)

Posadskov A. L. *Dve nedeli bez gosudarstvennoi vlasti: Krasnoyarsk pod zemskim upravleniem 23 dekabrya 1919 – 5 yanvarya 1920 gg.* [Two Weeks Without State Power: Krasnoyarsk Under Territorial (Zemsky) Administration: December 23, 1919 – January 5, 1920]. *Istoriya Beloi Sibiri: Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kemerovo, 28–29 sentyabrya 2009 g.* [The History of White Siberia: Materials of the 7th International Scientific Conference]. Kemerovo, 2009, p. 78–84. (in Russ.)

Reznichenko A. N. *Bor'ba bol'shevikov protiv "demokraticeskoi kontrrevolyutsii v Sibiri v 1918 g.* [The Struggle of Bolsheviks Against "Democratic" Counter-Revolution in Siberia in 1918]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972, 153 p. (in Russ.)

Sherstyannikov N. A. *Ideino-politicheskii i organizatsionnyi krakh men'shevikov v Vostochnoi Sibiri (mart 1917 – mart 1920 gg.)*: Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk [Ideological, Political and Orga-

nizational Crash of Mensheviks in Eastern Siberia (March 1917 – March 1920): Abstract of Thesis Cand. Hist. Sc.] Irkutsk, 1979, 24 p. (in Russ.)

Shikanov L. A. *Sibirskaya kontrrevolyutsiya na nachal'nom etape grazhdanskoi voiny (oktyabr' 1917 – noyabr' 1918 g.): Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [Siberian Counter-Revolution at the Initial Stage of Civil War (October 1917 – November 1918): Abstract of Thesis Cand. Hist. Sc.]. Tomsk, 1989, 24 p. (in Russ.)

Shishkin V. I. Politicheskie pozitsii sibirskikh eserov v period kolchakovschiny [Political Positions of Siberian SRs in the Period of Kolchak Movement]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya: Istoriya, filologiya, filosofiya* [News of Siberian Department of the USSR Academy. Series: History, Philology, Philosophy]. Novosibirsk, 1984, no. 14, vol. 3, p. 8–14. (in Russ.)

Shishkin V. I. *Revolyutsionnye komitety Sibiri v gody grazhdanskoi voiny (avgust 1919 – mart 1921 g.)* [Revolutionary Committees of Siberia in the Years of Civil War (August 1919 – March 1921)]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 333 p. (in Russ.)

Shishkin V. I. *Sibirskie esery i kolchakovschina (konets 1918 – nachalo 1920 g.)* [Siberian SRs and Kolchak Movement (End of 1918 – Early 1920)]. *Bol'sheviki v bor'be s neproletarskimi partijami, gruppami i techeniyami. Materialy konferentsii* [Bolsheviks in the Struggle Against Non-Proletarian Parties, Groups and Movements. Materials of Conference]. Moscow, 1983, p. 98–110. (in Russ.)

Shtyrbul A. A. *Anarkhistskoe dvizhenie v Sibiri: pervaya chetvert' XX v.: Avtoreferat dis. ... d-ra ist. nauk* [Anarchist Movement in Siberia: the 1st Quarter of the 20th Century: Abstract of Thesis Cand. Hist. Sc.]. Omsk, 1997, 45 p. (in Russ.)

Shtyrbul A. A. *Anarkhistskoe dvizhenie v Sibiri v 1-i chetverti XX v.: Antigosudarstvennyi bunt i negosudarstvennaya samoorganizatsiya trudyaschikhsya: teoriya i praktika* [Anarchist Movement in Siberia in the 1st Quarter of the 20th Century: Anti-State Riot and Non-State sSelf-Organization of Working People: Theory and Practice]. Omsk, OmGPU, 1996, pt. 1. (1900–1918), 203 p.; pt. 2. (1918–1925), 170 p. (in Russ.)

Shtyrbul A. A. *Esery-tsentristy v partizanskom i povstancheskom dvizhenii Sibiri (noyabr' 1918 – yanvar' 1920 gg.)* [SRs-Centrists in Guerilla and Rebel Movement of Siberia (November 1918 – January 1920)]. *Istoriya beloi Sibiri: Tezisy tretiei nauchnoi konferentsii (Kemerovo, 2–3 fevralya 1999 g.)* [The History of White Siberia: Abstracts of the 3rd Scientific Conference (Kemerovo, February 2–3, 1999)]. Kemerovo, 1999, p. 132–135. (in Russ.)

Shtyrbul A. A. *Omskie esery i Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (iyul' – oktyabr' 1918 g.)* [Omsk SRs and Temporary Siberian Government (July – October 1918)]. *Grazhdanskaya voina v Sibiri. Materialy Vserossiiskoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Civil War in Siberia. Materials of All-Russia Virtual Scientific Practical Conference]. Omsk, 2013, p. 174–180. (in Russ.)

Struk E. N. *Istoriya formirovaniya oppozitsii pravykh eserov rezhimu admirala A. V. Kolchaka v Vostochnoi Sibiri: Avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [The History of Forming the Opposition of Right SRs to the Regime of Admiral A. V. Kolchak in Eastern Siberia: Abstract of Thesis Cand. Hist. Sc.]. Irkutsk, 2000, 28 p. (in Russ.)

Suslov A. Ju. *Retsenziya na: Kokoulin V. G. «Demokraticheskaya kontrrevolyutsiya»: Sibir', Povolzh'e, Ural (mai – noyabr' 1918 g.)*. Novosibirsk: Obschevoiskovaya akademiya vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii, 2014. – 548 s. [Review of: Kokoulin V.G. Democratic counter-revolution: Siberia, the Volga region, Ural (May – November 1918). Novosibirsk, Obschevoiskovaya akademiya vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii, 2014, 548 p.]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Analysis], 2015, no. 4 (5), p. 98–104. (in Russ.)

Zhuravlev V. V., Rynkov V. M., Simonov D. G. *Za predelami nauki: po stranitsam imitatsionnoi istoriografii* [Beyond Science: Through Pages of Imitational Historiography]. *Rossiiskaya istoriya* [Russian History], 2016, no. 6, p. 229–234. (in Russ.)

Sources

Altaiiskii kommunist [Altai Communist] (Barnaul). 1920. Feb. 19, March 2, 4, May 23. (in Russ.)
Krasnoe znamya [Red Flag] (Tomsk). 1920. Feb. 7. (in Russ.)

Krasnoyarskii Rabochii [Krasnoyarsk Worker]. 1920. Jan. 17. (in Russ.)
Narodnaya Mysl' [People's Thought] (Irkutsk). 1920. Jan. 14. (in Russ.)
Put' Bor'by [Path of Struggle]. Tomskii gubernskii komitet RKP(b), Byuro Istparta [Tomsk Province Committee of RCP(b), Bureau of Party History]. Tomsk, 1923, iss. 1, 114 p. (in Russ.)
Sibirskaya Pravda [Siberian Truth] (Irkutsk). 1920. Jan. 27, Feb. 3. (in Russ.)
Sibirskii Communist [Siberian Communist] (Tomsk). 1920. Jan. 29. (in Russ.)
Sovetskaya Sibir' [Soviet Siberia] (Omsk). 1919. Nov. 27, 6, Dec. 24; 1920. Jan. 11, 24, 28, Feb. 1, Apr. 4, 10. (in Russ.)
Sotsial-demokrat [Social Democrat] (Irkutsk). 1920. March 21. (in Russ.)
Vlast' sovetov [Soviets' Power] (Barnaul). 1920. Jan. 7. (in Russ.)
Volya Rossii [Will of Russia] (Prague). 1920. Nov. 5, 6; 1921. March 10. (in Russ.)
Znamya bor'by [Banner of the Struggle] (Irkutsk). 1920. Jan. 13, 24. (in Russ.)
Znamya Revolyutsii [Banner of Revolution] (Tomsk). 1919. Dec. 23, 26, 27; 1920. Feb. 8, 10, 13, May 5, 29. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Шишкин Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории общественно-политического развития Института истории СО РАН, профессор кафедры отечественной истории Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Shishkin Vladimir Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, Head of Sector of History of Social and Political Development, Institute of History of the SB RAS, Professor, Department of Russian History, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University

Для цитирования / For citation

Шишкин В. И. «Левый дрейф» социалистов Сибири накануне и после разгрома Колчака (конец 1919 – начало 1920 года) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 90–106.

Shishkin V. I. The «Left Drift» of Socialists in Siberia Before and After the Defeat of Kolchak (End of 1919 – Early 1920). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 90–106. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-90-106

А. Ю. Суслов

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
ул. К. Маркса, 68, Казань, 420015, Россия*

plusha131333@yandex.ru

**ПЕРЕПИСКА ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ПАРТИИ
СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ С ПАРТИЙНЫМ
ЦЕНТРОМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1921–1925 ГОДЫ)
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Рассматривается переписка эсеров-эмигрантов в 1921–1925 гг. с партийными центрами в Советской России как исторический источник. Охарактеризовано состояние изученности проблемы, ключевые документальные публикации и исследования российских и зарубежных авторов. Дана общая характеристика процесса формирования эсеровской эмиграции в начале 1920-х гг. Проанализированы основные темы переписки, ее информативная значимость. Отмечается ценность переписки, имевшей секретный характер, как источника ввиду наличия информации, не отраженной в других материалах. Наибольшее внимание в переписке уделялось состоянию партийной работы в России и в эмиграции, печатных органах, численности и географии местных подпольных организаций в Советской России, программных и тактических вопросах партии эсеров. Важнейшей темой в 1922–1923 гг. был судебный процесс над лидерами социалистов-революционеров в Москве, организация зарубежными эсерами защиты обвиняемых и контрпропагандистской кампании в европейских странах.

Ключевые слова: социалисты-революционеры, переписка, Советская Россия, эмиграция, Заграничная Делегация, судебный процесс.

В обширном документальном наследии партии социалистов-революционеров (ПСР), относящемся к периоду ее последней эмиграции (1920–1950-е гг.), выделяется переписка Заграничной Делегации партии эсеров с руководящими партийными центрами в Советской России – в начале (весьма короткое время) с Центральным Комитетом, а затем, с лета 1921 г., с Центральным Бюро ПСР. Эта переписка хранится в фондах зарубежных архивов: в коллекции Б. И. Николаевского Гугеновского института войны, революции и мира, входящего в структуру Стэнфордского университета (США), а также в Бахметьевском архиве русской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета (США). Отдельные документы находятся в фондах ГАРФ и ЦА ФСБ РФ. Эти материалы в целом еще не введены в научный оборот, впервые были в полном объеме выявлены саратовским историком А. П. Новиковым (1955–2015) [Аврус, 2015] и в настоящее время готовятся к публикации коллективом в составе А. А. Голосеевой, К. Н. Морозова и автора этих строк.

Единственной крупной публикацией документов партии эсеров долгое время оставался содержательный сборник «Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года», составленный голландским историком М. Янсенем в основном по материалам архива Международного института социальной истории (г. Амстердам) и архива Б. И. Николаевского из Гугеновского института войны, революции и мира (США) [Партия социалистов-рево-

люционеро́в..., 1989]. Им опубликовано 149 документов за период октября с 1917 до середины 1920-х гг., разделенных на 15 глав. Документы объединены как по хронологическому принципу («П. С.-Р. в 1919 г.», «П. С.-Р. в 1920–1921 гг.» и др.), так и по территориальному («П. С.-Р. в Восточной Сибири», «П. С.-Р. на Украине и на Юге»). Представлены материалы ЦК ПСР, группы «Народ», местных партийных организаций, переписка видных деятелей ПСР. Археографический уровень сборника (заголовки документов, их датировка, комментарии, указатель имен) соответствует самым высоким требованиям и получил хорошие отзывы специалистов. Однако документы эсеровской эмиграции были представлены в сборнике явно недостаточно, главным образом в выдержках.

Работы российских и зарубежных историков последних десятилетий значительно обогатили представления о деятельности эсеровской эмиграции. Специально посвящены этой теме диссертации И. В. Чубыкина [1996] и М. Д. Тикеева [2004], статьи Д. А. Местковского [2011; 2012]. В 1997 г. вышел в свет энциклопедический биографический словарь «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции», содержащий статьи о М. В. Вишняке, С. П. Постникове, М. Л. Слониме, И. И. Фондаминском, В. М. Чернове [Русское Зарубежье, 1997]. Кратко охарактеризована эсеровская эмиграция в Чехословакии в работе Е. П. Серапионовой [1995], небольшой обзор содержится в монографии Е. И. Тимонина [2000]. Формированию эсеровской эмиграции посвящена специальная статья И. А. Кукушкиной [2004]. Более подробно сведения о социалистах-революционерах в эмиграции представлены в фундаментальной энциклопедии «Общественная мысль Русского Зарубежья»: обобщающая статья И. А. Сафонова, персональные статьи о Н. Д. Авксентьеве, А. Ф. Керенском, С. С. Маслове, О. С. Миноре, В. В. Руднев, Б. В. Савинкове, П. А. Сорокине, И. И. Фондаминском, В. М. Чернове [Общественная мысль Русского Зарубежья, 2009]. Эсеровской эмиграции в Чехословакии в межвоенный период посвящена монография британского историка Элизабет Уайт [White, 2010].

Большое значение имеет публикация второй части третьего тома сборника «Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы», подготовленная Н. Д. Ерофеевым и охватывающая период октября 1917 – 1925 гг. [Партия социалистов-революционеров, 2000]. По отчетам в «Революционной России» в этом сборнике опубликованы материалы Заграничной Делегации ПСР, в частности, протоколы Пленума 1921–1922 гг., обращения и меморандумы, документы берлинского совещания социалистов-революционеров 1922 г. Ряд документов заграничных эсеров появился в сборнике о процессе ПСР 1922 г., составителями которого выступили С. А. Красильников, К. Н. Морозов и И. В. Чубыкин [Судебный процесс..., 2002]. Участие заграничных эсеров в организации защиты подсудимых эсеров и протестной кампании, их взаимодействие с меньшевиками и европейскими социалистами, а также сама международная кампания с подсудимыми процесса эсеров 1922 г. были освещены в монографии К. Н. Морозова [2005].

Подводя итог обзору историографии, необходимо подчеркнуть, что усилиями многих исследователей создана общая картина деятельности социалистов-революционеров в годы последней эмиграции. Однако она не может считаться полной и законченной в силу хотя бы того обстоятельства, что в научный оборот до сих пор не введены и не осмыслены важнейшие источники по истории эсеров в эмиграции, прежде всего документальные – материалы Заграничной делегации, съездов и конференций, местных групп и т. д. Значителен объем малоизученного эпистолярного наследия, публицистических, научных и мемуарных работ. Все это, безусловно, потребует многолетнего труда исследователей.

Партия социалистов-революционеров (точнее, некоторая ее часть) была вытеснена в эмиграцию в начале 1920-х гг. В последующем, за более чем тридцать лет существования эсеровского зарубежья (до середины 1950-х гг.) на свет появилось великое множество мемуарных, публицистических и иных изданий, составивших один из самых больших эмигрантских комплексов.

Начало эсеровской послеоктябрьской эмиграции положил отъезд Н. С. Русанова и В. В. Сухомлина в марте-апреле 1918 г. в Стокгольм, где они с Д. О. Гавронским образовали Заграничную Делегацию ПСР. В августе 1919 г. ЦК ПСР постановил передать мандат на представи-

тельство партии за границей «тт. Рубановичу, Русанову, Сухомлину и Гавронскому» [Партия социалистов-революционеров, 2000. С. 578]. В январе 1922 г. Центральное Бюро ПСР утвердило Заграничную Делегацию в составе В. М. Зензинова, И. А. Рубановича, Н. С. Русанова, В. В. Сухомлина и В. М. Чернова. Местопребыванием ЗД ПСР был Париж, а с конца 1923 г. – Прага. Кандидатами в члены ЗД ПСР стали С. П. Постников, М. Л. Слоним и Г. И. Шрейдер.

Первый пленум Заграничной Делегации проходил в Праге. В его работе, продолжавшейся с 26 декабря 1921 г. по 8 января 1922 г., приняли участие В. М. Чернов, В. М. Зензинов, И. А. Рубанович, Н. С. Русанов, В. В. Сухомлин и С. П. Постников с правом совещательного голоса как член редакции «Революционной России». Всего состоялось девять заседаний, было заслушано и обсуждено около 40 вопросов, которые в совокупности сводились к четырем проблемам: взаимоотношения с зарубежными социалистическими партиями и международными рабочими организациями; отношение к различным российским демократическим и социалистическим группам, действовавшим за границей; отношение к некоторым международным и российским политическим процессам и внутривнутрипартийная жизнь за границей [Революционная Россия, 1922. С. 49–51].

Как подчеркивает А. П. Новиков, социалисты-революционеры покидали Советскую Россию по нескольким причинам: «во-первых, давала себя знать сложившаяся за долгие годы подпольного существования партии и укоренившаяся в сознании многих старых партийцев психологическая установка, ставшая своего рода традицией: когда возникала реальная угроза провала и ареста, то избежать их наверняка можно было лишь в том случае, если удастся покинуть российские пределы. Отсюда складывалась стереотипная модель поведения: на определенный ситуационный вызов (“опасность”) следовала определенная ситуативная реакция (“эмиграция”). Во-вторых, сложился и такой стереотип сознания, когда сама эмиграция рассматривалась как своего рода партийно-политическое инобытие, то есть она представлялась как нечто вынужденное и временное, как определенное средство восстановления и собирания сил для продолжения борьбы и будущих побед над противником. В-третьих, и это, пожалуй, главное, перманентная слабость и шаткость партийной дисциплины в эсеровских рядах, чрезмерная толерантность ко всякого рода партийным «ересям» не только в области идейно-теоретической, но и организационно-практической, что в значительной степени и послужило массовому самовольно-вынужденному исходу представителей высшего эшелона эсеровской партии в годы Гражданской войны и после ее окончания»¹. Последний фактор, безусловно, сказался в годы эмиграции самым негативным образом.

Систематическая переписка заграничных эсеров с партийным центром в России начинается в 1921 г. Значительная часть ЦК ПСР находилась в заключении в Бутырской тюрьме, поэтому летом 1921 г. из оставшихся на свободе социалистов-революционеров было образовано Центральное организационное бюро. В июле 1921 г. оно выпустило обращение к находившимся за границей членам партии и партийным организациям, где отмечалось, «что целью своей деятельности оно ставит, в согласии с суждениями, происходившими в ЦК, предвидевшего возможность своего разгрома, следующие задачи: 1) приведение в исполнение решений, принятых ЦК; 2) связь и руководство партийными организациями, в том числе и Заграничной делегацией, в духе постановлений правомочных центров партии; 3) подготовку и созыв X Совета партии»². С этого момента ЦОБ и заграничные эсеры вплоть до апреля 1925 г. переписывались регулярно, несмотря на то, что состав Бюро менялся из-за репрессий. Большинство писем написано от руки, часть представляет из себя машинописный текст с автографом.

Тематически материалы переписки заграничных эсеров с однопартийцами в Советской России распадаются на несколько блоков. На первом месте, разумеется, находится вопрос координации партийной политики, проводимой эмигрантскими кругами и социалистами-революционерами в подполье. Этой теме посвящено значительное место в переписке, причем часть информации в письмах, носившей конспиративный характер, была зашифрована.

¹ Новиков А. П. В. М. Чернов в годы третьей эмиграции: эстонский период. URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y06/novikov2.htm> (дата обращения 05.04.2018).

² Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.

Наиболее активно переписка шла в 1921–1922 гг. С 1923 г. интенсивность переписки снижается. Это было связано с репрессиями по отношению к эсерам в Советской России – аресты, ссылки, разгром подпольных типографий резко уменьшали возможности партийной работы. Прослеживается несколько волн репрессий по отношению к подпольным организациям социалистов-революционеров. В течение сентября 1922 г. в отношении эсеров было произведено свыше 150 обысков, был арестован целый ряд эсеровских работников; в конце 1922 – начале 1923 г. разгромлена киевская организация; арестованы активные работники в Петрограде, Харькове, Воронеже и Ростове-на-Дону. По сведениям авторов книги «Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.)», в мае 1923 г. ГПУ удалось нейтрализовать некоторые важные партийные центры, в частности, ленинградскую организацию ПСР (арестовано новое Центральное бюро ПСР, созданное после разоблачения провокации в рядах партии в СССР – «беспаловщина», всего отправлено в тюрьму 40 чел.); сталинградскую ячейку ПСР во главе с губбюро (арестовано 20 чел.); юго-восточную областную организацию во главе с юго-восточным облкомитетом (операции производились в Ростове-на-Дону, Краснодаре, Новороссийске, Армавире, Пятигорске, Нальчике, Нахичевани, Ставрополе, и арестовано до 200 чел.); новозыбковскую группу ПСР в Гомельской губернии (арестовано 5 чел.) [Дьяков и др., 2012. С. 237]. В итоге ЦБ ПСР информировало Заграничную Делегацию о фактическом прекращении своей деятельности, отсутствии связи с периферийными организациями и полном отсутствии денежных средств³. С большим трудом удалось в какой-то мере восстановить партийную работу, однако провокация П. А. Селецкого (агента ГПУ) вновь резко осложнила ситуацию.

Наконец, аресты 1925 г. привели к окончательному прекращению сколько-нибудь централизованной деятельности социалистов-революционеров на территории Советской России. На II съезде Заграничных организаций ПСР (Париж, апрель-май 1928 г.) С. П. Постников сообщил, что после 1926 г. «...связь с Россией была нарушена. В России произошел провал, серьезные работники были арестованы». На прямой вопрос Е. Ф. Роговского – «есть ли сношения с Россией в настоящее время?» – ответил, что только «скорые, случайного характера»⁴. В итоге последнее выявленное письмо ЦБ ПСР своим заграничным товарищам датируется 24 апреля 1925 г. В нем речь шла о представительстве партии на конгрессе Международного социалистического Интернационала, который состоится в августе 1925 г. в Марселе.

Постоянная тема в переписке – это информирование зарубежных эсеров о ситуации в Советской России. В первую очередь речь шла о состоянии партийных организаций, арестах, ссылках, издании печатных органов, материалов, предполагавшихся к размещению в партийных изданиях за границей. Происходил обмен литературой, периодическими изданиями, в том числе органами социал-демократических партий зарубежных стран (Германии, Франции, Австрии и др.), эмигрантскими изданиями различной ориентации (в частности, сборник «Смена вех»).

Представляет интерес информация о состоянии местных партийных организаций эсеров. В письме от 27 декабря 1921 г. ЦБ ПСР дает краткий и откровенный обзор партийной жизни на местах: «В Питере работа наладилась. Связь установлена со всеми районами. Проведен ряд корпоративных конференций (студентов, кооператоров) районных. Литература – и наша, и ваша – нарасхват. Там недостаток в интеллигентах-партийцах. Пролетарии работают одни...»; «В Тверской губернии весьма значительные связи в крестьянстве. В ряде уездов есть почти сформировавшиеся организации. Их только нужно собрать, объединить»; «В Москве дела тоже оживились. Восстанавливаются районы, образован ряд групп по корпорациям. В самых широких кругах читается наша литература, интерес к ней необычайный»; «В Центральной России, в Поволжье партийная работа хуже, за исключением промышленного района (губ[ернии] Ив[ано]-Возн[есенская], Влад[имирская] и Нижегородская – часть, где проведены губернские совещания и съезды), публика еще не вышла из состояния апатии и индифферентизма»; «На Украине шевелится, посылаются инструктора, производится внутриобластная переброска сил.

³ Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 5.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6108. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

Кое-что и мы делаем отсюда»; «На Кавказе в Баку организация живет, состоит почти исключительно из рабочих»; «Хуже дело в Сибири, где почти все разбито, хотя и группы, и организации уцелели»⁵. Ключевой проблемой для организации подпольной партийной работы был недостаток кадров, особенно интеллигенции, слабость издательской базы.

Сообщались сведения о настроениях среди рабочих, крестьян, студентов, о борьбе в большевистском руководстве, об экономической ситуации в стране. «Профсоюзы – все те же придатки государственной машины, все так же занимаются они бесконечной организацией своего аппарата; все так же подавляется в них свободное слово здоровой критики рабочего»⁶, – отмечается в письме ЦОБ 10 октября 1921 г. «Общее настроение можно характеризовать кратко – настроением выжидания чего-то значительного и яркого. У коммунистов смятение. Шляпников выслан в Гомель, Перипенко (член президиума ВЦСПС) отстранен от профес[сиональной] работы и выезжает куда-то на местную работу. Безработица постоянно возрастает»⁷, – письмо ЦОБ от 29 ноября 1921 г. Одиннадцатого января 1922 г. Заграничная делегация информируется об очередном витке борьбы в большевистском руководстве: «Вчера в Наркомземе в результате борьбы двух групп – левой (Осинский) и правой (Теодорович) – победила последняя. Осинский слетел с поста наркома, наркомом назначен Яковенко – сибирский крестьянин (большевик), а его заместит[елем] Теодорович. Впрочем, вопрос еще будет рассматриваться в высших кругах»⁸. В августе 1922 г. Заграничная Делегация вновь информируется о слухах по поводу большевистских лидеров: «По одной версии, Ленин – на Кавказе и поправляется, хотя это улучшение нужно считать временным, по другой – он здесь и так плох, что со дня на день ждут смерти. Говорят о диктаторской тройке: Троцкий, Каменев и Радек или Троцкий, Каменев и Рыков»⁹. В целом, слухи, которых сообщают за границу российские эсеры, можно классифицировать по достаточно распространенным параметрам: *слухи-желания* – это слухи, содержащие достаточно сильное эмоциональное желание, отражающее некоторые актуальные потребности и ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются (к примеру, слухи о предстоящем социальном взрыве в Советской России, падении власти большевиков, смерти В. И. Ленина и др.); *слухи-пугала* – это слухи, несущие и вызывающие выраженные эмоционально негативные, пугающие настроения и состояния, отражающие некоторые актуальные, но нежелательные ожидания аудитории, в которой они возникают и распространяются (репрессии в отношении социалистов-революционеров, ссылки, высылки, самоубийства, ужесточение тюремного режима) [Зубко, Суслов, 2016].

Отдельный сюжет в переписке – это известный судебный процесс над лидерами социалистов-революционеров, который проходил в Москве в июне-августе 1922 г. Процессу посвящена, как уже отмечалось, обширная литература, в том числе документальные публикации [Правозащитный политический процесс..., 2011; Судебный процесс..., 2002]. Как отмечает К. Н. Морозов, процесс 1922 г. временно сплотил все конфликтующие группы эсеровской эмиграции, и они выступили единым фронтом, хотя и не без трений. Представляется, что ни до, ни после эсеровская эмиграция не действовала с таким единодушием и такой самоотдачей, что и позволило им организовать грандиозную международную кампанию в защиту подсудимых эсеров, которая приобрела невероятный размах и стала ярчайшей страницей процесса и одновременно неприятнейшим сюрпризом для большевистского руководства [2005, С. 246]. С марта 1922 г. вплоть до осени 1922 г. процесс оставался главной темой в переписке. С. П. Постников писал эсерам в Россию 11 октября 1922 г.: «В нашей заграничной работе, видимо, наступает новый период работы. За последние 8–9 месяцев все было сосредоточено на европейской работе в связи с процессом (...) Теперь же эта работа утрачивает некоторую интенсивность, и мы значительную часть своих сил переводим на рельсы русской работы. Это, конечно, не значит ос-

⁵ Columbia University Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive. Socialist Revolutionary Party Papers. Box 7.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 9. Folder 3.

⁹ Ibid.

лабления работы в Европе, но теперь эта работа не будет вестись в ущерб русской, как было до сих пор»¹⁰. Увы, после процесса 1922 г. разногласия в эсеровской эмиграции вновь усилились, что показал съезд заграничных организаций социалистов-революционеров в Праге в ноябре 1923 г.: обозначилось несколько группировок, соглашение между которыми было формальным и, как показала жизнь, недолговечным. В 1926 г. Заграничная Делегация ПСР распадается окончательно.

В материалах переписки содержится немало информации о проблемах зарубежных социалистов-революционеров, конфликты между которыми с разной степенью остроты сотрясали эсеровскую эмиграцию почти все время ее существования. К товарищам по партии в России обращались по поводу ситуации в эмиграции представители разных течений, излагая свою версию событий и надеясь на поддержку (В. М. Чернов, В. В. Сухомлин, В. М. Зензинов, С. П. Постников и др.).

Таким образом, переписка Заграничной Делегации партии эсеров с руководящими партийными центрами в Советской России является ценным и разноплановым историческим источником. В первую очередь эти материалы существенно дополняют наши представления о деятельности социалистов-революционеров в подполье в Советской России в первой половине 1920-х гг. Этот период слабо известен и рассматривался длительное время только по данным эмигрантской печати и архивам советских спецслужб, занимавшихся борьбой с эсеровской оппозицией (циркуляры и отчеты ОГПУ). В секретной внутрипартийной переписке, не предназначенной для посторонних глаз, откровенно сообщалось о состоянии партийной работы, печатных органах, численности и географии местных организаций, программных и тактических вопросах. Наконец, переписка содержит сведения о повседневной жизни населения Советской России в годы нэпа. Они довольно интересны, так как позволяют взглянуть на ситуацию глазами социалистической оппозиции, пусть иногда и в виде слухов и домыслов.

Список литературы

Аврус А. И. «Он был настоящим историком...»: памяти Александра Павловича Новикова // История и историческая память. 2015. № 11. С. 292–297.

Дьяков Ю. Л., Колодникова Л. П., Бушуева Т. С. Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.): монархические, националистические, контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью: по документам ВЧК – ОГПУ. М.: Прометей, 2012. 330 с.

Зубко О. Е., Суслов А. Ю. Слухи и сплетни в среде Украинской, Русской и Белорусской пражских эмиграций (1921–1939 гг.) // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 32–37.

Кукушкина И. А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918–1922) // Русский исход. СПб., 2004. С. 79–105.

Местковский Д. А. Идеи демократии и партийный централизм: к вопросу об организационных принципах в эсеровской эмиграции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10). Ч. 2. С. 117–122.

Местковский Д. А. Партия социалистов-революционеров в эмиграции в 1920-х годах. Пути возрождения организации: централизм или демократизм // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 44–55.

Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. 736 с.

Общественная мысль Русского Зарубежья: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. 704 с.

Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.: Энциклопед. биограф. словарь. М.: РОССПЭН, 1997. 742 с.

¹⁰ Columbia University Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive. Socialist Revolutionary Party Papers. Box 7.

Сератионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е гг.). М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. 197 с.

Тикеев М. Д. Эсеровская эмиграция 20–30-х гг. XX в.: идейные основы и общественно-политическая деятельность: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 196 с.

Тимонин Е. И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.). Омск: Изд-во Сиб-АДИ, 2000. 291 с.

Чубыкин И. В. Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 25 с.

White E. The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939. New York: Routledge, 2010. 180 p.

Список источников

Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 г.: Документы из архива П. С.-Р. Amsterdam: Stichting beheer IISG, 1989. 772 с.

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3, ч. 2: Октябрь 1917 – 1925 г. 1055 с.

Правоэсеровский политический процесс в Москве. 8 июня – 4 августа 1922 г. Стенограммы судебных заседаний: М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. Т. 1, 2. 687 с.

Революционная Россия. 1922. № 16–18.

Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с.

Материал поступил в редколлегию 04.05.2018

A. Yu. Suslov

*Kazan National Research Technological University
68 K. Marx Str., Kazan, 420015, Russian Federation*

plusha131333@yandex.ru

CORRESPONDENCE OF THE FOREIGN DELEGATION OF THE SOCIALIST-REVOLUTIONARIES PARTY WITH THE PARTY CENTER IN SOVIET RUSSIA (1921–1925) AS A HISTORICAL SOURCE

The article considers the correspondence of emigrants with the party center in Soviet Russia in 1920–1925 as a historical source. These materials are currently almost unknown to researchers and have not been introduced into scientific circulation. The purpose of the article is to describe the state of the problem research, key documentary publications and research by Russian and foreign authors. The importance of secret correspondence is noted as a source due to the availability of information that is not reflected in other materials. Systematic correspondence with overseas Socialist party centers in Russia began in 1921, the most active correspondence was in 1921–1922, 1923, while later the intensity of correspondence reduced. The greatest attention in correspondence was paid to cooperation of party work in Russia and in emigration, the press, quantity and geography of local subordinated organizations in Soviet Russia, program and tactical questions of the Socialists-Revolutionaries. The most discussed topics in 1922–1923, were the trial of leaders of Socialist-Revolutionaries in Moscow, the protection of foreign SRS defendants and counter-propaganda campaigns in European countries. Finally, the correspondence contains interesting information about the conflicts within the Bolshevik leadership, and the daily life of the population of Soviet Russia during the NEP period.

The correspondence of the foreign delegation of the SR party with the leading party centers of Soviet Russia is a valuable and diverse historical source. These materials significantly complement our understanding of the Socialists-Revolutionaries in the first half of the 1920s. In addition, they contain important information about the political and socio-economic situation in Soviet Russia during this period.

Keywords: the Socialists-Revolutionaries, correspondence, emigration, Foreign delegation, the judicial process.

References

Avrus A. I. «On byl nastoyaschim istorikom...»: pamyati Aleksandra Pavlovicha Novikova [«He Was a Real Historian...»: In Memory of Alexander Pavlovich Novikov]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and Historical Memory], 2015, no. 11, p. 292–297. (in Russ.)

Chubykin I. V. *Rossiiskie sotsialisty-revolutsionery v emigratsii (1920-e gody)* [Russian Socialists-Revolutionaries in Emigration (1920s)]. Abstract of Ph. D. Thesis. Moscow, 1996, 25 p. (in Russ.)

Dyakov Yu. L., Kolomnikova L. P., Bushueva T. S. *Protestnoe dvizhenie v SSSR (1922–1931): monarkhicheskie, natsionalisticheskie, kontrrevolyutsionnye partii i organizatsii v SSSR: ikh deyatel'nost' i otnosheniya s vlast'yu: po dokumentam VCHK–OGPU* [The Protest Movement in the USSR (1922–1931): Monarchist, Nationalist, Counter-Revolutionary Parties and Organizations in the USSR: Their Activities and Relations with the Authorities: According to the Documents of the Cheka-OGPU]. Moscow, Prometheus Publ., 2012, 330 p. (in Russ.)

Kukushkina I. A. Put' sotsialistov-revolutsionerov v emigratsiyu (1918–1922) [The Path of Socialist-Revolutionaries in Exile (1918–1922)]. *Russkii iskhod* [Russian Exodus]. St. Petersburg, 2004, p. 79–105. (in Russ.)

Mestkovsky D. A. Idei demokratii i partiyni tseentralizm: k voprosu ob organizatsionnykh printsipakh v eserovskoi emigratsii [The Ideas of Democracy and Party Centralism: On the Issue of the Institutional Principles in the Socialist-Revolutionary Emigration]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2011, no. 4 (10), pt. 2, p. 117–122. (in Russ.)

Mestkovsky D. A. Partiya sotsialistov-revolutsionerov v emigratsii v 1920-kh godakh. Puti vrozozhdeniya organizatsii: tseentralizm ili demokratizm [The Party of Socialists-Revolutionaries in Exile in the 1920s. The Way of the Revival of the Organization: Centralism or Democracy] *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations], 2012, no. 1 (21), p. 44–55. (in Russ.)

Morozov K. N. *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The Trial of the Socialist-Revolutionaries and the Prison Confrontation (1922–1926): The Ethics and Tactics of Warfare]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 736 p. (in Russ.)

Obschestvennaya mysl' Russkogo zarubezh'ya: Entsiklopediya [Social Thought of the Russian Diaspora: Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 704 p. (in Russ.)

Russkoe zarubezh'e. Zolotaya kniga emigratsii. Pervaya tret' XX veka: Entsiklopedicheskii biograficheskii slovar' [Russian Diaspora. Gold Book of Emigration. The 1st Third of the 20th Century: The Encyclopedic Biographic Dictionary]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 742 p. (in Russ.)

Serapionova E. P. *Rossiiskaya emigratsiya v Chekhoslovatsckoi respublike (20–30-e gody)* [Russian Emigration in the Czechoslovak Republic (20–30s)]. Moscow, Institut Slavyanovedeniya i Balkanistiki RAN, 1995, 197 p. (in Russ.)

Tikeev M. D. *Eserovskaya emigratsiya 20–30-kh gg. XX v.: ideinye osnovy i obschestvenno-politicheskaya deyatel'nost'* [Socialist-Revolutionary Emigration in 20–30s of the 20th Century: Ideological Foundations and Political Activity]. Ph. D. Thesis. Moscow, 2004, 196 p. (in Russ.)

Timonin E. I. *Istoricheskie sud'by russkoi emigratsii (1920–1945 gg.)* [*Historical Destinies of Russian Emigration (1920–1945)*]. Omsk, Izdatel'stvo SibADI, 2000, 291 p. (in Russ.)

White E. *The Socialist Alternative to Bolshevik Russia: The Socialist Revolutionary Party, 1921–1939*. New York, Routledge, 2010, 180 p.

Zubko O. E., Suslov A. Yu. Slukhi i spletni v srede Ukrainskoi, Russkoi i Belorusskoi prazhskikh emigratsii (1921–1939) [Rumors and Gossips Among Ukrainian, Russian and Belarusian Prague Emigrants (1921–1939)]. *Sovremennaya nauka. Aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya Gumanitarnye nauki* [Modern Science. Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities], 2016, no. 2, p. 32–37. (in Russ.)

Sources

Partiya sotsialistov-revolutsionerov. Dokumenty i materialy [Party of Socialists-Revolutionaries. Documents and Materials]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, vol. 3, pt. 2. Oktyabr' 1917–1925 g. [October 1917–1925], 1055 p. (in Russ.)

Partiya sotsialistov-revolutsionerov posle oktyabr'skogo perevorota 1917 goda: Dokumenty iz arkhiva P. S.-R. [Party of Socialists-Revolutionaries After the October Revolution of 1917: Documents From the Archives of PSR]. Amsterdam, Stichting beheer IISG, 1989, 772 p. (in Russ.)

Pravoessersovskii politicheskii protsess v Moskve. 8 iyunya – 4 avgusta 1922 g. Stenogrammy sudebnykh zasedanii [The Right SR Political Process in Moscow. 8 Jun. – 4 Aug. 1922. Transcripts of Court Hearings]. Moscow, ROSSPEN Publ., Fond «Presidentskii tsentr B. N. Yel'tsina», 2011, vol. 1, 2, 687 p. (in Russ.)

Revolutsionnaya Rossiya [Revolutionary Russia], 1922, no. 16–18. (in Russ.)

Sudebnyi protsess nad sotsialistami-revolutsionerami (iyun' – avgust 1922 g.): Podgotovka. Provedenie. Itogi [Trial of the Socialists-Revolutionaries (June-August 1922): Preparation. Conduction. Results]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002, 1007 p. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Суслов Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета

Suslov Aleksey Yurievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities, Kazan National Research Technological University

Для цитирования / For citation

Суслов А. Ю. Переписка Заграничной Делегации партии социалистов-революционеров с партийным центром в Советской России (1921–1925 годы) как исторический источник // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 107–115.

Suslov A. Yu. Correspondence of the Foreign Delegation of the Socialist-Revolutionaries Party with the Party Center in Soviet Russia (1921–1925) as a Historical Source. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 107–115. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-107-115

УДК 343.81(571.17)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-116-126

Ю. В. Рябова

*Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева
ул. Весенняя, 28, Кемерово, 650000, Россия*

ruv.kemcdo@mail.ru

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЮЖНОКУЗБАССКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ МВД СССР (1947–1948 ГОДЫ)

Рассматривается процесс становления производственной деятельности Южнокузбасского лесозаготовительного исправительно-трудового лагеря МВД СССР, располагавшегося на юге Кемеровской области на территории Горной Шории. Материалом для исследования послужили архивные документы, информация и статистика которых впервые введена в научный оборот. Автор акцентирует внимание на формировании материально-технической базы лагеря и ее составляющих, анализирует динамику процессов выстраивания приемов, форм и методов производственной деятельности на начальном этапе с 1947 по 1948 г. Особое внимание в статье уделено вопросу развития дорожной инфраструктуры лагеря, дополнительным сферам производственной деятельности – лесоперерабатывающей и сельскохозяйственной. Сделан вывод о том, что к концу 1948 г. завершился организационный этап формирования необходимой производственной базы лагеря, который позволил увеличить объемы производства в последующие годы.

Ключевые слова: Кемеровская область, Горная Шория, принудительный труд, лесозаготовка, спецконтингент.

Вопросы использования труда осужденных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях Советского Союза, являются предметом научного и общественного интереса. Актуальным представляется вопрос оценки эффективности принудительного труда в разных отраслях экономики и его значения для народного хозяйства страны.

Раскрывая характер принудительного труда, авторы высказывают разные точки зрения. Большинство отечественных исследователей [Хлевнюк, 1992; Иванова, 2006; Захарченко, 2014] указывают на его неэффективность и нерациональность. В. А. Бердинских и В. И. Меньковский [2017] отмечают, что производственная сфера НКВД – МВД, основанная преимущественно на тяжелом физическом труде, отторгала технический прогресс.

Низкая производительность труда – одна из причин кризиса лагерной экономики. А. Б. Суслов [2008], рассматривая экономическую деятельность лагерей на региональном материале, пришел к выводу о близости показателей труда «вольных» и заключенных. А. В. Захарченко [2014], указывая на мотивацию и профессиональную подготовку вольнонаемных кадров, отмечает, что их производительность труда была существенно выше подневольных.

Но есть исследователи, убежденные в эффективности хозяйственной системы, созданной ГУЛАГом. Так, А. С. Смыкалин [1997] фиксирует высокие производственные показатели ГУЛАГа, которые обеспечивались жесткой организацией и дешевизной этого труда.

Как видим, дискуссии в современной отечественной науке позволяют историкам продолжить изыскания по данной проблематике. Большое значение здесь имеют исследования, по-

строенные на региональном материале, которые выявляют общие и частные тенденции развития лагерной экономики.

В связи с тем, что производственная деятельность Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР («Южкузбасслага») не нашла полного отражения в трудах современных историков, данное исследование является актуальным. Кузбасские исследователи Л. И. Гвоздкова и Р. С. Бикметов в своих научных работах только обзорно касались общих вопросов существования лагеря. Л. И. Гвоздкова [1997] кратко характеризует деятельность «Южкузбасслага» в период с 1947 по 1954 г.: структуру лагеря и расположение подразделений, жилищно-бытовые, кадровые и производственные вопросы, численность и состав заключенных. Р. С. Бикметов [2006; 2009] также касается отдельных вопросов существования лагеря в период с 1947 по 1956 г., анализирует особенности организации лагеря, его сельскохозяйственную и производственную деятельность, использование труда спецпереселенцев. Но детальным изучением его истории, особенностей формирования, функционирования и производственной деятельности упомянутые авторы не занимались. Данный факт определяет новизну исследования.

В связи с этим, цель данной работы заключается в исследовании процесса становления производственной базы «Южкузбасслага» и выявлении ключевых организационных и производственных направлений, способствующих формированию трудового процесса.

Источниковую базу исследования составляют неопубликованные архивные материалы из фондов ведомственного архива ГУФСИН по Кемеровской области, отражающие организационные и производственные аспекты деятельности ИТЛ в 1947–1948 гг. Преимущественно это бухгалтерско-финансовая документация (годовые отчеты, объяснительные записки, статистические данные), делопроизводственные и отчетные документы (приказы, отчеты, планы, акты). Ограниченность источников и анализ официальных документов, составленных руководством лагеря, допускают возможность завышения (приписки) показателей деятельности лагеря. Отсутствие альтернативных документов, характеризующих работу лесной промышленности региона, вынуждает автора использовать лагерную документацию.

В послевоенные годы увеличение объема угледобычи и масштабное шахтное строительство в Кузбассе требовали регулярной поставки крепежного леса. Лесоматериал был необходим для эксплуатации и реконструкции действующих угледобывающих предприятий региона. Существующие лесозаготовительные тресты «Севкузбасслес» и «Южкузбасслес» не справлялись с выполнением государственных планов. Объяснялось это, прежде всего, дефицитом рабочих кадров. Отсутствие благоустроенной инфраструктуры, медицинских, детских и школьных учреждений, общественного питания, удаленность от цивилизации способствовали большой текучести вольнонаемных рабочих кадров. Периодические оргнаборы и привлечение трудопоселенцев не восполняли «кадровый голод» в отрасли.

Для улучшения ситуации в лесозаготовительной отрасли руководством страны были приняты кардинальные меры. Постановлением № 409 Совета Министров СССР от 01.03.1947 г. Министерству угольной промышленности восточных районов СССР предписывалось в месячный срок передать Министерству внутренних дел СССР лесозаготовительные организации и лесоперерабатывающие предприятия Кемеровской области и Хакасской автономной области для создания на их базе исправительно-трудовых лагерей [История сталинского ГУЛАГА, 2004. С. 314–315]. Приказ МВД СССР № 00241 от 04.03.1947 г. определил порядок их передачи и реорганизации [Там же. С. 316]. В ведение лагерей передавались производственные мощности трестов, техника, оборудование, транспорт, рабочие кадры [Там же. С. 316–319].

В частности, трест «Южкузбасслес» был реорганизован в Южнокузбасский исправительно-трудовой лагерь МВД СССР, который начал свою деятельность с 1 апреля 1947 г.¹ Управление лагеря располагалось в г. Сталинске (ныне Новокузнецк). Начальником был назначен подполковник И. И. Долгих, который с 1930 г. работал в системе ГУЛАГа и имел опыт хозяйственной и административной работы в учреждениях исправительного типа.

¹ ТА ГУФСИН КО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

Территория лесных массивов, разрабатываемая «Южкузбасслагом», располагалась на юге Кемеровской области и занимала район верхнего течения р. Томь с притоками Мрассу, Кондома, Уса. Площадь лесов лесоразработки составляла 133 607 га с запасом древесины 64 483 тыс. куб. м. Горный рельеф местности с множеством логов и высоких хребтов, густая сеть рек и ручьев, заболоченность земель определили особенности лесозаготовительной деятельности лагеря. Отсутствие целостного природного ландшафта способствовало наличию множества мелких лесозаготовительных участков, децентрализации производства и управления.

В плане организации производственной деятельности лагеря 1947 г. явился сложным и трудным. Перевод в кратчайшие сроки убыточного лесозаготовительного треста в разряд самоокупаемого предприятия – непростая задача, требовавшая кардинального изменения принципов хозяйственной деятельности. К тому же запланированный Госпланом непрерывный рост объема производства (1947 г. – 925 тыс. куб. м, 1948 г. – 1 275 тыс. куб. м, 1949 г. – 1 300 тыс. куб. м, 1950 г. – 1 345 тыс. куб. м), предполагал скорейшее решение организационных, производственных и технологических проблем². Руководству ИТЛ предстояло в кратчайшие сроки решить вопросы, связанные с размещением поступающих осужденных, формированием и развитием производственной базы, подготовкой квалифицированных рабочих кадров из контингента заключенных, рациональным использованием имеющихся производственных мощностей, обеспечением военизированной охраны.

Форсирование поселкового строительства обуславливалось необходимостью быстрее размещения и включения в производственный цикл поступающих контингентов с целью выполнения намеченного планом объема производства. На базе существующих леспромхозов бывшего треста создавались новые отдельные лагерные пункты. В 1947 г. их было образовано 11.

Для размещения ожидаемых в 1947 г. 15 тыс. заключенных требовалось возведение дополнительного жилого комплекса, включающего в себя 23 лагерных поселка. Во всех ОЛПах со 2-го квартала 1947 г. началось возведение лагерных построек, но из-за острого дефицита строительных материалов оно осуществлялось с большим напряжением.

На начальном этапе переход к использованию принудительного труда на лесозаготовках не решил вопрос нехватки кадров. Лагерь начал свою работу, имея значительный недокомплект в составе рабочей силы (6 732 чел. при плановой потребности в 16 334 чел.). При этом 3 тыс. – это старики и инвалиды. Ожидаемый контингент стал поступать только в июле-августе 1947 г. и преимущественно был задействован на строительстве лагпунктов³. В связи с этим вся работа по выполнению плана лесозаготовок пришлось на 3-й и 4-й кварталы 1947 г.

Дефицит рабочих кадров способствовал закреплению за лагерем спецпереселенцев. «На основании директивного указания начальника УМВД по Кемеровской области за № 12/1–6382 от 18.10.1947 г. в административное и хозяйственное подчинение «Южкузбасслагу» передавались все спецпереселенцы, работавшие на предприятиях «Южкузбасслеса». Для их учета были созданы Чугунашская, Абагурская, Мундыбашская и Мысковская спецкомендатуры с общим подчинением отделу кадров лагеря. Вскоре спецкомендатуры были организованы при каждом лагерном отделении» [Бикметов, 2006. С. 249].

Основной же производственной силой лагеря являлись заключенные. Физически тяжелый труд в сложных природных и климатических условиях требовал от них выносливости и наличия профессиональной квалификации. Поступившие же контингенты не были обучены лесозаготовительным работам, и приобретать необходимые производственные навыки им приходилось уже на рабочем месте. К тому же большинство вновь прибывших находились в ослабленном состоянии. В лагере из-за отсутствия медикаментов и медперсонала не было возможности для обеспечения их полноценным кожным лечением. Из-за отсутствия стационарных кухонь пища готовилась под открытым небом, что снижало качество приготовленных блюд.

² ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.

³ Там же. Д. 10. Л. 129.

Недостаток круп, картофеля и овощей в течение трех месяцев привел к преобладанию мучных блюд в рационе заключенных.

Производственную ситуацию критически обострило несвоевременное поступление вещевого довольствия. Прибывший контингент был раздет и разут, а запасов вещевого довольствия у ИТЛ не было. В результате в осенний и зимний периоды начался массовый невыход на работу. Также увеличился невыход на работу по болезни, а отсутствие спецодежды вынуждало использовать здоровых людей в лагсекторе и хозобслуге. Все это привело к снижению количества заключенных на производстве.

В целом обеспеченность лагеря людскими ресурсами по рабочему фонду в 1947 г. составила 73,9 % от плана, а общий списочный состав заключенных – 64,3 % к плану, включая 11,8 % забалансового контингента (больных и инвалидов). Фактически забалансовый контингент преобладал над отчетным. В ОЛПах работники санчастей часто не оформляли акты на нахождение в карантине и непригодность к труду по причине инвалидности ⁴.

Руководство ИТЛ стремилось организовать рациональное трудоиспользование заключенных. Осужденный должен был окупать свое пребывание в лагере, а его труд – приносить прибыль государству. Но специфика принудительного труда вела к формированию особого отношения к трудовой деятельности, основанного на незаинтересованности в ее результате. Для повышения производительности труда заключенных с 1947 г. применялись методы стимулирования и поощрения.

Производительность труда в 1947 г. по отдельным фазам лесозаготовок на основных работах составила (%): заготовка – 61,2, подвозка – 140,3, вывозка – 111,6, сплав – 121,6, выкатка – 105, разделка – 94,6 ⁵. Низкая производительность труда на заготовке объясняется слабой трудоспособностью контингента. В связи с необеспеченностью рабочей силой во 2-м и 3-м кварталах все трудоспособные рабочие использовались на сплаве леса, а лесозаготовки велись инвалидами, стариками и домохозяйками. К тому же лагерь не был обеспечен специальным и вспомогательным инструментом. В среднем на 10 чел. приходилось 2–3 топора.

В целом же, выполнение плана лесозаготовок в 1947 г. складывалось из работы двух организаций: треста «Южкузбасслес» (1 кв.) и «Южкузбасслаг» (2–4 кв.). Результат деятельности по фазам лесозаготовки представлен в табл. 1.

Таблица 1

Выполнение плана по заготовке и подвозке леса за 1947 г. *

Название организации	Заготовка (тыс. ф. м)			Подвозка (тыс. ф. м)		
	план	факт	%	план	факт	%
Южкузбасслес (1 кв.)	155	112,8	72,7	115	41,9	36,4
Южкузбасслаг (2–4 кв.)	895	489,3	54,6	685	422,1	61,6
Итого:	1 050	602,1	57,3	800	464	58

* Таблица составлена по: Годовой отчет за 1947 г. ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10. Л. 127.

Как видно из табл. 1, план «Южкузбасслага» по заготовке леса за весь 1947 г. был выполнен только на 57,3 %. Если рассматривать показатели по ОЛПам, то только Абагурский переполнил план по заготовке на 111,6 %. Максимально приблизился к запланированным по-

⁴ Там же. Л. 137.

⁵ Там же. Л. 135.

казателям Кондомский ОЛП – 93 %. Остальные же ОЛПы справились с планом от 30 до 69 % ⁶. Среди причин невыполнения плана лесозаготовок являются: отсутствие необходимого количества рабочей силы, низкая производственная квалификация заключенных, необеспеченность одеждой, обувью, инструментом.

При планировании территориального размещения производства руководство «Южкузбаслага» придавало огромное значение созданию условий для транспортировки древесины к железнодорожным путям или сплавным рекам. Предпочтение отдавалось тем участкам, которые при значительных лесных запасах имели минимальное расстояние для вывозки и были доступны для эксплуатации. В зависимости от рельефа местности использовались разные виды дорог: автомобильные, конные, узкоколейные железные дороги с мотовозной тягой, тракторные. При этом руководство ИТЛ применяло новые технические методы для решения текущих производственных вопросов.

Так, следует отметить, что у треста «Южкузбасслес» летняя вывозка древесины не практиковалась. Лагерь же имел на 2-й и 3-й кварталы 1947 г. запланированный объем летней вывозки 55 тыс. фестметров. Для обеспечения круглогодичной вывозки леса началось строительство круглолежневых конных дорог, которых ранее здесь не применяли. Кроме того, руководство лагеря запланировало построить за лето 1947 г. автомобильных дорог – 39 км, узкоколейных железных дорог – 14 км, тракторных – 17 км, хозяйственных автодорог – Кабырзинской (60 км) и в Мундыбашском ОЛПе (25 км), дорогу Мыски – Усинский ОЛП (30 км), а также отремонтировать дорогу Абагур – Мыски (45 км).

Запланированное строительство проходило в напряженных условиях: ограниченные сроки, затруднения со снабжением необходимыми материалами, нехватка рабочей силы, отсутствие профессиональных навыков у низовых работников. Зафиксированы случаи оказания сопротивления заключенных к сооружению дорожного полотна. Период подготовки дорог сопровождался общим снижением производительности лагеря и невыполнением плана вывозки леса.

Заготовленная лагерем древесина подвозилась к 30 первичным и 3 магистральным рекам (Томь, Мрассу, Кондома) и молевым сплавом (россыпью по воде) доставлялась в гавани Абагурского и Шушталепского лесокомбинатов. Здесь она извлекалась на берег, погружалась на железнодорожный транспорт и отправлялась к потребителям. Часть древесины шла для переработки на лесокомбинаты. Исключение составлял Чугунашский ОЛП, транспортировавший древесину по железной дороге непосредственно с мест заготовки.

Необходимо отметить, что транспортировка древесины молевым сплавом приводила к значительным потерям, из-за чего таящие реки оказались забиты затонувшим лесом. Это наряду с массовой вырубкой древесины привело к изменению экосистемы региона: со временем малые реки обмелели, а лесные массивы Кузбасса значительно уменьшились.

Руководство ИТЛ рассматривало перспективы расширения транспортировки леса естественным путем сплава леса по местным рекам. План сплава древесины в 1947 г. был выполнен по только на 72 % ⁷, что объясняется отсутствием леса в складах на лесозаготовительных участках. Успешно и досрочно сплав проведен в Кондомском, Абагурском, Кумзасском ОЛПах за счет четкой организации труда и перевыполнения норм на сплаве большей частью вольнонаемных рабочих. Наихудшие показатели в Усинском, Тутуясском и Шушталепском ОЛПах, где из-за неудовлетворительного состояния сплавного пути произошел разнос древесины по лугам, а также подготовленный лес не был сброшен к сплаву ⁸.

В лагере на подвозке и вывозке леса использовалась механизированная и конная транспортировка. Оснащенность «Южкузбаслага» автотранспортом соответствовала плану (мотовозов имелось даже больше), а конной тяги не хватало. Коэффициент же использования транспорта в 1947 г. был низким: тракторы и автомашины – 50 %, мотовозы – 100 %, лошади – 96,6 % ⁹.

⁶ Там же. Л. 128.

⁷ Там же. Л. 130.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Л. 148.

Производительность труда по механизированной вывозке также была невысока: по мотовозам – 70,9 %, по тракторам – 58 %, по автомашинам – 58 % от плана¹⁰.

Мотовозы использовались на узкоколейных железных дорогах, и коэффициент их использования полностью соответствовал плановому. В большей степени это достигалось за счет их сверхпланового количества, но все имеющиеся мотовозы находилось в изношенном техническом состоянии и требовали ремонта. К тому же погодные условия Горной Шории (ливневые дожди летом и снежные заносы зимой) приводили к их вынужденным простоям.

Ситуацию усложняло и отсутствие горючего. Оно поступило только осенью, и из-за распутицы его не смогли доставить к автодорогам. Вследствие этого, несмотря на своевременную подготовку дорог, автомашины на лесовывозке почти не работали. Кроме того, отсутствие нефтебазы и емкостей для слива топлива не позволяли сделать хотя бы недельный запас горючего на лесозаготовительных участках.

На лесоперевозках сказался и недостаток квалифицированных шоферов и трактористов. Для решения кадровой проблемы в лагере стали организовываться массовые краткосрочные курсы для подготовки шоферов, трактористов, нормировщиков, рабочих различных специальностей лесной отрасли.

Альтернативой механизированной вывозке служила конная транспортировка леса. Лошадей в лагере имелось 1 698 голов вместо 2 400 предусмотренных планом. Из-за отсутствия теплых конюшен и систематических перебоев с фуражом лошади имели низкую категориальность. Средний вес лошади составлял 280–290 кг. Но при всем этом производительность коней в 1947 г. оказалась выше плана. На подвозке она составила 101 %, на вывозке: по рационализированным дорогам – 129 % и по обыкновенным – 155,5 %¹¹.

Объяснить это можно природной выносливостью животных, их приспособляемостью к сложным климатическим условиям, высокой проходимостью по таежному бездорожью, способностью питаться подножным кормом.

Следующим важным производственным этапом в работе лагеря, наряду с лесозаготовкой и вывозкой, являлось лесопиление. Лесопилением занимались деревообрабатывающие предприятия «Южкузбасслага» – Абагурский и Шушталепский лесокомбинаты. План лесопиления в 1947 г. был выполнен на 124 %. Но, несмотря на высокие результаты выполнения плана, лесоперерабатывающие комбинаты из-за большого износа оборудования работали в крайне напряженном состоянии. Работа лесопильных рам сопровождалась простоями из-за поломки оборудования и отсутствия запасных частей.

Производственная деятельность «Южкузбасслага» включала в себя и изготовление изделий ширпотреба, хотя утвержденного плана на эту деятельность в 1947 г. не было. Организованные столярные мастерские на Абагурском и Шушталепском лесокомбинатах занимались переработкой отходов лесопиления, изготавливая тарную дощечку, штукатурную дранку, штакетник, стройдетали. Комбинат «Кузбассуголь» настойчиво просил лагерь помочь в оборудовании жилищ шахтеров простейшей мебелью. Для организации производства пустующие сараи переоборудовались под мастерские. Сначала все работы выполнялись при отсутствии специальных механизмов за исключением циркуляра. Со временем лагерем было самостоятельно изготовлено и получено от других организаций необходимое станочное оборудование. Препятствием для расширения работ по производству ширпотреба являлось отсутствие сушилок. Имеющаяся на Абагурском лесозаводе сушилка емкостью 6 м³, обеспечивала потребность в сухом материале только на 10–15 %.

Но, несмотря на все трудности, в 1947 г. в лагере произвели тарной дощечки, штакетника и штукатурной дранки на общую сумму 319, 9 тыс. руб., мебели и стройдеталей – на 578 тыс. руб., прочих изделий – на 82,5 тыс. руб.¹² Колоссальная потребность области и самого ИТЛ в подобного рода продукции, своевременная оплата выполненных заказов явились стимулом для дальнейшего развития данного направления. Кроме того, это позволяло задействовать

¹⁰ Там же. Л. 138.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 134.

в производстве физически ослабленный контингент заключенных, непригодный к лесозаготовительным работам.

В целях самообеспечения лагеря продовольствием особая роль отводилась развитию сельского хозяйства. Более 60 лагпунктов имели свои участки с посевами в виде отдельных полос, разбросанных по тайге, размеры которых порой едва превышали один гектар. Только бывшая конферма «Кузбасс», входившая в систему Абагурского КОЛП, имела посевы, сосредоточенные в одном месте.

В лагере выращивали овощи (картофель, капусту, морковь, свеклу, огурцы, лук), кормовые корнеплоды, фуражные и крупяные зерновые. Для создания кормовой базы для гужевого транспорта и молочного скота широко практиковалась заготовка сена и силоса. Животноводство было разнообразным по составу видов (коровы, лошади, свиньи, овцы, птица), но невысоким по продуктивности. Получило развитие и пчеловодство.

Горный рельеф местности, резко-континентальный климат горно-таежного района с большим перепадом среднемесячных и среднесуточных температур, продолжительными заморозками в весеннее время, обилие дождей в летне-осенний период затрудняли сельхозработы. Нехватка агрономов, слабая оснащенность сельскохозяйственными машинами и плохое их техническое состояние, дефицит семян, удобрений способствовали низкой производительности и невыполнению плана.

На протяжении следующего 1948 г. руководство «Южкузбасслага» продолжало осуществлять курс на формирование устойчивой производственной базы лагеря. Так, были приняты меры для повышения производительности труда. По-прежнему находясь в условиях нехватки людских ресурсов, особое внимание уделялось профессиональному обучению поступивших кадров. Для этого к звеньям новых контингентов прикреплялись опытные специалисты. В целом, в течение года 6 265 чел. были обучены бригадно-индивидуальным способом, 247 чел. – через стахановские школы, 122 чел. – методом курсовой подготовки¹³.

В 1948 г. изменились и формы работы. На смену комплексной бригаде пришла работа сквозными поточными звеньями, предполагающая разделение трудовых операций внутри коллектива. Это привело к устранению ряда трудоемких операций, к непрерывности производственного процесса, к улучшению состояния трелевочных дорог и упорядочению процесса валки леса. Если в январе 1948 г. указанным методом работало 40 звеньев, в составе которых было 120 чел. и 37 лошадей, то в декабре 1948 г. – уже 714 звеньев, где было задействовано 3 222 чел. и 362 лошади. В результате в январе заготовили с подвозкой 5 700 тыс. куб. м и 88 494 куб. м – в декабре¹⁴.

Летом 1948 г. завершилось создание необходимой дорожной базы для организации летней вывозки леса. Построили 90 км конных круглолежневых дорог, 14,8 км автолежневых дорог, 11,4 км узкоколейных дорог. Но коэффициент использования тракторов и автомашин на лесовывозке по-прежнему оставался ниже запланированного и составил 66,6 и 68,4 % соответственно. Исключением стали мотовозы, где коэффициент использования немного превысил плановый показатель – 102,2 %¹⁵. Причины недостаточного использования автотранспорта прежние – отсутствие запчастей, горючего, квалифицированных водителей, недостаточная организация работ по механизированной вывозке.

Отметим, что в лагере по-прежнему сохранялась острая нехватка тягловой силы. «Южкузбасслаг» в 1948 г. был обеспечен лошадьми на 77,8 % от плана. Этот недостаток тягла особенно остро сказывался на производстве. Значительную часть лошадей приходилось использовать не на прямых работах в лесу, а на доставке продуктов и грузов по многочисленным производственным точкам, расположенным в тайге на большом расстоянии друг от друга. В связи с этим подвозка леса в 1948 г. велась вручную¹⁶.

¹³ Там же. Д. 12. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 14.

Раздробленность и территориальная удаленность лесозаготовительных участков требовали большого штата военизированной охраны, необходимой для оцепления мест работы заключенных, но ИТЛ нужным количеством охранников не располагал. Это приводило к не выводу осужденных на работу, к побегам. В результате на условиях выплаты денежного вознаграждения часть заключенных была переведена в самоохрану, что позволило ИТЛ расширить зону лесозаготовительных работ и сэкономить денежные средства. Стоимость человека-дня по военизированной охране уменьшилась на 3 коп., что сократило расходы «Южкузбасслага» в 1948 г. на 205 тыс. руб.¹⁷

Быт заключенных по-прежнему не был налажен. Осужденные проживали в бараках в антисанитарных условиях. При установленной норме 2 кв. м на человека в среднем приходилось от 1,12 до 1,4 кв. м жилой площади, а в отдельных ОЛПах и того меньше: в Кумзаском – 0,84 кв. м; в Чебалсинском – 0,93; в Тутуяском – 0,87; в Мундыбашском – 0,97 кв. м¹⁸. По плану капитального строительства в 1948 г. планировалось возвести 10 бараков, а фактически сдали в эксплуатацию только один.

В 1948 г. наблюдался значительный рост производства ширпотреба. Для сравнения: в 1947 г. выпущено продукции на 713 тыс. руб., а в 1948 г. – на 3 715 тыс. руб.¹⁹ Такой значительный подъем объяснялся тем, что предприятия вышли из стадии становления на уровень стабильной работы, освоив массовое производство по следующим направлениям: деревообработка, изготовление мебели и бондарных изделий. Но, имея значительные достижения в количественных показателях, качество выпускаемой продукции оставалось низким. Причина – отсутствие нужного количества сушильных комплексов и, как следствие, использование в производстве изделий сырого лесоматериала.

Итак, в 1948 г. наблюдается значительное укрепление производственной базы «Южкузбасслага». По оценке начальника лагеря И. И. Долгих, «к концу 1948 г. произошло завершение формирования лагеря и создана необходимая производственная база для выполнения плана»²⁰. Несмотря на наличие положительной динамики в решении многих проблемных производственных вопросов, план по лесозаготовкам в 1948 г. снова не был выполнен в полном объеме. Выполнение плана по заготовке составило 90,8 %, по подвозке – 92,7 %, по вывозке – 82,3 %²¹.

Статистика первых лет работы лагеря, даже если допустить возможность ее завышения, в целом отражает положительную динамику по наращиванию объемов производства, о чем свидетельствует табл. 2.

Таблица 2

Выполнение плана лесозаготовок
«Южкузбасслеса» и «Южкузбасслага» (1946–1952 гг.) *

Год	Заготовка (тыс. м ³)		Подвозка (тыс. м ³)		Вывозка (тыс. м ³)	
	план	факт	план	факт	план	факт
1946	1 000	558	935	521	920	601
1947	1 050	602	800	464	925	612
1948	1 150	1 003	1 050	974	1 150	903
1949	1 230	1 242	1 080	1 134	1 195	1 249
1950	1 290	966	1 185	953	1 340	1 028
1951	1 450	1 348	1 420	1 265	1 450	1 424
1952	1 550	1 435	1 350	1 265	1 550	1 471

* Таблица составлена по: Годовые отчеты за 1947–1952 гг. ТА ГУФСИН КО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9, 10, 12, 13, 16, 23, 30.

¹⁷ Там же. Л. 33.

¹⁸ Там же. Д. 22. Л. 74.

¹⁹ Там же. Д. 12. Л. 12.

²⁰ Там же. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 5.

Если сравнивать фактическое выполнение плана лагерем в период 1947–1952 гг. с 1946 г., последним самостоятельным годом работы треста «Южкузбасслес», можно отметить увеличение производства в среднем в 2,5 раза. При этом увеличение происходит на фоне регулярного невыполнения государственного плана по основным этапам производства (за исключением 1949 г.). Кроме того, наблюдается ежегодное увеличение плана лесозаготовок на 10–12 % по всем показателям (заготовка, подвозка и вывозка), которое не было рассчитано на имеющуюся производственную базу, трудовые и материальные ресурсы.

Таким образом, переход от вольнонаемного труда к принудительному в лесной промышленности Кемеровской области позволил увеличить объемы лесозаготовок в лагерных условиях. Большая работа руководства лагеря по организации производства, условий труда, рациональное использование рабочей силы, подготовка рабочих кадров, внедрение новых методов и приемов работы во многом способствовали этому. Вряд ли бы трест «Южкузбасслес», продолжи он производственную деятельность в 1947–1948 гг., смог достичь лучших производственных результатов ввиду «кадрового голода», в условиях отсутствия должной социальной инфраструктуры в многочисленных, разбросанных по тайге леспромхозах.

Список литературы

Бердинских В. А., Меньковский В. И. ГУЛАГ: идеология и экономика подневольного труда в XX веке. Сыктывкар: ИЯЛИ, 2017. 132 с.

Бикметов Р. С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово: Изд-во ГУ КузГТУ, 2009. 430 с.

Бикметов Р. С. Производственная деятельность Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР в 1947–1952 гг. // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Материалы IV Всерос. науч. чтений. Кемерово, 2006. С. 248–253.

Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 516 с.

Захарченко А. В. Трудовые ресурсы ГУЛАГа на «великих стройках коммунизма» 1948–1953 гг.: мобилизационные возможности системы или тупик лагерной экономики? // Исторический журнал: научные исследования. 2014. № 5. С. 555–568.

Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.

Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург: УрГЮА, 1997. 364 с.

Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 255–278.

Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 гг. // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73–84.

Список источников

История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: В 7 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. 696 с.

Yu. V. Ryabova

*T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University
28 Vesennaya Str., Kemerovo, 650000, Russian Federation*

ruv.kemcdo@mail.ru

**INDUSTRIAL ACTIVITY OF THE SOUTHERN KUZBASS
CORRECTIVE LABOR CAMP OF THE USSR
MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS (1947–1948)**

The article considers the process of formation of industrial activity of the Southern Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs. The chronological framework of the study is set between 1947–1948. Particular attention is paid to the development of the road infrastructure of the camp and additional areas of production activities such as timber processing and agriculture. The main issues of material, housing and food security for convicts are also examined. The main activity of the camp was logging. The camp was located in the south of Kemerovo Oblast in the Gornaya Shoria district. The Southern Kuzbass Corrective Labor Camp was established based on resolution № 409 of the Council of Ministers dated 1 March 1947 and replaced the previously existing Southern Kuzbass Logging Trust. At first it was difficult to undertake a major restructuring of the principles of economic activity which were inherited by the camp from the Southern Kuzbass Logging Trust. Although the workforce of the Southern Kuzbass Corrective Labor Camp was based primarily on the use of forced labor, civilian workers still continued to work there. Difficult working conditions, harsh climate conditions, spatial dispersion of manufacturing sites, supply issues, lack of human resources along with inflated state plans led to significant difficulties in the labor camp. The camp was in desperate need of warm clothing for the prisoners, special tools, food, personnel and paramilitary protection for spare parts and fuel for vehicles, traction power, and so on. However, the amounts of procurement, transportation and removal of wood by the camp was significantly higher than previous results of the Southern Kuzbass Logging Trust. This allows us to conclude that the use of forced labor resulted in the increase of overall volume of logging in Kuzbass and reduce the need for timber in coal mines.

Keywords: Kemerovo Oblast, Gornaya Shoria district, forced labor, logging, prisoners.

References

Berdinskikh V. A., Menkovsky V. I. *GULAG: ideologiya i ekonomika podnevol'nogo truda v XX veke* [The Gulag: Ideology and Economy of Forced Labor in the 20th Century]. Syktyvkar, IYALI, 2017, 132 p. (in Russ.)

Bikmetov R. S. *Ispol'zovanie spetskontingenta v ekonomike Kuzbassa (1929–1956 gg.)* [The Use of Convicts in the Economy of Kuzbass (1929–1956)]. Kemerovo, Izdatel'stvo GU KuzGTU, 2009, 430 p. (in Russ.)

Bikmetov R. S. *Proizvodstvennaya deyatel'nost Yuzhnokuzbasskogo ispravitel'no-trudovogo lagerya MVD SSSR v 1947–1952 gg* [Production Activity of the Southern Kuzbass Corrective Labor Camp of the USSR Ministry of Internal Affairs in 1947–1952]. *Intellectual'nyi i industrial'nyi potentsial regionov Rossii. Materialy IV Vserossiiskikh nauchnykh chtenii* [Intellectual and Industrial Potential of Russian Regions. Proceedings of the IV All-Russian Scientific Readings]. Kemerovo, 2006, p. 248–253. (in Russ.)

Gvozdkova L. I. *Istoriya repressii i stalinskikh lagerei v Kuzbasse* [History of Repressions and Stalin's Camps in Kuzbass]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1997, p. 340–352. (in Russ.)

Ivanova G. M. *Istoriya GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty* [The History of the Gulag, 1918–1958: Socio-Economic and Political-Legal Aspects]. Moscow, Nauka, 2006, 438 p. (in Russ.)

Khlevnyuk O. V. Prinuditel'nyi trud v ekonomike SSSR. 1929–1941 gg. [Forced Labor in the Economy of the USSR. 1929–1941]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 1992, no. 13, p. 73–84. (in Russ.)

Smykalin A. S. *Kolonii i tyur'my v Sovetskoj Rossii* [Colonies and Prisons in Soviet Russia]. Yekaterinburg, UrGYUA, 1997, 364 p. (in Russ.)

Suslov A. B. Prinuditel'nyi trud na Urale (konets 1920-kh – nachalo 1950-kh godov): effektivnost' i proizvoditel'nost' [Forced Labor in the Ural (Late 1920s – Early 1950s): Efficiency and Productivity]. *GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda* [GULAG: The Economics of Forced Labor]. Moscow, 2008, p. 255–278. (in Russ.)

Zakharchenko A. V. Trudovye resursy GULAGa na «velikikh stroikakh kommunizma» 1948–1953 gg.: mobilizatsionnye vozmozhnosti sistemy ili tupik lagernoi ekonomiki? [Labor Resources of the Gulag at the «Great Construction Projects of Communism» 1948–1953: The Mobilization Capabilities of the System or the Impasse of the Camp Economy?]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Researches], 2014, no. 5, p. 555–568. (in Russ.)

Sources

Istoriya stalinskogo GULAGa: konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov. Sobranie dokumentov v 7 tomakh. [The History of Stalin's Gulag: End of 1920s – 1st Half of 1950s: Collection of Documents in 7 Volumes]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, vol. 2. Karatel'naya sistema: struktura i kadry [Punitive System: Structure and Personnel], 696 p. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Рябова Юлия Владимировна – соискатель кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева (Кемерово)

Ryabova Yuliya Vladimirovna – Applicant, Department of History, Philosophy and Social Sciences, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo)

Для цитирования / For citation

Рябова Ю. В. Производственная деятельность Южнокузбасского исправительно-трудового лагеря МВД СССР (1947–1948 годы) // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 116–126.

Ryabova Yu. V. Industrial Activity of the Southern Kuzbass Corrective Labour Camp of the USSR Ministry on Internal Affairs (1947–1948). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 116–126. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-116-126

Т. В. Рабуш

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
ул. Большая Морская, 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия*

taisarabush@mail.ru

К ВОПРОСУ О РОСТЕ ОБЪЕМОВ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПОМОЩИ АФГАНИСТАНУ В 1978–1979 ГОДАХ

Рассмотрен вопрос возрастания объемов военной и военно-технической помощи СССР Афганистану на протяжении периода с весны 1978 г. (когда в Афганистане произошла Апрельская революция) до конца 1979 г., даты ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан. Особое внимание уделяется многочисленным просьбам афганских лидеров об увеличении размеров военной помощи и ответам на них советского руководства. На основании ранее совершенно секретных советских документов показано, как СССР на протяжении исследуемого в статье периода наращивал объемы военной и военно-технической помощи Афганистану, все глубже вовлекаясь во внутренние события в этой стране. По мнению автора, советское вовлечение (посредством оказания военной помощи) в события в Афганистане было связано не в последнюю очередь с опасением потерять лояльного союзника на южных рубежах СССР.

Ключевые слова: афганская война, Афганистан и СССР, холодная война, военная помощь развивающимся странам, военно-техническая помощь Афганистану.

Тема военного вовлечения СССР во внутренний вооруженный конфликт в Афганистане обстоятельно рассмотрена в многочисленных работах (в основном это публицистика либо мемуарные труды) советских военных: В. А. Варенникова [2001], Б. В. Громова [1994], А. А. Ляховского [1995] и т. д., из современных же исследователей этой темы особенно стоит отметить отечественного историка В. М. Топоркова [2015]. В настоящей статье мы ограничимся рассмотрением процесса возрастания объемов советской военной и военно-технической помощи Афганистану начиная от Апрельской революции 1978 г. и вплоть до ввода в эту страну ограниченного контингента советских войск в конце 1979 г. Надо указать на то, что данная тема недостаточно проработана в отечественной и зарубежной историографии, и отдельного исследования по этому вопросу (изучение роста объемов советской военной помощи Афганистану в указанный период времени) не существует, несмотря на то, что сама тема «афганской войны» и военного вовлечения СССР во внутренние события в Афганистане тщательно изучена как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Важность темы обусловлена тем, что нередко нарастание размеров военной и военно-технической помощи какому-либо государству предвещает непосредственное военное вмешательство этого государства во внутренние дела малого государства (которому оказывалась все возрастающая военная помощь). И поэтому важно понимать, каков же механизм увеличения размеров такой помощи, попытка чего (рассмотрения данного механизма) и будет предпринята в настоящей статье. Наша цель – проследить, как и по каким причинам нарастали

объемы военной помощи Советского Союза Афганистану в период с весны 1978 г. и вплоть до конца 1979 г. Итог этого нарастания мы не рассматриваем, потому что он известен (ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан) и изучен во множестве работ. Мы же проанализируем именно динамику советской военной помощи Афганистану в избранный нами период. В своей работе мы преимущественно будем опираться на советские документы (сейчас они доступны в сети Интернет) – так, в настоящей статье автор использовал сайт архива Национальной безопасности США – и на работы некоторых советских военных, в которых также приводятся статистические данные и документы. Также мы использовали два документа из архива В. Буковского. Данные документы упоминаются в работах советских военных, но мы считаем более достоверным ссылаться на них не как на цитируемые другими авторами источники, а дать ссылки непосредственно на сами документы.

В конце 1970-х гг. СССР оказывал экономическую, военную и техническую (в том числе военно-техническую) помощь 69 странам. Наибольший объем помощи приходился на Монголию (430 млн руб. в год), Кубу (357 млн) и Болгарию (332,5 млн). Также ежегодно росли советские поставки оружия за рубеж – преимущественно союзникам и сателлитам СССР в «третьем мире». Так, в 1955–1968 гг. эти поставки составили сумму в 4,5 млрд долл., в 1966–1975 гг. – 9,2 млрд, а в 1978–1982 гг. – уже 35,4 млрд долл.¹ В первой половине 1980-х гг. СССР осуществлял военные поставки в 36 стран. Советские поставки вооружений за рубеж составляли треть от мирового объема поступления вооружений в страны «третьего мира».

Сама тематика военно-технического сотрудничества СССР и иностранных государств (в том числе и государств «третьего мира») по ряду объективных причин долгое время (эта тенденция сохраняется и сейчас) была малоизученной в отечественной историографии, и тем более в зарубежной. Тем не менее в последние примерно 10 лет российские авторы разрабатывают эту тематику, описывая военно-техническое сотрудничество СССР с государствами «третьего мира», выбравшими путь социалистической ориентации – с Анголой и Мозамбиком [Шарый, 2009], с Вьетнамом [Кобелев, 2014], со странами Ближнего и Среднего Востока [Степанов, 2009]; а в прошлом году была опубликована работа, посвященная деятельности советских военных специалистов в странах Ближнего и Среднего Востока, и в ней отчасти затронута тема военного и военно-технического сотрудничества СССР с государствами этого региона [Окорков, 2017].

Отметим, что в подходах к военно-техническому сотрудничеству и оказанию поставок вооружений в качестве одного из важных инструментов укрепления своего влияния за рубежом у руководства как Советского Союза, так и США не было значительных различий, поскольку администрация США также считала поставки вооружений за рубеж важным направлением своей внешней политики. Президент США Дж. Картер предпринял попытку ограничить американские поставки вооружений за рубеж, и 20 мая 1977 г. в США был принят закон об ограничении продаж обычных видов вооружений за границу, в особенности в те регионы планеты, в которых такие продажи могли бы способствовать разжиганию региональных конфликтов [Хроника советско-американских отношений, 1980. С. 181]. Тем не менее США оставили за собой право поставлять оружие своим союзникам в страны Ближнего и Среднего Востока, так как такие поставки, по мнению руководства страны, помогут американским союзникам «противостоять советскому влиянию» [Saunders, 1979. Р. 44]. Таким образом, администрация США декларировала недопустимость продаж обычных вооружений в конфликтные регионы мира, но в то же время оставляла за собой право помогать «усиливать оборонительные возможности» развивающимся государствам на почве столкновения интересов с Советским Союзом [Legvold, 1979. Р. 766–767].

Уже в 1950–60-е гг. СССР и США вступили в соперничество за влияние в Афганистане. Задачи у них были схожие – включить это государство в зону своего влияния, но методы различались. Американцы оказывали помощь в развитии экономики преимущественно в частном

¹ Шубин А. В. Перестройка (главы из исторического исследования). URL: <http://www.rdon.org/shav/p.htm> (дата обращения 21.02.2018).

секторе, в то время как Советский Союз оказывал более масштабную экономическую помощь в сфере государственного сектора [Коргун, 2004]. К весне 1978 г. в Афганистане находились более 2 тыс. советских технических и экономических советников. Общая сумма советских кредитов Афганистану достигла 1 265 млн долл., в то время как американские кредиты и субсидии равнялись 470 млн долл.

За первые несколько месяцев после Апрельской революции 1978 г. было подписано около трех десятков советско-афганских соглашений о расширении экономического и технического сотрудничества двух стран на общую сумму 104 млн долл. [Внешняя политика Советского Союза..., 1979. С. 74–75]. Резко увеличилась и советская военная помощь Афганистану: так, в июле 1978 г. было подписано соглашение о поставках вооружения на сумму 250 млн долл. Возросло и число советских военных советников.

В декабре 1978 г. во время первого официального визита в Москву генерального секретаря ЦК НДПА Н. М. Тараки был подписан советско-афганский Договор о дружбе и сотрудничестве. Именно на него впоследствии ссылались афганские руководители, когда обращались к СССР с просьбами о вводе советских войск, а конкретно на его 4-ю статью: «Высокие Договаривающиеся Стороны, действуя в духе традиций дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран.

В интересах укрепления обороноспособности Высоких Договаривающихся Сторон они будут продолжать развивать сотрудничество в военной области на основе заключаемых между ними соответствующих соглашений» [Там же. С. 223–226].

Объемы всесторонней помощи Афганистану со стороны СССР постоянно возрастали. Так, на заседании Политбюро ЦК КПСС 7 января 1979 г. по предложению председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина было принято решение о значительном увеличении всех видов советской экономической помощи Афганистану ².

Параллельно этому уменьшалась американская экономическая помощь. Двадцать второго февраля 1979 г. было опубликовано заявление президента США Дж. Картера об уменьшении программ экономической помощи США в Афганистане (эти программы уже были ранее приняты на 1978–1979 финансовые годы) [Department of State Bulletin, 1979], приостановлены совместные афгано-американские учебные военные программы. Были сохранены лишь программы гуманитарной помощи на общую сумму около 3 млн долл. [Иващенко, 1997; Miklos, 1979].

Таким образом, мы можем увидеть, что объемы советской военной и военно-технической помощи Афганистану возрастали на протяжении года – с весны 1978 г. по начало весны 1979 г., но это происходило постепенно. Вместе с тем аналогичные американские программы уменьшались и урезались.

Тем временем внутренняя ситуация в Афганистане развилась неблагоприятным для СССР и для афганского правительства образом (не в последнюю очередь причиной этого стали проводимые НДПА поспешные социальные и экономические реформы) [Давыдов, 1993]. Пятнадцатого марта 1979 г. вспыхнул антиправительственный мятеж в Герате, в котором приняли активное участие подразделения местного военного гарнизона. Это событие очень встревожило афганских руководителей. Они обратились к СССР с просьбой оказать помощь войсками посредством их отправки в Афганистан.

Восемнадцатого марта 1979 г. состоялся телефонный разговор между председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным и Н. М. Тараки. Тараки просил «оказать практическую и техническую помощь людьми и вооружением», поставить афганские танки на советских танках и самолетах, «послать узбеков, таджиков, туркмен в гражданской одежде» и ссылаясь на то, что «Иран посылает в Афганистан военных в гражданской одежде. Пакистан посылает также в афганской одежде своих людей и офицеров» [Ляховский, 1995].

² Вопрос Министерства обороны и Государственного Комитета СССР по внешним экономическим связям. Решение Политбюро ЦК № П137/27 от 07.01.1979 г. // Советский архив. Собран В. Буковским. URL: <http://psi.ecc.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/137-7924.pdf>.

В течение трех дней (17–19 марта) ситуация, возникшая в Афганистане из-за гератского мятежа, обсуждалась на заседаниях Политбюро ЦК КПСС. Было решено выделить афганской стороне 10 млн руб. в валюте для охраны границы, дополнительно и безвозмездно поставить военную технику и специмущество [Громов, 1994. С. 80–83]. Девятнадцатого марта 1979 г., подводя итоги обсуждения афганской ситуации, генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев поддержал идею увеличения военной и военно-технической помощи для Афганистана, вместе с тем отметив, что «нам сейчас не пристало втягиваться в эту войну» [Там же. С. 84–85].

Тем временем 19 марта 1979 г. в Москву была доставлена телеграмма из Кабула. В ней посол СССР в Афганистане А. М. Пузанов и представитель КГБ СССР Б. С. Иванов предложили принять меры для обеспечения безопасности советских граждан: «...В случае дальнейшего обострения обстановки будет, видимо, целесообразным рассмотреть вопрос о каком-то участии под соответствующим подходящим предлогом наших воинских частей в охране сооружений и важных объектов, осуществляемых при содействии Советского Союза...

А) на военный аэродром Баграм под видом технических специалистов, используя для этого в качестве прикрытия намеченную перестройку ремзавода;

Б) на кабульский аэродром под видом проведения его реконструкции...

В случае дальнейшего осложнения обстановки наличие таких опорных пунктов позволило бы иметь определенный выбор вариантов...» [Ляховский, 1995].

Испуганный событиями в Герате, генеральный секретарь ЦК НДПА Н. М. Тараки попросил о незамедлительной встрече с советскими руководителями. Двадцатого марта он прилетел в Москву, где беседовал с председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным, министром иностранных дел А. А. Громыко, министром обороны Д. Ф. Устиновым, заведующим Международным отделом ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым.

Н. М. Тараки запросил у советской стороны «бронированные вертолеты, дополнительное количество бронетранспортеров и боевых машин пехоты, а также современные средства связи» и добавил, что «если будет изыскана возможность направления персонала для их обслуживания, то это было бы очень большой помощью». Д. Ф. Устинов сообщил Н. М. Тараки о том, что в июне-июле в Афганистан будет поставлено 6 вертолетов МИ-24. А. Н. Косыгин добавил к этому, что в марте «будет дополнительно и безвозмездно поставлены 33 шт. БМП-1, 5 шт. МИ-25, 8 шт. МИ-8Т, а также 50 шт. БТР-6, 25 шт. бронированных разведавтомобилей, 50 шт. противосамолетных установок на подвижных средствах, зенитная установка “Стрела”. 18 марта к вам уже направлено 4 вертолета МИ-8, 21 марта поступит еще 4 вертолета. Все это предоставляется вам безвозмездно» [Варенников, 2001]. При этом советской стороной было указано на то, что ввод войск на территорию Афганистана повлечет за собой резко отрицательные многоплановые последствия.

В условиях нарастания напряженности в Афганистане со стороны афганских руководителей продолжали поступать просьбы к Советскому Союзу об оказании помощи войсками. Такие просьбы передавались через советских представителей в Кабуле: посла СССР в Афганистане А. М. Пузанова, представителя КГБ СССР генерал-лейтенанта Б. С. Иванова, главного военного советника генерал-лейтенанта Л. Н. Горелова, а также высказывались партийным и государственным деятелям, посещавшим Афганистан: начальнику Главного политического управления Советской Армии и ВМФ генералу армии А. А. Епишеву, главнокомандующему Сухопутными войсками генералу армии И. Г. Павловскому и др. Всего таких просьб, направленных только через советских представителей в течение 1979 г. начиная с марта, было около двадцати.

Для постоянного изучения ситуации в Афганистане и выработки рекомендаций Политбюро ЦК КПСС создало специальную комиссию. Перед очередным заседанием Политбюро 12 апреля эта комиссия подготовила план действий из десяти пунктов. Речь шла об укреплении афган-

ской армии, о поставках оружия, о расширении масштабов подготовки военных специалистов для афганских вооруженных сил в военно-учебных заведениях СССР³.

Четырнадцатого апреля 1979 г. Х. Амин пригласил главного военного советника в ДРА генерал-лейтенанта Л. Н. Горелова и попросил передать руководству СССР просьбу «о направлении в Кабул 15–20 боевых вертолетов с боеприпасами и советскими экипажами для использования их в случае обострения обстановки в приграничных и центральных районах страны». Двадцать первого апреля Политбюро ЦК КПСС приняло решение о нецелесообразности участия советских экипажей боевых вертолетов в подавлении выступлений антиправительственных группировок на территории Афганистана. Главному военному советнику в Афганистане Л. Н. Горелову указывалось следующее: «Сообщите премьер-министру ДРА Х. Амину... что афганскому руководству уже давались разъяснения о нецелесообразности участия советских воинских подразделений в мероприятиях по подавлению контрреволюционных выступлений в ДРА... т. к. подобные акции будут использованы врагами афганской революции и внешними враждебными силами в целях фальсификации советской интернациональной помощи Афганистану и проведения антиправительственной и антисоветской пропаганды среди афганского населения.

Подчеркните, что в течение марта-апреля с. г. ДРА уже поставлены 25 боевых вертолетов, которые обеспечены 5–10 боекомплектами боеприпасов.

Убедите Х. Амина, что имеющиеся боевые вертолеты с афганскими экипажами способны совместно с подразделениями сухопутных войск и боевой авиацией решать задачи по подавлению контрреволюционных выступлений»⁴.

На заседании Политбюро 24 мая 1979 г. снова рассматривался вопрос о дополнительной военной помощи правительству ДРА. На этом заседании было принято решение «поставить Афганистану в 1979–1981 годах безвозмездно специмущество на сумму 53 млн руб., в том числе 140 орудий и минометов, 90 бронетранспортеров (из них 50 в порядке ускорения), 48 тыс. единиц стрелкового оружия, около 1 000 гранатометов, 680 авиационных бомб, а также направить в порядке ускорения в июне-июле 1979 г. оборудование на сумму 50 тыс. руб. В порядке первоочередной помощи в мае с. г. поставляются 100 зажигательных бомб. Поставить газовые бомбы с нетоксичным отравляющим веществом не представляется возможным». Вместе с тем было указано: «Что касается просьбы афганской стороны о направлении в ДРА вертолетов и транспортных самолетов с советскими экипажами и возможной высадки нашего воздушного десанта в Кабуле, то вопрос об использовании советских воинских подразделений был... обсужден во время посещения Москвы т. Н. М. Тараки в марте с. г. Такие акции... сопряжены с большими осложнениями не только во внутривнутриполитической обстановке, но и в международном плане... что будет несомненно использовано враждебными силами прежде всего в ущерб интересам ДРА»⁵.

Но поскольку обстановка в Афганистане продолжала осложняться, то уже в конце июня 1979 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС было решено «направить в Афганистан в помощь главному военному советнику опытного генерала с группой офицеров для работы непосредственно в войсках... Главной задачей этой группы считать помощь командирам соединений и частей в организации боевых действий против мятежников, улучшении управления частями и подразделениями. Дополнительно командировать в ДРА советских военных совет-

³ Выписка из протокола № 149 заседания Политбюро ЦК КПСС «О нашей дальнейшей линии в связи с положением в Афганистане» от 12.04.1979 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. Документы на русском языке. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/A%201979.04.12.PDF.

⁴ Выписка из протокола № 150 Политбюро ЦК КПСС «О нецелесообразности участия советских экипажей боевых вертолетов в подавлении контрреволюционных выступлений в Демократической Республике Афганистан» от 21.04.1979 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. Документы на русском языке. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/A%201979.04.21.PDF.

⁵ Выписка из протокола № 152 Политбюро ЦК КПСС «Об оказании дополнительной военной помощи Демократической Республике Афганистан» от 24.05.1979 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. Документы на русском языке. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/A%201979.05.24.PDF.

ников до батальонного звена, включительно в бригаду охраны правительства и в танковые бригады (40–50 человек, в том числе 20 советников (политработников) <...>

4. Для обеспечения охраны и обороны самолетов советской авиаэскадрильи на аэродроме “Баграм” направить в ДРА, при согласии афганской стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом авиационного технического состава. Для охраны советского посольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (125–150 чел.) под видом обслуживающего персонала посольства. В начале августа с. г. после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром “Баграм”) спецотряд ГРУ Генерального штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов»⁶.

В течение июля 1979 г. советский посол, представитель КГБ и главный военный советник в Афганистане передавали все новые просьбы руководителей Афганистана о военной помощи. Так, 11 июля 1979 г. через представителя КГБ СССР Б. С. Иванова была передана просьба Н. М. Тараки о «скрытном размещении в Кабуле нескольких советских воинских спецгрупп численностью до батальона каждая на случай резкого обострения обстановки в столице» [Ляховский, 1995]. В донесении представителей сразу трех ведомств от 12 июля 1979 г. предлагалось «рассмотреть вопрос о направлении звена (отряда) советских вертолетов на базу ВВС ДРА в Шинданде с тем, чтобы наладить срочную подготовку афганских вертолетных экипажей. Это вертолетное подразделение могло бы также вести воздушную разведку вдоль границы с Ираном» [Там же].

Одиннадцатого августа 1979 г. состоялась очередная беседа главного военного советника в ДРА Л. Н. Горелова с премьер-министром и министром обороны Афганистана Х. Амином. Особое внимание в ходе беседы было уделено просьбе о прибытии советских подразделений в Афганистан. Х. Амин убедительно просил проинформировать советское руководство о необходимости скорейшего направления советских подразделений в Кабул, подчеркивая при этом, что «ваши войска не будут участвовать в военных действиях. Они будут использованы только в критический для нас момент. Думаю, что советские подразделения потребуются нам до весны» [Варенников, 2001]. А на следующий день, 12 августа, представители всех трех ведомств передали просьбу Х. Амина о направлении в Афганистан двух советских спецбатальонов и транспортных вертолетов с советскими экипажами.

В сентябре 1979 г. в Афганистане произошел внутренний переворот – Х. Амин сместил и физически устранил лидера государства и своего «учителя» Н. М. Тараки и захватил власть. После этих событий обстановка в Афганистане обострялась еще стремительней. К концу 1979 г. антиправительственные группировки мятежников сумели довести численность своих формирований до 40 тыс. чел. и развернуть боевые действия против правительства в 12 провинциях Афганистана.

Тридцать первого октября 1979 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором рассматривалась обстановка в Афганистане. На заседании отмечалось, что «в последнее время отмечаются признаки того, что новое руководство Афганистана намерено проводить более сбалансированную политику в отношениях с западными державами». В связи с этим было решено «военную помощь Афганистану оказывать... в ограниченных масштабах. С учетом реальной обстановки в стране и необходимости дальнейшего ведения боевых действий против мятежников, продолжать поставки стрелкового оружия, запасных частей, минимально необходимого количества боеприпасов и вспомогательного поенного имущества... От дальнейших поставок тяжелого вооружения и военной техники пока воздержаться, тем более, что реальной необходимости в этом сейчас нет, а создавать излишние запасы такого воору-

⁶ Выписка из протокола № 156 Политбюро ЦК КПСС «Об обстановке в Демократической Республике Афганистан и возможных мерах по ее улучшению» от 29.06.1979 г. // Сайт архива Национальной Безопасности США. Афганистан 1979–1989. Документы на русском языке. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/June%2029,%201979.pdf.

жения и боеприпасов в Афганистане нецелесообразно... От направления в Кабул по просьбе Амина советского воинского подразделения для его личной охраны воздержаться»⁷.

Двенадцатого и семнадцатого декабря представитель КГБ СССР в Афганистане еще раз встретился с Х. Амином, который высказался о целесообразности ввода советских войск в северные районы Афганистана. При этом, как полагал Х. Амин, речь могла бы идти о том, чтобы взять под защиту объекты афгано-советского сотрудничества и линии коммуникаций.

В конце 1979 г. (25 декабря) был осуществлен ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан, рассмотрение чего уже выходит за рамки данной статьи. В целом можно сделать вывод, что советская как военная, так и военно-техническая помощь Афганистану увеличивалась на протяжении всего рассматриваемого в настоящей статье периода времени, но особенно драматическим ее возрастание стало после Гератского мятежа, т. е. начиная с конца марта 1979 г. Не в последнюю очередь такая линия СССР (на увеличение объемов военной и военно-технической помощи Афганистану) была связана с опасением потерять союзника на стратегически важных южных рубежах. Тем не менее советское руководство довольно длительное время ограничивалось оказанием лишь возрастающей военной помощи, не решаясь на непосредственное военное вмешательство, настойчивые просьбы о котором поступали от афганских лидеров еще с марта 1979 г.

Список литературы

- Давыдов А. Д. Афганистан: войны могло не быть. М.: Наука, 1993. 178 с.
- Иващенко А. С. США и Афганистан (1978–1989 гг.). М.: Изд-во ТЦ «Сфера», 1997. 143 с.
- Кобелев Е. В. СССР / Россия – Вьетнам: фрагменты истории // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 25. С. 45–54.
- Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. М.: Крафт+, 2004. 525 с.
- Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: Искона, 1995. 648 с.
- Окороков А. В. Советские военные специалисты в странах Азии и Ближнего Востока. М.: Вече, 2017. 352 с.
- Степанов А. С. Советский авиаэкспорт и военно-техническое сотрудничество СССР со странами Азии в 1920-х – начале 1940-х гг. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 1. С. 43–59.
- Топорков В. М. Советско-афганские отношения в 1975–1991 гг.: исторический опыт разработки и реализации военно-политической стратегии СССР: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2015. 46 с.
- Шарый В. И. Военное сотрудничество Советского Союза с бывшими португальскими колониями в 70–80-х гг. XX века // Армия и общество. 2009. № 2. С. 149–154.
- Legvold R. The super rivals: conflicts in the third world // Foreign affairs. 1979. Spring. P. 754–778.

Список источников

- Варенников В. И. Неповторимое... В 5 т. М.: Сов. писатель, 2001. Т. 5. 444 с.
- Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1978 год: Сб. док. М.: Междунар. отношения, 1979. 264 с.
- Громов Б. В. Ограниченный контингент. М.: Прогресс: Культура, 1994. 351 с.
- Хроника советско-американских отношений. М.: [Б. и.], 1980. Ч. 1. (1967–1977 гг.). 189 с.
- Department of State Bulletin. 1979. Vol. 79. No. 2025.

⁷ Об обстановке Афганистане и нашей линии в этой связи. Решение Политбюро ЦК № П 172/108 от 31.10.1979 г. // Советский архив. Собран В. Буковским. URL: <http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/172-7924.pdf>.

Miklos J. South Asia: US policy toward Afghanistan and Pakistan // Department of State Bulletin. 1979. Vol. 79. No. 2031. P. 54–56.

Saunders G. Middle East: forces of change // Department of State Bulletin. 1979. Vol. 79. No. 2031.

Материал поступил в редколлегию 11.12.2017

T. V. Rabush

*Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design
18 Bolshaya Morskaya Str., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation*

taisarabush@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE GROWTH OF VOLUMES OF SOVIET MILITARY ASSISTANCE TO AFGHANISTAN IN 1978–1979

The article examines the issue of increased volume of military and military-technical assistance of the USSR to Afghanistan for about a year and a half – from the end of spring of 1978, when the April Revolution took place in Afghanistan, until the end of 1979 – up until the date of the entry of a limited contingent of Soviet troops into Afghanistan. Based on released top secret Soviet documents, the Soviet Union increased its military and military-technical assistance to Afghanistan becoming increasingly involved in its internal events. During the course of a year from spring 1978 until the spring of 1979 Soviet military assistance to Afghanistan increased very gradually. The number of requests by the Afghan leadership for increasing Soviet military assistance rose sharply after the Herat insurgency, which took place in March 1979. The size of Soviet military and military-technical assistance had grown significantly since the spring of 1979, also after the Herat insurgency. However as is evident from the analysis of Soviet documents, the Soviet Union chose not to resort to direct military intervention for a long time, withstanding the persistent requests of Afghan political leaders not only for providing more military assistance, but also for direct military intervention and the sending of troops. Nevertheless, the result of this ever-increasing military and military-technical assistance to Afghanistan was the Soviet military's intervention in the civil war of a country. According to the author, Soviet involvement during the events in Afghanistan through the provision of military and military-technical assistance in ever-increasing amounts was due, not least, for the fear of losing a loyal ally on the southern borders of the USSR.

Keywords: Afghan war, Afghanistan and the USSR, the Cold War, military aid to developing countries, military-technical assistance to Afghanistan.

References

Davydov A. D. *Afganistan: voiny moglo ne byt'* [*Afghanistan: There Could Be No War*]. Moscow, Nauka, 1993, 178 p. (in Russ.)

Ivaschenko A. S. *SSHA i Afganistan (1978–1989 gg.)* [*The United States and Afghanistan (1978–1989)*]. Moscow, Izdatel'stvo TTS "Sfera", 1997, 143 p. (in Russ.)

Kobelev E. V. *SSSR / Rossiya – V'etnam: fragmenty istorii* [*USSR / Russia – Vietnam: Fragments of History*]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [*Southeast Asia: Actual Development Problems*], 2014, no. 25, p. 45–54. (in Russ.)

Korgun V. G. *Istoriya Afganistana. XX vek* [*History of Afghanistan. 20th Century*]. Moscow, Kraft+Publ., 2004, 525 p. (in Russ.)

Legvold R. The Super Rivals: Conflicts in the Third World. *Foreign affairs*, 1979, Spring, p. 754–778.

Lyakhovsky A. A. *Tragediya i doblest' Afgana* [*The Tragedy and Valor of Afghan*]. Moscow, Iskona Publ., 1995, 648 p. (in Russ.)

Okorokov A. V. *Sovetskie voennye spetsialisty v stranakh Azii i Blizhnego Vostoka* [Soviet Military Specialists in the Countries of Asia and the Middle East]. Moscow, Veche Publ., 2017, 352 p. (in Russ.)

Sharyi V. I. *Voennoe sotrudnichestvo Sovetskogo Soyuza s byvshimi portugal'skimi koloniyami v 70–80-kh gg. XX veka* [Military Cooperation of the Soviet Union with the Former Portuguese Colonies in the 70–80s of the 20th Century]. *Armiya i obschestvo* [Army and Society], 2009, no. 2, p. 149–154. (in Russ.)

Stepanov A. S. *Sovetskii aviaeksport i voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo SSSR so stranami Azii v 1920-kh – nachale 1940-kh godov* [Soviet Aviation Exports and Military-Technical Cooperation of the USSR with Asian Countries in the 1920s – early 1940s]. *Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Environment. Development (Terra Humana)], 2009, no. 1, p. 43–59. (in Russ.)

Toporkov V. M. *Sovetsko-afganskije otnosheniya v 1975–1991 gg.: istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii voenno-politicheskoi strategii SSSR* [Soviet-Afghan Relations in 1975–1991: Historical Experience in the Development and Implementation of the Military-Political Strategy of the USSR]. Abstract of Doct. Thesis. Cheboksary, 2015, 46 p. (in Russ.)

Sources

Department of State Bulletin, 1979, vol. 79, no. 2025.

Gromov B. V. *Ogranichennyi contingent* [Limited Contingent]. Moscow, Progress, Kul'tura, 1994, 351 p. (in Russ.)

Khronika sovetsko-amerikanskikh otnoshenii [Chronicle of the Soviet-American Relations]. Moscow, 1980, pt. 1. 1967–1977, 189 p. (in Russ.)

Miklos J. South Asia: US Policy toward Afghanistan and Pakistan. *Department of State Bulletin*, 1979, vol. 79, no. 2031, p. 54–56.

Saunders G. Middle East: forces of change. *Department of State Bulletin*, 1979, vol. 79, no. 2031, p. 44.

Varennikov V. I. *Nepovtorimoe...* [Unrepeatable...]. In 5 vols. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 2001, vol. 5, 444 p. (in Russ.)

Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodnye otnosheniya. 1978 god: Sbornik dokumentov [Foreign Policy of the Soviet Union and International Relations. 1978: Collection of Documents]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1979, 264 p. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Рабуш Таисия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна

Rabush Taisiya Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design

Для цитирования / For citation

Рабуш Т. В. К вопросу о росте объемов советской военной помощи Афганистану в 1978–1979 годах // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 127–135.

Rabush T. V. The Question of Increased Growth of Soviet Military Assistance in Afghanistan Between 1978–1979. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 127–135. (in Russ.)

УДК 94 (470+571) «1946/1964» (093.3)
DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-136-146

С. Н. Андреенков

*Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

andreenkov_sn@mail.ru

КОЛХОЗНО-СОВХОЗНАЯ СИСТЕМА СССР 1946–1964 ГОДОВ В НАУЧНОЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Гнализируются взгляды советских ученых и публицистов на развитие и функционирование колхозно-совхозной системы СССР в 1946–1964 гг. Выявлены роль идеологии и политических установок верховной власти в формировании мнения и выводов ученых, специфика восприятия рассматриваемых процессов историками, экономистами и публицистами, набор интересующих их проблем. В советской историографии колхозно-совхозной системы сложилась традиция рассматривать развитие базовых организационно-хозяйственных структур по отдельности. В научной литературе доминировала колхозно-крестьянская проблематика, что обуславливалось признанием колхозов по итогам коллективизации решающей силой социалистической реконструкции села. Объективная картина развития колхозно-совхозной системы на советском этапе создана не была, в первую очередь из-за дефицита фактического материала по важнейшим историческим проблемам и политико-идеологического давления верховной власти.

Ключевые слова: колхозно-совхозная система, аграрный строй, сельское хозяйство, историография, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, В. Г. Венжер.

Колхозно-совхозная система – это организационно-хозяйственная основа аграрного строя СССР 1930–1980-х гг. Ее базовые структуры – колхозы (коллективные хозяйства) и совхозы (советские хозяйства). Первые являлись производственно-кооперативными организациями (де-юре), вторые – государственными. Элементами колхозно-совхозной системы были также машинно-тракторные станции (МТС), существовавшие до 1960 г., а также подсобные хозяйства промышленных предприятий и учреждений (подхозы)¹, личные подсобные (приусадебные) хозяйства населения (ЛПХ).

На протяжении рассматриваемого периода в соответствии с замыслами власти и под ее непосредственным управлением и контролем в колхозно-совхозной системе изменялись структура и соотношение организационных форм, характер их взаимодействия между собой и с государством. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать подходы советских исследователей к анализу развития колхозов и совхозов в годы послевоенного двадцатилетия.

В публикациях по аграрной истории СССР, вышедших в свет в 1960–1980-е гг., термин «колхозно-совхозная система» встречался довольно редко. В историографии темы закрепились традиция анализировать развитие колхозов и совхозов по отдельности. Данный подход был задан властными кругами, мнение которых для исследователей являлось определяющим.

¹ В официальной советской статистике данные по совхозам и подхозам нередко объединялись и презентовались под категорией «госхозы».

Изначально в экономической и исторической литературе доминировала колхозно-крестьянская проблематика, что обуславливалось признанием колхозов по итогам коллективизации решающей силой социалистической реконструкции села. Хотя в конце 1920-х гг. властные круги считали одной из основных задач аграрных преобразований создание совхозов. На XV съезде партии (декабрь 1927 г.), известном как «съезд коллективизации», И. В. Сталин призвал создавать в деревне одновременно и колхозы, и совхозы [Пятнадцатый съезд ВКП(б), 1962. С. 1465]. Согласно представлениям правящей верхушки о путях социалистической реконструкции сельского хозяйства, государственные (общенародные) хозяйства, отличающиеся крупными размерами, высоким уровнем механизации и товарности производства, являются эталонной моделью социалистического сельхозпредприятия, а колхозы, имеющие более скромные характеристики, – второстепенной и временной. В среднесрочной перспективе (при зрелых социалистических отношениях) колхозно-кооперативная собственность должна была сбиться с совхозной, а в долгосрочной (коммунистической) перспективе – слиться с ней. При коммунизме, как полагали марксистские теоретики, исчезнут различия между городом и деревней, крестьянином и рабочим, физическим и интеллектуальным трудом. Однако в 1930-е гг. совхозы стали для верховной власти одним из самых досадных разочарований: ведение хозяйства в них требовало вложения значительных средств и при этом не давало должного объема продукции. Поэтому на первый план вышли колхозы, создание которых обходилось дешевле. Рост производства в них достигался с помощью жесткого диктата государства, в частности, посредством МТС, обязательных поставок, минимума трудодней и прочих рычагов. Материальная заинтересованность в работе колхозников на общественных полях и фермах почти отсутствовала. Крестьянам разрешили вести личные подсобные хозяйства, которые стали частью колхозного строя.

В начале 1950-х гг. И. В. Сталин уже говорил о том, что коммунистические хозяйства вполне можно будет создавать на базе колхозной системы и без участия совхозов. В своей книге «Экономические проблемы социализма в СССР» он писал о том, что благодаря развитию МТС и увеличению неделимых фондов сельхозартелей средства производства колхозов фактически уже государственные. Собственностью колхозов является лишь их продукция. Для того чтобы поднять ее до уровня общенародной, необходимо исключить излишки сельхозартелей из системы товарного обращения и включить их в систему прямого продуктообмена между сельским хозяйством и промышленностью [2011. С. 76–84].

Данные идеи И. В. Сталин высказал, полемизируя с экономистами В. Г. Венжером и А. В. Саниной, выступавшими за развитие в деревне товарно-денежных отношений и наращивание кооперативной собственности колхозов, в том числе путем передачи им техники МТС. Предложение продать технику станций сельхозартелям И. В. Сталин жестко раскритиковал, назвав его попыткой «повернуть назад колесо истории».

Во взглядах И. В. Сталина и В. Г. Венжера было и много общего: оба скептически относились к совхозам и делали ставку на колхозы, полагая, что коммунистические отношения в деревне можно формировать на их основе, но только это весьма отдаленная перспектива, оба предсказывали естественное отмирание ЛПХ и стирание различий между городом и селом.

После смерти И. В. Сталина проекты В. Г. Венжера оказались востребованными и реализовывались на практике Г. М. Маленковым и Н. С. Хрущевым. Последний зашел по пути аграрной «десталинизации» довольно далеко: в 1958 г. МТС, натуроплата за их услуги и обязательные поставки были упразднены, государство стало приобретать продукцию сельхозартелей по новым экономически обоснованным ценам. Ликвидация МТС и продажа их техники колхозам обосновывались необходимостью устранения рудиментов сталинского аграрного строя, тормозивших развитие сельского хозяйства. При этом говорилось о том, что МТС сыграли большую позитивную роль в развитии колхозов. В книге ученицы В. Г. Венжера Т. И. Заславской, вышедшей в 1960 г., о реорганизации МТС отмечено: «Исторически сложившаяся форма производственно-технического обслуживания колхозов через МТС стала превращаться в существенный тормоз дальнейшего движения вперед. На колхозной земле оказалось два разных хозяина – колхоз и МТС. Причем разделение прав и обязанностей между этими организаци-

ями, сложившееся в более ранний период, уже не отвечало новым условиям производства» [Заславская, 1960. С. 15].

Идеи В. Г. Венжера оставались востребованными и после отставки Н. С. Хрущева. В работах экономистов 1960-х – первой половины 1980-х гг. – Т. И. Заславской [1966], И. Н. Трегубова [1966], К. И. Могильницкой [1977], В. Г. Венжера [1979] и др. – критиковались внеэкономические рычаги управления колхозами, использовавшиеся при И. В. Сталине, и обосновывалась важность шагов по аграрной либерализации, предпринятых в середине 1950-х гг. Анализируя опыт использования рыночных механизмов регулирования сельской экономики этого периода, они вырабатывали способы повышения эффективности организации и оплаты труда колхозников, ценовой и налоговой политики государства, артельной собственности, а также обосновывали целесообразность реорганизации МТС, несмотря на все ее издержки. В позитивном ключе об этой реформе, в частности, написано в 6-м томе фундаментального труда по истории экономики СССР [История социалистической экономики СССР, 1980. С. 243]. Положительно оценивалось укрупнение колхозов, проводившееся в 1950-е гг. в целях ускорения развития в них индустриальных форм хозяйствования и обеспечивавшее более быстрый переход к интенсивному производству.

В научно-исторической литературе второй половины 1960-х – 1980-х гг. (см.: [Волков, 1972; Вылцан, 1976; Казанцев, 1977; Советская деревня..., 1978] и др.), в том числе в фундаментальных трудах: 4-м томе «Истории советского крестьянства» [1988], а также 4-м и 5-м томах «Истории крестьянства Сибири» [Крестьянство Сибири..., 1985; Крестьянство и сельское хозяйство Сибири, 1991], даны более взвешенные оценки постсталинской либерализации колхозной системы. При этом продажа техники МТС колхозам показана как важное, но поспешное и плохо продуманное начинание, имевшее альтернативу. В книге М. А. Вылцана о рассматриваемой реформе сказано: «Разумеется, во взаимоотношениях колхозов и МТС не все и не всегда обстояло гладко, но думается, что так называемые противоречия “двух хозяев на одной земле” в конечном счете перекрывались теми выгодами и преимуществами, которые давало их производственное содружество. Истекшие после реорганизации МТС первые семь лет показали, что путь совершенствования системы “колхоз – МТС” был бы, вероятно, более эффективным, чем ликвидация самой системы с имевшими место излишками» [1976. С. 238].

Главный специалист по аграрно-крестьянскому вопросу и куратор науки из ЦК КПСС историк С. П. Трапезников вывел следующую формулу развития советского аграрного строя. Социалистическая реорганизация сельского хозяйства, по его мнению, осуществлялась по трем направлениям: по линии создания совхозов, машинно-тракторных станций и колхозов. Появилось два однородных типа общественных хозяйств: государственные (совхозы и МТС) и кооперативные (колхозы). «Теперь проверено временем и подтверждено многолетней практикой, – пишет он, – что этот путь социалистической реорганизации сельского хозяйства являлся правильным не только в СССР, но оказался в той или иной мере приемлемым и для других социалистических стран...» [1974. С. 560–561]. Таким образом, включив МТС в число структур, целенаправленно создававшихся по программе массовой коллективизации, С. П. Трапезников подчеркнул большую значимость этих предприятий и нецелесообразность их ликвидации.

В научно-исторических публикациях 1960–1980-х гг. по истории крестьянства помимо обозначенных выше экономических вопросов на общесоюзном и региональном материале детально прорабатывались проблемы осуществления партийного руководства сельхозартелями, обеспечения их кадрами, производства сельхозпродукции, шефства промышленных предприятий над сельскохозяйственными и др. (см.: [Русаков, 1965; Беликова, 1983] и др.).

Периодизация послевоенной истории сельского хозяйства в целом и колхозов в частности совпадала с периодизацией истории советского общества. Для рассматриваемого нами этапа ключевыми вехами являлись 1945, 1958 и 1965 гг. 1945 г. – окончание Великой Отечественной войны, первый мирный сельскохозяйственный год. 1958 г. – завершение полной и окончательной победы социализма и преддверие эпохи создания материально-технической базы коммунизма, упрочение колхозного строя, начало сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной. 1965 г. – исправление волюнтаристских перегибов в осуществлении руко-

водства страной и вступление в эпоху «развитого социализма», старт реализации программы интенсификации сельского хозяйства. Периоды подъема (восстановительного роста) отрасли: 1946–1950, 1954–1958 и после 1965 г., периоды замедления темпов ее развития: 1951–1953 и 1959–1964 гг.

О предпосылках и природе кризисных явлений в сельском хозяйстве, как и вообще о недостатках колхозного строя, историки высказывали разные мнения. В частности, они полемизировали по вопросу о том, какие факторы – субъективные или объективные, внутренние или внешние – в наибольшей степени обусловили те или иные трудности. Многие дискуссионные вопросы о развитии сельского хозяйства Сибири были представлены в фундаментальной коллективной монографии «Историография крестьянства советской Сибири» (1976 г.), подготовленной в Институте истории, филологии и философии СО РАН [Историография крестьянства..., 1976].

В 1953–1964 гг. ученые часто пытались обосновать тезис о том, что замедление темпов роста колхозного хозяйства в начале 1950-х гг. было вызвано причинами субъективного порядка. Например, по мнению Н. С. Погорелова, кризисное развитие колхозов в этот период являлось следствием ошибочной политики И. В. Сталина: «Сталин не понимал деревни, не знал сельского хозяйства, – пишет автор, – часто игнорировал требования законов развития сельскохозяйственного производства. Это особо ярко проявилось в политике цен на сельскохозяйственные продукты. <...> В ряде отраслей сельского хозяйства нарушался один из коренных принципов социалистического хозяйствования – принцип материальной заинтересованности» [Погорелов, 1964. С. 58].

В период правления Л. И. Брежнева акценты изменились, трудности в сельском хозяйстве начала 1950-х гг. были названы следствием объективных и в значительной степени внешних факторов: исчерпание потенциала восстановительного роста, отток сельского населения в промышленность, засуха, сокращение капиталовложений в отрасль в связи с увеличением расходов на оборону, обусловленным противостоянием с США (война в Корее и т. п.) [Волков, 1972. С. 285].

Характерно, что во второй половине 1960-х – конце 1980-х гг. исследователи, анализируя причины замедления темпов роста сельского хозяйства в начале 1960-х гг., также акцентировали внимание на субъективных факторах. Упор на них делался в связи с решениями октябрьского 1964 и мартовского 1965 г. пленумов ЦК КПСС, осудивших субъективизм в политике Н. С. Хрущева. С этого момента почти все неудачи в сельском хозяйстве и в других сферах объяснялись волюнтаризмом в его руководящей деятельности. Многие предложения Н. С. Хрущева признавались ошибочными. При их анализе имя первого секретаря ЦК КПСС упоминалось крайне редко. Реальная роль этого деятеля в осуществлении аграрной политики государства, по сути дела, была раскрыта историками только в постсоветский период [Зеленин, 2001].

У высших политических руководителей вызывали раздражение поспешность и радикальность инициатив Н. С. Хрущева, его стремление опередить время: создать социально-экономические структуры и отношения, которые должны появиться лишь в будущем, причем не самом близком. За эти недостатки в руководстве Н. С. Хрущев получил весомую порцию критики еще при И. В. Сталине. В 1951 г. генсек раскритиковал его предложение сократить размеры личных участков колхозников и выделять из общественных фондов средства на развитие социально-бытовой инфраструктуры в укрупненных колхозах. И. В. Сталин полагал, что время для такого рода перемен в жизни колхозников еще не пришло.

В 1960-е гг. в научную литературу по экономике и истории сельского хозяйства стремительно вошла совхозная тематика. Интерес к ней обуславливался масштабным строительством государственных хозяйств, инициированным Н. С. Хрущевым и противоречившим и взглядам И. В. Сталина, и позициям В. Г. Венжера. «Совхозизация» середины 1950-х – начала 1960-х гг. являлась продолжением реализации программы коллективизации, принятой в конце 1920-х гг. При Н. С. Хрущеве массовое совхозное строительство, разумеется, было для исследователей важным позитивным мероприятием. Но и после октября 1964 г. его в целом считали прогрессивным шагом. Строительство совхозов на новых землях и освоение целины в общем

как способ быстрого решения зерновой проблемы не могли не оправдываться, поскольку одним из руководителей целинной кампании являлся Л. И. Брежнев. Данная акция стала приобретать образ мероприятия, продвигавшегося именно Л. И. Брежневым, а не Н. С. Хрущевым. Хотя целинную эпопею чаще называли инициированным партией всенародным движением.

К числу недостатков отнесли чрезмерные масштабы реорганизации отстающих колхозов в совхозы, во многом обусловившие низкую эффективность вновь образованных хозяйств. Действительно, данную акцию, изначально являвшуюся чисто экономической мерой, при Н. С. Хрущеве наполнили большим идеологическим смыслом: ее проведение должно было ускорить приближение коммунизма, конкретные сроки вхождения в который (1980 г.) установил XXII съезд КПСС в октябре 1961 г. После отставки первого секретаря партийная верхушка заявила о том, что необходимо одновременно и соразмерно развивать и колхозную, и совхозную формы хозяйствования. Слияние двух типов хозяйств в единую общенародную собственность объявлялось делом отдаленного будущего.

О коммунистической перспективе вообще старались не говорить. Эпоха создания материально-технической базы коммунизма, о начале которой еще в 1959 г. возвестил внеочередной XXI съезд партии, стала называться эпохой «развитого социализма». Если в первом варианте данный период общественного развития имел переходный характер и свой финал, то во втором – являлся особой стадией, которая могла длиться сколь угодно долго.

Однако, ради истины, следует отметить, что установка равномерно развивать обе формы социалистического хозяйствования родилась уже при Н. С. Хрущеве. В конце правления он признал ошибочность сплошного преобразования отстающих колхозов в совхозы и отметил важность принятия мер по оздоровлению экономики сельхозартелей. В упомянутой выше книге Н. С. Погорелова обосновывался тезис о том, что Н. С. Хрущев невиновен в этом провале и что он всегда выступал за равномерное развитие и колхозов, и совхозов, а вот И. В. Сталин, наоборот, противопоставлял их друг другу. По мнению автора, в 1930-е – начале 1950-х гг. многие колхозы были настолько истощены экономически необоснованной ценовой, заготовительной и налоговой политикой государства, что самостоятельно уже не могли встать на ноги, и после смерти И. В. Сталина правительству пришлось взять их на госбюджет. Однако в конце 1950-х – начале 1960-х гг. данный процесс зашел слишком далеко, и виновны были в этих перехлестах «некоторые экономисты», «отдельные товарищи» и «местные руководители», которые убеждали верховное руководство в необходимости широкой «совхозизации» колхозов, фактически являвшейся ошибочной мерой [Погорелов, 1964. С. 58–74].

В целом «реабилитация» совхозов в середине 1950-х – начале 1960-х гг. породила целый шлейф работ о развитии общенародного сектора сельского хозяйства. Об увеличении объема публикаций о совхозах свидетельствуют данные поисковой системы Российской государственной библиотеки. Так, поиск публикаций, вышедших в свет в 1930–1955 и в 1956–1981 гг., по слову «совхозы» выдал 5,8 и 14,0 тыс. названий соответственно. Таким образом, количество работ по данной теме выросло в 2,4 раза соответственно. Запрос по слову «колхозы» за эти двадцатипятилетние периоды позволил выявить 19,8 и 22,6 тыс. печатных материалов, т. е. рост публикаций по колхозной проблематике составил только 14 %. Разумеется, речь идет не только о научно-исторических работах, но и о трудах экономического и сельскохозяйственного профиля.

Значительный вклад в изучение особенностей развития и функционирования совхозов внесли Н. С. Погорелов [1964], М. Л. Богденко, И. Е. Зеленин [1976], Н. С. Тонаевская [1978] и др. В основном исследовались те же темы, что и при анализе колхозно-крестьянской проблематики (организация и оплата труда, рентабельность, кадровый потенциал, материально-техническая база, динамика и масштабы производства, партийное руководство и др.). Важным направлением стал анализ вопросов реорганизации колхозов в совхозы [Тюрина, 1983].

Проблемы развития и функционирования колхозно-совхозной системы в рассматриваемый период отображали не только историки, экономисты и прочие ученые, но и писатели. В 1960-е гг. стала набирать популярность деревенская проза (В. П. Астафьев, В. Т. Распутин, В. М. Шукшин, С. П. Залыгин, В. А. Солоухин и др.), которая создавала яркие картины вну-

триколхозной и внутрисовхозной жизни с ощутимым нонконформистским уклоном. Произведения «деревенщиков» показывали аграрную политику государства в восприятии селян, их повседневные отношения друг с другом и с представителями власти, природу трудовых подвигов и проступков, особенности семейного быта. В этих сюжетах просматриваются тяжелый, неблагодарный и часто бесплодный труд на колхозных и совхозных полях и фермах, черствость и волюнтаризм начальства и прочие недостатки советской аграрной системы. Раскрывается также значительная роль личного подсобного хозяйства в жизни работников сельхозпредприятий. В целом они превозносили традиционные крестьянские ценности.

В годы перестройки отношение широких слоев общества, литературных и экспертных кругов к советскому строю стало более критическим. Верховная власть предоставила исследователям доступ к ранее засекреченным архивам и в то же время направила их творческую энергию на выявление недостатков административно-командной системы. При этом закономерность формирования и эффективность функционирования социалистических отношений в первые годы перестройки не подвергались сомнению.

Специалисты по аграрной истории СССР стали пересматривать взгляды на колхозно-совхозную систему. Широко распространилась точка зрения о том, что она в принципе не может быть эффективной, поскольку является детищем сталинской волюнтаристской политики, ослабленным многочисленными неизлечимыми родовыми травмами. При этом говорилось о существовании альтернативных путей социалистической реконструкции сельского хозяйства. Эту позицию разделяли, например, академик ВАСХНИЛ В. А. Тихонов и историк В. П. Данилов. На «круглом столе» с повесткой «Коллективизация: истоки, сущность последствия», проходившем в Москве 24 октября 1988 г., В. П. Данилов заявил: «Сталинский вариант коллективизации не был запрограммирован ни социалистической теорией, ни объективными обстоятельствами <...>. Трактровка кооперирования крестьянских хозяйств не как самостоятельной задачи..., а как средства для решения других задач была принципиальным нарушением ленинского кооперативного плана, повлекшим за собой все другие нарушения и искажения. <...> Со времени коллективизации колхозы были поставлены по отношению к государству в такое положение, которое резко ограничивало их самостоятельность и инициативу, а тем самым и хозяйственный рост. <...> Конечным результатом всего этого явилось бегство крестьян от земли, запустение деревень. <...> Попытки решать проблемы колхозно-совхозного производства с позиций “крупнопромышленного” догматизма предпринимались и в 60-х, и 70-х гг. вплоть до самого последнего времени. Уяснение порочности таких попыток, прежде всего несостоятельности беспредельного “укрупнения” производства, стало одной из важнейших предпосылок перестройки в сельском хозяйстве» [Коллективизация: истоки, сущность, последствия, 1989. С. 16–17]. Альтернативами сталинской коллективизации, по мнению В. П. Данилова, являлись программы Н. И. Бухарина и А. В. Чаянова.

Подобные взгляды разделяли и многие публицисты. Их критика созданной И. В. Сталиным колхозно-совхозной системы была более прямолинейной и жесткой. Именно литераторы, писавшие на деревенские темы, называли ее «агроулагом», выступали за расширение ЛПХ селян и в целом формировали в массовом сознании представление о целесообразности фермеризации сельского хозяйства через роспуск колхозов и совхозов.

Наиболее последовательно эти идеи продвигал Ю. Д. Черниченко. По его мнению, долгосрочная цель коллективизации – создание государственных хозяйств и превращение крестьян в их наемных рабочих – являлась, по меньшей мере, эфемерной установкой. Собственность колхозов и совхозов, появившаяся в результате насильственного обобществления имущества крестьян, никогда не была и не станет эффективной, так как будет бесконечно разрываться работниками сельхозпредприятий, всегда желавшими увеличить личную собственность. Значительные силы предприятия расходуют на борьбу с хищениями: создают заборы, решетки, стены, канавы и пр., различные административные механизмы надзора за кадрами, пытаются сделать хищения управляемым процессом. Все это роднит колхозно-совхозную систему с тюремным хозяйством [Черниченко, 1997. С. 15–28].

Не менее категоричны высказывания публициста-«деревенщика» А. А. Базарова. В книге «Хроники колхозного рабства», объединившей его работы, написанные в 1986–2004 гг., говорится: «Только с дальнего подхода колхоз кажется системой прямой эксплуатации деревенщины. Формой устойчивого рабовладельческого хозяйства, весьма эффективной для оголтелой государственной власти и варварски расточительной с точки зрения ресурсов национального развития. Возможно, что так он и задумывался, но получился много хитрее. На протяжении четверти века сталинский колхоз ни в одной отрасли сельского производства не мог существовать без демонстративно презируемого большевизмом индивидуального крестьянского хозяйства. Анализ взаимосвязи двух хозяйственных антиподов показывает, что оскорбительным нищенством мы обязаны исключительно колхозу, а фактом экономического и национального выживания – самостоятельным усилиям сельского населения России» [2004. С. 765]. Правда, А. А. Базаров говорил здесь только о колхозах периода правления И. В. Сталина. Но в нисхождении к колхозно-совхозной системе постсталинской эпохи его вряд ли можно заподозрить.

Однако немалая часть ученых полагала, что в постсталинский период колхозно-совхозная система лишилась наиболее одиозных черт и была способна к дальнейшей трансформации посредством развития кооперативно-хозрасчетных отношений. Этой точки зрения придерживался, например, Н. Я. Гущин, считавший внедрение в колхозы и совхозы арендного подряда ключом к решению многих хозяйственных проблем [Крестьянство и сельское хозяйство Сибири, 1991. С. 31]. Не разделял он и тезис о том, что у сталинской коллективизации не было объективных оснований. На упомянутом выше «круглом столе» он, дискутируя с В. П. Даниловым, сказал: «Субъективные факторы, и главный из них – отрицательные личные качества Сталина, конечно, сыграли свою негативную роль. Но объяснять причины отхода от ленинских принципов развития социализма только этим нельзя. Прав Д. А. Волкогонов, который выделяет комплекс причин – политическую, историческую, гносеологическую, международную» [Коллективизация: истоки, сущность, последствия, 1989. С. 25].

В защиту колхозов и совхозов на этом мероприятии выступил и И. Е. Зеленин. В ответ Ю. Д. Черниченко, заявившему о том, что победа в Великой Отечественной войне была одержана не благодаря колхозам, а вопреки им, И. Е. Зеленин сказал: «Резко негативная оценка Ю. Черниченко результатов производственной деятельности колхозов на всем протяжении их развития, и в частности в период Великой Отечественной войны, базируется, как мне представляется, главным образом на эмоциях при явном игнорировании реальных фактических данных. <...> Решительно не могу согласиться с подобными нигилистическими оценками колхозов <...>, широко распространившимися в последнее время в советской публицистике и художественной литературе. Все дело в том, чтобы вернуть колхозам их изначальную сущность как одной из форм ленинской кооперации, причем не на словах, а на деле, и чем скорее, тем лучше» [Там же. С. 53].

Таким образом, на советском этапе объективная научная картина развития колхозно-совхозной системы так и не была создана, поскольку исследователи пребывали в плену доктринальных представлений. Хотя полного единомыслия среди ученых никогда не было. В работах экономистов 1960–1980-х гг. высоко оценивалась «десталинизация» колхозной системы середины 1950-х гг. и обосновывалась необходимость использования в ней рыночных механизмов. Историки в своих фундаментальных трудах по теме, вышедших во второй половине 1980-х гг., дали аграрной «десталинизации» Н. С. Хрущева осторожную оценку и отдавали дань сталинской стратегии колхозного строительства. Негативную роль сыграл и дефицит информации по ключевым историческим проблемам. Тем не менее труды советских авторов – важное подспорье для современных исследователей.

Список литературы

Базаров А. А. Хроники колхозного рабства. М.: Возвращение, 2004. 814 с.

Беликова Л. П. Колхозное производство в Западной Сибири в 50-е годы // Развитие сельскохозяйственного производства в Сибири в условиях социализма. 1938–1980 гг.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1983. С. 64–75.

Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Совхозы СССР: краткий исторический очерк. М.: Политиздат, 1976. 279 с.

Венжер В. Г. Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М.: Наука, 1979. 286 с.

Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М.: Мысль, 1972. 293 с.

Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.). М.: Мысль, 1976. 263 с.

Заславская Т. И. Распределение по труду в колхозах, М.: Экономика, 1966. 342 с.

Заславская Т. И. Современная экономика колхозов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 115 с.

Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство. М.: Ин-т российской истории РАН, 2001. 305 с.

Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск: Наука, 1976. 478 с.

История советского крестьянства. 1945 – конец 1950-х гг. М.: Наука, 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 499 с.

История социалистической экономики СССР. М.: Наука, 1980. Т. 6: Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. 589 с.

Казанцев А. В. Реорганизация МТС и формирование механизаторских кадров в колхозах Алтая (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1977. С. 204–216.

Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–62.

Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск: Наука, 1991. 496 с.

Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск: Наука, 1985. 400 с.

Могильницкая К. И. Экономическое стимулирование колхозного производства Западной Сибири через заготовительные цены (1958–1965 гг.) // Проблемы истории советской сибирской деревни: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1977. С. 217–234.

Погорелов Н. С. Совхозы на пути к коммунизму (Роль совхозов в развитии производительных сил и совершенствовании социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве). Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1964. 272 с.

Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенограф. отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 2. 1723 с.

Русаков Р. С. Укрепление колхозов Западной Сибири кадрами специалистов (1953–1957 гг.) // Изв. СО АН СССР. 1965. № 9. Серия общественных наук. Вып. 3. С. 64–69.

Советская деревня в первые послевоенные годы: 1946–1950. М.: Наука, 1978. 512 с.

Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Изд-во «Концептуал», 2011. 156 с.

Тонаевская Н. С. Рабочие совхозов Западной Сибири. 1959–1965 гг. Новосибирск: Наука, 1978. 189 с.

Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Мысль, 1974. Т. 2: Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана. 622 с.

Трегубов И. Н. Колхозное производство и его экономическая эффективность (по материалам колхозов Восточной Сибири). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 186 с.

Тюрина А. П. К вопросу о преобразовании колхозов в совхозы // История СССР. 1983. № 5. С. 3–21.

Черниченко Ю. Д. Дело было в России. М.: Изд-во «Московский рабочий», 1997. 368 с.

Материал поступил в редколлегию 09.02.2018

S. N. Andreenkov

*Institute of History SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

andreenkov_sn@mail.ru

THE USSR COLLECTIVE-STATE FARM SYSTEM IN 1946–1964 IN SCIENTIFIC AND PUBLICISTIC LITERATURE OF THE SOVIET ERA

The study objective was to analyze scholars' and publicists' views of the Soviet era on the development of the collective-state farming system during two decades after World War II. The key aims were to reveal the influence of ideological and political attitudes of the supreme authority on researchers' opinion, similarities and differences in the views of historians, economists and publicists regarding the issues. Collective farm peasant problematics have dominated scientific literature. The works of economists of the 1960–1980s have highly assessed «destalinization» of the collective farming system of the mid-1950s and substantiated the necessity of using cooperative starters and market mechanisms on farms. Historians in their fundamental works on this subject published in the second half of the 1980s have cautiously evaluated the agrarian “destalinization” by N. S. Khrushchev and paid tribute to the Stalinist strategy of collective farming. State farming issues became popular due to large-scale construction of state farms developed under the guidance of N. S. Khrushchev in the second half of the 1950s. During the period of his leadership (1953–1964), researchers gave this undertaking a high appraisal, however after 1964 critical judgments started appearing in the works of scientists, primarily regarding the policy of transforming collective farms into state ones. During the years of Perestroika, the attitude of scholars and publicists towards the Soviet system became more critical from the supreme power. There was an opinion that the collective-state farming system was never and would not be an effective economic mechanism due to incurable «generational traumas» of past experiences. Opponents of this opinion argued that it lost its fundamental shortcomings in the post-Stalin period, and continued to have a future.

Keywords: collective-state farm system, agrarian system, agriculture, historiography, I. V. Stalin, N. S. Khrushchev, V. G. Venzher.

References

- Bazarov A. A. *Khroniki kolkhoznogo rabstva* [*Chronicles of the Collective Farm Slavery*]. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2004, 814 p. (in Russ.)
- Belikova L. P. Kolkhoznoe proizvodstvo v Zapadnoi Sibiri v 50-e gody [Collective Farming in Western Siberia in 1950s]. *Razvitie sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva v Sibiri v usloviyakh sotsializma. 1938–1980 gg.* [The Agricultural Production Development in Siberia Under Conditions of Socialism. 1938–1980]. Novosibirsk, 1983, p. 64–75. (in Russ.)
- Bogdenko M. L., Zelenin I. E. *Sovkhozy SSSR: kratkii istoricheskii ocherk* [State Farms of the USSR: a Brief Historical Essay]. Moscow, Politizdat Publ., 1976, 279 p. (in Russ.)
- Chernichenko Yu. D. *Delo bylo v Rossii* [It Was in Russia]. Moscow, Moskovskii rabochii, 1997, 368 p. (in Russ.)
- Istoriografiya krest'yanstva sovetskoi Sibiri* [Historiography of the Peasantry in Soviet Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 478 p. (in Russ.)

Istoriya sovetskogo krest'yanstva [The Soviet Peasantry History]. Moscow, Nauka, 1988, vol. 4. Krest'yanstvo v gody uprocheniia i razvitiia sotsialisticheskogo obshchestva. 1945 – konets 1950-kh gg. [Peasantry in the Years of Consolidation and Development of the Socialist Society. 1945 – late 1950s], 499 p. (in Russ.)

Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR [History of the USSR Socialist Economy]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 6. Vosstanovlenie narodnogo khozyaistva SSSR. Sozdanie ekonomiki razvitogo sotsializma. 1946 – nachalo 1960-kh godov [Recovery of the USSR National Economy. Creation of the Economy of Developed Socialism. 1946 – early 1960s], 589 p. (in Russ.)

Kazantsev A. V. Reorganizatsiya MTS i formirovanie mekhanizatorskikh kadrov v kolkhozakh Altaya (1958–1965 gg.) [MTS Reorganization and Forming of Machine-Building Personnel in the Collective Farms of Altay (1958–1965)]. *Problemy istorii sovetskoi sibirskoi derevni* [The Problems of the History of the Soviet Siberian Village]. Novosibirsk, 1977, p. 204–216. (in Russ.)

Kollektivizatsiya: istoki, suschnost', posledstviya. Beseda za "kruglym stolom" [Collectivization: Origins, Essence, Consequences. "Round Table" Discussion]. *Istoriya SSSR*, 1989, no. 3, p. 3–62. (in Russ.)

Krest'yanstvo i sel'skoe khozyaistvo Sibiri. 1960–1980-e gg. [The Peasantry and Agriculture of Siberia. 1960–1980s]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 496 p. (in Russ.)

Krest'yanstvo Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma [Siberian Peasantry in the Period of Socialism Consolidation and Development]. Novosibirsk, Nauka, 1985, 400 p. (in Russ.)

Mogilnitskaya K. I. Ekonomicheskoe stimulirovanie kolkhoznogo proizvodstva Zapadnoi Sibiri cherez zagotovitel'nye tseny (1958–1965 gg.) [Economic Stimulation of Collective Farm Production in Western Siberia Through Procurement Prices (1958–1965)]. *Problemy istorii sovetskoi sibirskoi derevni* [The Problems of the History of the Soviet Siberian Village]. Novosibirsk, 1977, p. 217–234. (in Russ.)

Pogorelov N. S. Sovkhozy na puti k kommunizmu (rol' sovkhov v razvitii proizvoditel'nykh sil i sovershenstvovanii sotsialisticheskikh proizvodstvennykh otnoshenii v sel'skom khozyaistve) [State Farms on the Road to Communism (The Role of State Farms in Productive Forces Development and Improvement of Socialist Production Relations in Agriculture)]. Kyiv, Izdatel'stvo Kievskogo universiteta, 1964, 272 p. (in Russ.)

Pyatnadsatyi s'ezd VKP(b). Dekabr' 1927 goda. Stenograficheskii otchet [The 15th Congress of the AUCP(b). December 1927. A Stenographic Report]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962, vol. 2, 1723 p. (in Russ.)

Rusakov R. S. Ukreplenie kolkhozov Zapadnoi Sibiri kadrami spetsialistov (1953–1957 gg.) [Strengthening the Collective Farms of Western Siberia with Specialists (1953–1957)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR* [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences], 1965, no. 9, Seriya obshchestvennykh nauk, iss. 3, p. 64–69. (in Russ.)

Sovetskaya derevnya v pervye poslevoennye gody: 1946–1950 [Soviet Village in the First Post-War Years: 1946–1950]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 512 p. (in Russ.)

Stalin I. V. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [Economic Problems of the Socialism in the USSR]. Moscow, Kontseptual Publ., 2011, 156 p. (in Russ.)

Tonaevskaya N. S. *Rabochie sovkhovov Zapadnoi Sibiri. 1959–1965 gg.* [Workers of the State Farms of Western Siberia. 1959–1965]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 189 p. (in Russ.)

Trapeznikov S. P. *Leninizm i agrarno-krest'yanskii vopros* [Leninism and the Agrarian-Peasant Question]. Moscow, Mysl' Publ., 1974, Vol. 2. Istoricheskii opyt KPSS v osuschestvlenii leninskogo kooperativnogo plana [Historical Experience of KPSU in Realization of Lenin's Cooperative Plan], 622 p. (in Russ.)

Tregubov I. N. *Kolkhoznoe proizvodstvo i ego ekonomicheskaya effektivnost' (po materialam kolkhozov Vostochnoi Sibiri)* [Collective Farm Production and Its Economic Efficiency (According to the Materials of Collective Farms in Eastern Siberia)]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, 186 p. (in Russ.)

Tyurina A. P. K voprosu o preobrazovanii kolkhozov v sovkhozy [Concerning the Transformation of Collective Farms into State Ones]. *Istoriya SSSR [The USSR History]*, 1983, no. 5, p. 3–21. (in Russ.)

Venzher V. G. *Sotsial'no-ekonomicheskie perspektivy razvitiya kolkhoznogo stroya [Socio-Economic Prospects for the Collective Farm System Development]*. Moscow, Nauka, 1979, 286 p. (in Russ.)

Volkov I. M. *Trudovoi podvig sovetskogo krest'yanstva v poslevoennye gody. Kolkhozy SSSR v 1946–1950 gg. [Labor Feat of the Soviet Peasantry in the Post-War Years. The Collective Farms of the USSR in 1946–1950]*. Moscow, Mysl' Publ., 1972, 293 p. (in Russ.)

Vyltsan M. A. *Vosstanovlenie i razvitie material'no-tekhnicheskoi bazy kolkhoznogo stroya (1945–1958 gg.) [Restoration and Development of the Material-Technical Basis of the Collective Farm System (1945–1958)]*. Moscow, Mysl' Publ., 1976, 263 p. (in Russ.)

Zaslavskaya T. I. *Raspredelenie po trudu v kolkhozakh [Distribution According to Work on the Collective Farms]*. Moscow, Ekonomika Publ., 1966, 342 p. (in Russ.)

Zaslavskaya T. I. *Sovremennaya ekonomika kolkhozov [Modern Economy of Collective Farms]*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960, 115 p. (in Russ.)

Zelenin I. E. *Agrarnaya politika N. S. Khrushcheva i sel'skoe khozyaistvo [The Agrarian Policy by N. S. Khrushchev and Agriculture]*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, 2001, 305 p. (in Russ.)

Сведения об авторе / Information about the Author

Андреенков Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории СО РАН (Новосибирск)

Andreenkov Sergey Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Sector of Agrarian History, Institute of History of the SB RAS (Novosibirsk)

Для цитирования / For citation

Андреенков С. Н. Колхозно-совхозная система СССР 1946–1964 годов в научной и публицистической литературе советской эпохи // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 8: История. С. 136–146.

Andreenkov S. N. The USSR Collective-State Farming System in 1946–1964 in Scientific and Publicistic Literature of the Soviet Era. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 8: History, p. 136–146. (in Russ.)

DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-136-146

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Пластун В. Н. Изнанка афганской войны 1979–1989 гг.:

Дневниковые записи и комментарии участника.

М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. 756 с.

Уход советских войск из Афганистана (1989 г.) и последовавший вскоре распад СССР подтвердили давнее, чуть подзабытое реноме этого края как исторического «кладбища империй»¹. Однако исход *шоурави* не принес долгожданный мир для горцев. Раскрученный маховик насилия, то замедляя, то ускоряя обороты, по сей день продолжает множить число своих жертв. Остановить его могут только консолидированные усилия всех основных (внутренних и внешних) акторов афганской трагедии, что на сегодняшний момент представляется крайне маловероятным.

Само расположение разворошенной войной страны в центре богатого ресурсами огромного региона вкупе с колоссально выросшими новыми угрозами (исламский экстремизм, сопряженный с международным терроризмом, наркотрафик) практически гарантируют на ближайшие десятилетия пристальное внимание к Афганистану. И не только со стороны надолго застрявших здесь геополитически озабоченных «заморских гостей» из США и НАТО. Для Китая и Пакистана, Индии и Ирана те или иные повороты в афганской «смуте» чреваты усилением дестабилизирующих факторов на собственных приграничных территориях. И не факт, что эту опасность во всех случаях удастся купировать, локализовать на окраинах.

К числу ближайших соседей Афганистана относится и Россия, формально отделенная от него не слишком надежным буфером, состоящим из бывших советских республик. Для нее, так же как и для других сопредельных держав, «афганский вопрос» – это, прежде всего, вопрос национальной безопасности. Прямой государственный интерес России заключается в восстановлении утраченных ранее позиций в Афганистане, что предполагает всесторонний учет особенностей этой страны, всего позитивного и негативного опыта взаимоотношений между нашими странами и народами.

Представляемая книга Владимира Никитовича Пластуна является ценнейшим источником для изучения самых насыщенных и трагических страниц советско-афганских отношений, связанных с Саурской (Апрельской) революцией 1978 г., развернувшейся затем гражданской войной, последовавшим вскоре вводом советских войск на территорию Афганистана (декабрь 1979 г.) и их участием в вооруженном конфликте. В своей первой командировке (апрель 1979 – май 1980 г.) автор фиксировал происходящее, находясь в должности директора Советского культурного центра в Кабуле. В следующий раз (май 1987 – август 1988 г.) он предстает уже как «специалист-этнограф» (аналитик и советник) Вооруженных сил Афганистана. Эта вторая командировка отметилась в дневниках особенно большим массивом не публиковавшихся ранее документов: аналитических записок, материалов закрытых совещаний, записей бесед не только с представителями афганского правительства, но и с лидерами оппозиции. Последние стали возможными благодаря запоздалой «политике национального примирения», ставшей прелюдией к выводу советских войск. И, наконец, в третий раз (май 1990 – январь 1992 г.) В. Н. Пластун свидетельствует уже об агонии ДРА в качестве собственного корреспондента газеты «Правда». Впоследствии он вновь приезжал в Кабул, встречался со многими влиятельными политиками, в том числе и с бывшими своими противниками, лидерами моджахедов: например, с Бурханудином Раббани, формально возглавлявшим страну в 1992–2001 гг.

¹ Данный выразительный и при этом достаточно точный термин стал популярным в аналитической и популярной литературе по Афганистану после выхода в свет книги известного американского политолога, ведущего эксперта Центра стратегических и международных исследований, проф. Сета Джоунса. См.: [Jones, 2009].

Высокая ценность мемуаров вытекает не только из длительности работы В. Н. Пластуна в Афганистане, причем как в столице, так и в большинстве провинций. Истинную уникальность изданию придает то, что его автор – высококвалифицированный востоковед, специалист по истории и политике Ирана и Афганистана ², великолепно владеющий «персидским языком» (*фарси*), в том числе и его афганской версией (*дари*). Профессиональная компетентность В. Н. Пластуна изначально предопределила его восприятие разыгрывавшейся драмы в контексте давнего и недавнего исторического прошлого Афганистана. В то же время непосредственное, доскональное знание современных афганских реалий обусловило глубину и актуальность его сегодняшних комментариев к пережитому.

Не слишком искушенным читателям разглядеть «связь времен» и обстоятельств помогают вводные главы. В первой («Афганистан: страна, общество, религия, политика») дается необходимый минимум географии и исторической хронологии страны. Значительно больше говорится о ее народах (пуштунах, таджиках, хазарейцах, узбеках), отдельных племенах, их традициях и нравах, взаимоотношениях друг с другом и с Кабулом, прошлых заслугах и нынешней роли в государстве. Традиционный ислам консолидировал все этнические и социальные группы против вторгавшихся извне иноверцев, но не снимал противоречий между суннитами и шиитами, различными сектами внутри каждого из этих направлений. Столетиями происходила притирка различных компонентов этого глубоко традиционного общества друг к другу, выработка сложнейшего регламента их сосуществования и взаимодействия в рамках общего государства. На постижение этой конструкции, имеющей нюансы в каждом отдельном уголке страны, нужны годы упорного труда не только в архивах и библиотеках, но и непременно на местах, в «полевых» условиях. Увы, всего этого и близко не было в деятельности большей части многочисленных номенклатурных «советских советников», направленных после революции в помощь «афганским товарищам». В итоге некомпетентность одних оплачивалась кровью других.

Во второй главе автор с привлечением всех доступных источников проводит расследование по поводу ввода советских войск, положившего начало новому, самому кровопролитному этапу афганской войны. По твердому убеждению В. Н. Пластуна, главная причина советского вторжения в Афганистан – опасение быть обойденными здесь американцами. Правда, из текста нельзя точно определить, считает ли автор военное присутствие янки в Афганистане недостаточным доводом в поддержку советского вторжения или под сомнение ставится сам факт наличия подобных намерений у США, преднамеренно спровоцировавших советскую интервенцию.

Вопрос действительно не простой. «Мы не принуждали русских вмешиваться, но мы сознательно увеличили вероятность того, чтобы они это сделали». Именно так, весьма витиевато (понимай, как хочешь) высказался по этому поводу Збигнев Бжезинский в интервью еженедельнику «Нувель Обсерватер» 25.12.2009 [Жовер, 2009]. Есть и другие, столь же туманные и похожие на похвальбу признания со стороны американских «бывших». Бог им судья. Несопоставимо важнее понять, почему советское руководство не учло все вполне предсказуемые для специалистов негативные последствия интервенции и повелось на провокацию. Может быть, и потому, что это руководство было просто не приучено считаться с мнениями своих высококлассных экспертов, выпестованных блестящей школой отечественного востоковедения.

Что касается занимающей центральное место в книге собственно дневниковой части, то автор сопроводил ее всеми необходимыми комментариями. В любом случае абсолютно бессмысленной была бы попытка добавить что-то со стороны к рассказу участника войны об увиденном и услышанном. Отметим только, что свою заявку на показ изнанки «спрятанной войны» В. Н. Пластун честно выполнил, высветив не только ее героические, но и многие неприглядные стороны. О некоторых из них раньше мы только догадывались, другие предстают откровением и сейчас.

² Список основных работ В. Н. Пластуна см.: [Владимир Никитович Пластун, 2014].

Несомненным достижением автора являются мастерски выписанные портреты советских дипломатов, советников, журналистов и, конечно, военных, с которыми он пересекался в «Афгане», а также очерк о трагической гибели Наджибуллы – хорошо знакомого ему последнего (и, пожалуй, наиболее достойного) руководителя ДРА³.

Можно с уверенностью сказать, что эмоциональное, проникнутое симпатией к непокорному и доселе никем не покоренному народу, лишенное всякой вычурности и выспренности повествование будет востребовано не только «широким кругом читателей», ветеранами Хайбера и Саланга в первую очередь, но и профессиональным сообществом специалистов: историков, политологов, востоковедов, в том числе и будущих: студентов и магистрантов.

Список литературы

Владимир Никитович Пластун: Биобиблиография. Новосибирск, 2014. 72 с.

Жовер В. «Да, ЦРУ появилось в Афганистане до русских...»: Признания бывшего советника Президента США Картера // L'OBs. 25.12.2009. На сайте ИНОСМИ.РУ (проект РИА Новости). URL: <http://inosmi.ru/india/20091225/157194967.html> (дата обращения 01.12.2017).

Пластун В. Н., Андрианов В. В. Наджибулла: Афганистан в тисках геополитики. М.: Рус. биограф. ин-т; ИД «Сократ», 1998. 240 с.

Jones S. G. Graveyard of Empires: America's War in Afghanistan. New York: W. Norton & Co., 2009. 428 p.

Козлов Виктор Александрович
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий редактор компании «Global Partnership
on Development of Scientific Cooperation» (Барнаул)
kozlov1952@bk.ru

Комиссаров Сергей Александрович
кандидат исторических наук, профессор кафедры
востоковедения Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета
sergai@mail.ru

³ Этим трагическим событиям посвящена первая книга В. Н. Пластуна [Пластун, Андрианов, 1998]. В 2001 г. книгу перевели на язык дари и издали в Пешаваре, который перманентно был (и остается) важнейшим центром афганской оппозиции.

ЮБИЛЕЙ ПРОФЕССОРА В. И. ШИШКИНА

Владимир Иванович Шишкин
(к 70-летию со дня рождения)

Широко известному в России и за рубежом ученому-историку, доктору исторических наук, профессору В. И. Шишкину 23 марта 2018 г. исполнилось 70 лет. Владимир Иванович является одним из крупнейших специалистов в области изучения революции и гражданской войны в России, политики Советской власти в 1917–1922 гг., государственного строительства в Сибири в 1920-е гг.

Заниматься научной работой В. И. Шишкин начал еще во второй половине 1960-х гг., будучи студентом отделения истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Свои первые шаги на научном поприще он делал в спецсеминаре Н. Я. Гущина, являвшегося крупным специалистом по изучению истории крестьянства и сельского хозяйства Сибири XX в. В июне 1970 г. В. И. Шишкин на «отлично» защитил дипломное сочинение, посвященное советской продовольственной политике в Сибири в условиях военного коммунизма.

В августе 1969 г. В. И. Шишкин, учившийся тогда на пятом курсе университета, был принят на должность старшего лаборанта в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. С декабря 1970 г. работал в Институте младшим, с декабря 1977 г. – старшим, с октября 1986 г. – ведущим научным сотрудником, с мая 1989 г. – заведующим отделом истории советского общества. С января 1991 г. по настоящее время Владимир Иванович является заведующим сектором истории общественно-политического развития Института истории СО РАН, который был создан по его инициативе. С января 1991 по июнь 1998 г. он также заведовал отделом истории советского общества, с ноября 1991 по август 1993 г. одновременно исполнял обязанности заместителя директора Института по науке.

Первоначально сферу научных интересов В. И. Шишкина составляли аграрная и продовольственная политика Советской власти в 1917–1922 гг., советское строительство в Сибири после ее освобождения от колчаковщины, а также отечественная историография революции и гражданской войны в России. В июне 1974 г. Владимир Иванович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук о создании и деятельности чрезвычайных органов Советской власти в Сибири во время военного коммунизма, а четыре года спустя опубликовал монографию «Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.)» (Новосибирск: Наука, 1978. 333 с.). Признанием научных заслуг В. И. Шишкина стало присуждение ему в октябре 1980 г. высшей награды Академии наук СССР и ЦК ВЛКСМ для молодых ученых – премии Ленинского комсомола.

Важным вкладом в отечественную историографию стали подготовленное при участии В. И. Шишкина издание «Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.)» (Новосибирск: Наука, 1983. 390 с.) и индивидуальная монография «Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.)» (Новосибирск: Наука, 1985. 320 с.). В декабре 1986 г. Владимир Иванович защитил докторскую диссертацию, а в апреле 1988 г. ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

В конце 1980-х гг. В. И. Шишкин резко расширил тематику своих исследований. Изучению подверглись партизанско-повстанческое движение в период контрреволюции, антикоммунистическое вооруженное сопротивление начала 1920-х гг. и «красный бандитизм», «демократическая контрреволюция» и колчаковщина, возникновение и развитие административно-политической элиты в 1917–1924 гг., реформирование органов власти Сибири в посткоммунистический период, деятельность правящей коммунистической партии в первой половине 1920-х гг. Больше внимания, чем прежде, Владимир Иванович стал уделять специальному изучению биографий политических и военных деятелей.

Большинство названных тем разрабатывались В. И. Шишкиным в рамках масштабных индивидуальных и коллективных научных проектов, поддержанных российскими и зарубежными фондами. К настоящему времени В. И. Шишкин является автором и соавтором не менее 420 научных публикаций, вышедших в России, Великобритании, Германии, США, Франции и Японии. Среди них – две индивидуальные и пять коллективных монографий, 12 сборников документов.

Деятельность В. И. Шишкина тесно связана с Новосибирским государственным университетом. С ноября 1974 г. он по совместительству работал ассистентом, с сентября 1978 г. – доцентом, с сентября 1988 г. – профессором кафедры истории КПСС, а с февраля 1990 г. по настоящее время – профессором кафедры отечественной истории гуманитарного факультета (с 2016 г. – Гуманитарного института) НГУ. С февраля 1990 по апрель 2004 г. являлся заведующим этой кафедрой и членом ученого совета гуманитарного факультета НГУ. В насто-

ящее время в Гуманитарном институте он читает лекционный курс по истории Сибири XX в., раздел курса по отечественной истории, посвященный революции и гражданской войне в России, и введение в специальность, ведет спецсеминар, в котором занимаются студенты, обучающиеся по направлению «История». За время преподавания под руководством Владимира Ивановича дипломные сочинения, бакалаврские квалификационные работы и магистерские диссертации защитили 60 студентов, кандидатские и докторские диссертации – 18 аспирантов, докторантов и соискателей.

На протяжении многих лет В. И. Шишкин вел и продолжает вести большую редакторскую и экспертную работу. В 2002–2004 г. он был ответственным редактором выпуска «История» и членом редакционного совета журнала «Вестник НГУ. Серия: История, филология», с 2005 г. бессменно входит в состав редакционной коллегии выпуска. В настоящее время Владимир Иванович также является членом редсоветов и редколлегий еще четырех научных журналов, издающихся в Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге и Якутске, экспертом Российского научного фонда, Российского фонда фундаментальных исследований и Российской академии наук. Деятельность в этом направлении способствует повышению общего профессионального уровня научной молодежи и поддержанию стабильно высокого уровня научных изданий.

Редакция журнала, коллеги, друзья и ученики поздравляют Владимира Ивановича с прошедшим юбилеем, желают крепкого здоровья, нескончаемого исследовательского энтузиазма, новых профессиональных успехов!

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	– Библиотека Российской академии наук
ГАО	– Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ИАОО	– Исторический архив Омской области
НИОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГБ	– Российская государственная библиотека
РНБ	– Российская национальная библиотека
ТА ГУФСИН КО	– Текущий архив Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Кемеровской области
ТОДРЛ	– Труды отдела древнерусской литературы
ЦА ФСБ РФ	– Центральный архив ФСБ России
ЦХДНИИО	– Центр хранения документации новейшей истории Иркутской области

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Методология исторических исследований. Историография», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь–февраль (вып. 1) и октябрь–ноябрь (вып. 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в вып. 1 осуществляется с мая по октябрь, в вып. 8 с ноября по апрель каждого календарного года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <http://vestnik.nsu.ru/historyphilology/history-requirements>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

Статьи: до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Документальные публикации: до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера.

Рецензии и Научная информация: до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<http://vestnik.nsu.ru/historyphilology>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона и электронный адрес автора.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет
кафедра отечественной истории, кафедра всеобщей истории
(ауд. 1264, 1265 нового учебного корпуса)
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 34
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18283 в каталоге ОАО «Роспечать»